

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова
Институт востоковедения Российской академии наук
Академия наук Чеченской Республики
Комплексный научно-исследовательский институт РАН
имени Х. И. Ибрагимова
Дагестанский государственный университет
Чеченский государственный университет
Чеченский государственный педагогический университет**

МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

*III Международная научно-практическая
конференция: сборник научных статей
(Грозный, 6–7 декабря 2019 г.)*

Грозный – 2020

УДК
ББК

Утверждено к печати
ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова

*Издание осуществлено в рамках реализации
Государственного задания Минобрнауки РФ
№ 35.9530.2017/БЧ*

Рецензенты:

Ляушева С. А. - доктор философских наук, профессор

Патеев Р. Ф. - кандидат политических наук, доцент

Редакционная коллегия: М. Ш. Минцаев (предс.), В. Х. Акаев (отв. ред.), Ш. Р. Кашаф (науч. ред.), М. И. Билалов, В. Ю. Гадаев, М. Я. Пашаев, Б. Б. Нанаева, М. Р. Нахаев, М. Я. Яхьяев.

Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции (Грозный, 6–7 декабря 2019 г.) / [редкол.: М. Ш. Минцаев (предс.); В. Х. Акаев (отв. ред.), Ш. Р. Кашаф (науч. ред.), М. И. Билалов и др.; ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, Институт востоковедения РАН] – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – 314 с.

ISBN 978-5-6045113-2-9

В сборнике научных статей опубликованы доклады и выступления участников III Международной научно-практической конференции «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму», отражающие сущность таких асоциальных явлений, как экстремизм и терроризм, причины их появления, формы проявления, динамика развития, социальную угрозу, а также активные методы профилактики. Рассматриваются и возможности использования этнокультурных ценностей для осуществления противодействия отмеченным социальным девиациям.

Рекомендуется преподавателям вузов, ученым, практическим работникам. Опубликованные в сборнике статьи представлены в авторской редакции.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова

Институт востоковедения Российской академии наук

Академия наук Чеченской Республики

Комплексный научно-исследовательский институт РАН имени Х. И. Ибрагимова

Дагестанский государственный университет

Чеченский государственный университет

Чеченский государственный педагогический университет

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Председатель оргкомитета:

Минцаев Магомед Шавалович, доктор технических наук, профессор, ректор Грозненского государственного нефтяного технического университета им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Сопредседатели оргкомитета:

Андросов Валерий Павлович, доктор исторических наук, профессор, член Совета директоров РАН, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения РАН» (по согласованию).

Батаев Дена Карим-Султанович, доктор технических наук, профессор, академик АН ЧР, эксперт РАН, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, директор КНИИ РАН.

Билалов Мустафа Исаевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по теологии, председатель Дагестанского отделения и член Президиума Российского философского общества, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ДГУ (по согласованию).

Гапуров Шахруди Айдиевич, президент АН ЧР, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧР, эксперт РАН (по согласованию).

Жамалдаев Шаид Вахаевич, заместитель председателя Парламента ЧР (по согласованию).

Кашаф Шамиль Равильевич, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, научный сотрудник Института востоковедения РАН, научный сотрудник Института международных отношений и востоковедения Казанского федерального университета, заместитель гл. редактора журнала *Minbar. Islamic Studies*, отв. редактор журнала *Orientalistica* (по согласованию).

Саидов Заурбек Асланбекович, доктор юридических наук, ректор Чеченского государственного университета (по согласованию).

Халадов Хож-Ахмед Султанович, кандидат философских наук, доцент, ректор Чеченского государственного педагогического университета (по согласованию).

Яхьяев Мухтар Яхьяевич, доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и философии ДГУ (по согласованию).

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, главный научный сотрудник КНИИ РАН, академик АН ЧР, эксперт РАН, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, заведующий лабораторией противодействия экстремизму и терроризму ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Абубакаров Авалу Сулейманович, старший преподаватель кафедры истории и права ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Абумуслимов Адам Сулиманович, ведущий специалист центра фандрайзинговой деятельности УНИР ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Гадаев Ваха Юнусович, кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики (по согласованию).

Гайрабеков Ибрагим Геланиевич, доктор технических наук, профессор, проректор по учебной работе ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета (по согласованию).

Идилов Шарани Котахмедович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и права ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Касумова Рината Хароновна, начальник управления по научной и инновационной работе ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Келигов Мурат Юсупович, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, заслуженный деятель Республики Ингушетия, профессор кафедры философии ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова (по согласованию).

Магамадов Супьян Султанович, кандидат исторических наук, директор Института гуманитарных исследований АН ЧР (по согласованию).

Мажиев Хасан Нажоевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Строительные конструкции» ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, президент фонда поддержки и развития сейсмостойкого строительства «Защита и безопасность городов» – СЕЙСМОФОНД.

Нагаев Аднан Абдул-Муталипович, депутат Парламента ЧР, Председатель комитета по межпарламентским связям, национальной и информационной политике и взаимодействию с общественными организациями (по согласованию).

Нанаева Барят Балаудиновна, ведущий специалист лаборатории противодействия экстремизму и терроризму ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и социологии ЧГПУ, заслуженный деятель науки Чеченской Республики.

Нахаев Магомед Рамзанович, кандидат технических наук, проректор по науке Чеченского государственного университета (по согласованию).

Патеев Ринат Фаикович, кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (по согласованию).

Пашаев Магомед Ярагиевич, кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе и инновациям ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Салгириев Али Русланович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии и социологии АН ЧР (по согласованию).

Салгириев Рустам Русланович, доктор экономических наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

Таймасханова Залина Руслановна, ведущий специалист отдела международных проектов и научно-технической информации УНИР ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, ученый секретарь оргкомитета конференции.

Хатулова Радима Лемовна, директор центра фандрайзинговой деятельности УНИР ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Абубукаров Авалу Сулейманович, 12

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА: ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ 15

Акаев Асламбек Вахидович, 15

СОВРЕМЕННЫЙ МИР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ, ВЫЗОВЫ РЕЛИГИОЗНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ВОЗМОЖНОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА

Акаев Вахит Хумидович, Кашаф Шамиль Равильевич, 19

БИЕННАЛЕ НАИВНОГО ИСКУССТВА ХУДОЖНИКОВ КАВКАЗА, ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ РЕСПУБЛИК КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Акиева Хава Магомедовна, 26

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ НЕЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Амиров Амир, 31

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Аханчи Парвин Амиралы, 38

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА

Бабатова Айшат Шариповна, 51

СРЕДНЕВЕКОВОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА КАК ЯВНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС И ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ <i>Бесолов Владимир Бутусович,</i>	58
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСЛАМА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА <i>Билалов Мустафа Исаевич,</i>	79
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА <i>Буттаева Асият Магомедовна,</i>	86
ДЕСТРУКТИВНЫЙ КИБЕРПОТЕНЦИАЛ РАДИКАЛЬНО- ЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК: ОЦЕНКА УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Валиахметова Гульнара Ниловна, Аляутдинова Карина Шамилевна,</i>	92
ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ «КИБЕРПАТРУЛЬ» КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ <i>Веснинцева Анастасия Алексеевна, Кузнецова Валентина Юрьевна,</i>	100
ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Гатаев Амхад Анзорович, Ганаев Ибрагим Илесович, Иналкаева К.С.,</i>	104
СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ <i>Гурбанов Элхан Асад оглы,</i>	113
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА <i>Гусейнова Судаба Новрузали кызы,</i>	123

THE INTERNATIONAL TERRORISM AND THE COOPERATION
FOR FIGHTING AGAINST IT

Dadashova Ramila,..... 128

СОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ

Дикаева Милана Салмановна,..... 135

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Дикаев Салман Умарович, Дикаева Динара Мидхатовна,..... 145

ВОЗДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНЫХ, РЕЛИГИОЗНЫХ,
РЕЛИГИОЗНО-РАДИКАЛИСТСКИХ ИННОВАЦИЙ КАК
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Дохаева Асет Баудиновна,..... 154

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ В
РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР
КОНСОЛИДАЦИИ НАРОДОВ

Залибекова Айгуль Залибековна,..... 158

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ
СРЕДЕ

Ибрагимова Аида Ибрагимовна, 163

ПОСТРОЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРОФИЛЕЙ НА ОСНОВЕ
ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЦЕЛЬЮ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА

Кузнецова Валентина Юрьевна,..... 169

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ЛИЦ В
ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ВИДЕОПОТОКА

*Кузнецова Елена Олеговна, Приходько Александр
Александрович*, 173

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА

Акаев Вахит Хумидович, 179

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	
<i>Мамадиева Мадина Хожсахметовна,.....</i>	<i>186</i>
О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА АББАСИДОВ НА РАЗВИТИЕ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ	
<i>Мамедова Кенуль Абульфаз кызы,.....</i>	<i>189</i>
ПРОБЛЕМА НЕКОРРЕКТНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА	
<i>Мирзазаде Лилия,.....</i>	<i>194</i>
ЭКСТРЕМИЗМ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
<i>Нанаева Барет Баудиновна,.....</i>	<i>199</i>
НРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ	
<i>Рамазанова Саида Ракиповна,.....</i>	<i>211</i>
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	
<i>Рушанзаде Рушан,.....</i>	<i>217</i>
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ	
<i>Саакян Армен Коляевич,.....</i>	<i>227</i>
НАЦИОНАЛИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ	
<i>Сайдаев Ислам Вахаевич,.....</i>	<i>241</i>
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА	
<i>Саркарова Наила Ахедовна,.....</i>	<i>250</i>
МОБИЛИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ	
<i>Сеидова Гюльчохра Надировна,.....</i>	<i>254</i>

АРАБСКИЙ МИР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА <i>Сугаипова Айзан Магомедовна, Хадизова Малика Саид-Эмиевна,</i>	265
INFLUENCE OF TERRORISM ON SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF CHECHNYA <i>Тагиева Шахназ Гейдар,.....</i>	275
НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА КАК ВАЖНАЯ СТУПЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ <i>Фархадова Жяля Фамиль</i>	278
РОССИЙСКО-АРАБСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО <i>Хаджиева Белла Магомедовна,</i>	283
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ <i>Гайтамирова С.А., Хачукаева К.И., Мидаева А.Р.....</i>	289
«ОТВЕРГАЮЩИЕ РАДИКАЛИЗМ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ <i>Чмилевская Илона Алексеевна,.....</i>	293
К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Яхьяев Арсен Мухтарович,</i>	298
ИСЛАМОВЕДЕНИЕ НАУЧНОЕ И ВНЕНАУЧНОЕ <i>Яхьяев Мухтар Яхьяевич,</i>	305

УДК: 316.42

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Абубукаров Авалу Сулейманович,
старший преподаватель
кафедры «История и право»
ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова
(г. Грозный)

Аннотация. Современный терроризм обусловлен процессами глобализации, противоречиями современного этапа глобального развития, связан с мировым экономическим кризисом. Он превратился в одну из глобальных проблем, дестабилизирующих обстановку в мире. Терроризм и экстремизм все больше угрожают безопасности стран и их граждан, влекут за собой значительные политические, экономические и моральные последствия, оказывают сильное психологическое воздействие на население, уносят жизни многих людей. Для осуществления противодействия проявлениям терроризма и экстремизма должны быть приняты меры со стороны государства и общественности.

Ключевые слова: глобализация; терроризм; экстремизм; безопасность; меры противодействия.

Современный терроризм разительно отличается от терроризма предшествующих эпох. В прошлом индивидуальный или групповой (организованный) терроризм был локализован географически, сегодня это явление имеет повсеместный характер, произошла своего рода глобализация терроризма. В террористические группы стали объединяться люди разных национальностей и стран, они действуют как на территории государства пребывания, так и далеко за его пределами. Современный терроризм использует все последние научно-технические достижения – от спутниковых телефонов до систем глобальной ориентации, стремится создавать и использовать бактериологическое, химическое и

ядерное оружие, широко использует средства массовой информации и Интернет для привлечения к себе внимания, запугивания людей, поддерживая состояние страха.

Без значительного финансирования терроризм не существует, для многих его организаторов он превратился в доходный бизнес. Торговля наркотиками и оружием обеспечивает финансирование многих террористических акций. В финансировании современного терроризма участвуют также заинтересованные политики и нередко крупный бизнес. Последнее осуществляется через легальные фонды часто с формально благородными целями. Он все больше смыкается с криминальными структурами и криминальным бизнесом, прикрывающими свою криминальную деятельность часто решением каких-то социальных или национальных проблем.

Очень опасное явление в современном терроризме – быстрый рост числа людей, привлекаемых идеологами терроризма и руководителями террористических групп и готовых жертвовать жизнью при совершении террористического акта. Так называемый летальный, или суицидальный, терроризм растет, моджахеда-смертники стали практически массовым явлением.

Терроризм полностью отбросил все моральные и нравственные нормы. Террористы выбирают место, где может быть максимальное число жертв (причем жертвы могут не иметь никакого отношения к политике или власти), и самый варварский метод действий, при котором планируемый результат достигается. Задача террористов – нанести максимальный урон, создать в обществе обстановку страха и паники. Если в прошлом террористы были недостаточно технологически подготовлены к актам террора, то сегодня они проходят подготовку в разведслужбах и на полигонах специального назначения. Эти знания и навыки они передают новым поколениям террористов. Другая важная особенность современного терроризма – он стал более жестоким.

История знает терроризм как форму социальной девиации, активности одиночек, направленной против конкретных лиц. Это был индивидуальный террор, ныне террор стал массовым. Разница в том, что если в индивидуальном терроризме целью являлось выявление, обезвреживание или наказание лиц, являющихся де-

факто противниками желательного порядка, то в массовому уничтожению подлежат все представители определенной группы.

Современный мир столкнулся с новым видом – **диффузным терроризмом**. Объектом его является неопределенное число относительно случайных людей, как, например, прохожие в московском метро. Опасность таких актов многократно возрастает, ибо в современной жизни повсеместно наблюдаются огромные скопления людей, будь то в торговых центрах, транспортных узлах или местах массового отдыха населения.

В современной литературе различаются **государственный террор и оппозиционный террор**. Государственный террор – это открытое насилие со стороны правящих элит, опирающихся на мощь силовых структур государства в виде репрессий. Оппозиционный же террор представляет собой насилие или устрашение, используемые в качестве средств политической борьбы враждебными правящему режиму группировками. Он проявляется чаще всего в виде отдельных террористических актов – убийств государственных деятелей, взрывов в общественных местах, захвата заложников и др.

Особую опасность для мирового сообщества представляет **технологический терроризм**, состоящий в применении или угрозе применения ядерного, химического и бактериологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических, биологических веществ, а также угрозе захвата ядерных и иных промышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей. Этот вид терроризма способен вызвать системный кризис всего мирового сообщества.

Сегодня в мире очевидна эскалация экстремизма и терроризма. Терроризм захлестнул повседневную жизнь современного человека. Корни этого асоциального феномена, видимо, надо искать в социально-политических условиях и процессах, обусловленных современными процессами глобализации.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Акаев Асламбек Вахидович,
магистрант кафедры философии
и социально-политических наук
факультета психологии и философии
Дагестанского государственного университета
(г. Махачкала)

В конце XX – начале XXI в. происходят заметные трансформации в мировой политической системе, геополитические сдвиги, обостряются социально-экономические кризисы, активно проявляются демографические, миграционные процессы. К этому времени возникли новые государства в Европе; произошел распад СССР и Югославии. Процесс государствообразования продолжается и в XXI в. После распада СССР возникли 15 новых государств, а Югославия распадается на Хорватию, Сербию, Косово, Черногорию, Македонию. В мире создаются новые независимые государства Эритрея, позднее Восточный Тимор (2002), Черногория (2006), Косово (2008) и Южный Судан (2011). Образовались и частично признанные государства, уже существующие почти два десятилетия. К ним относятся как постсоветские республики – Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, существует и Турецкая Республика Северного Кипра.

Заметные геополитические изменения сопряжены с так называемыми цветными революциями, происходившими на постсоветском пространстве – это «революция алых роз» в Грузии (2003), «оранжевая революция» в Украине (2004), «революция тюльпанов» в Киргизии (2005). А евромайдан в Украине (2014–2015) в корне изменили российско-украинские взаимоотношения, ухудшили российско-американские и российско-европейские отношения. В мусульманском мире «цветные революции», получившие название «арабской весны», приобретают

свои региональные особенности, влияющие на ближневосточные международные отношения.

В протестах мусульман использовались общие методы гражданского сопротивления – забастовки, демонстрации, шествия и митинги, а также Интернет – как средство обмена информацией, для агитации и мобилизации антиправительственных сил, осуществляющих новые формы антигосударственных, социальных протестов. Многие демонстрации были встречены насильственной реакцией властей, а также проправительственных ополченцев и контрдемонстрантов, что углубляло кризис между властью и народом. Основным лозунгом демонстрантов в арабском мире было изречение - «народ хочет падения режима». Руководителей, десятилетиями занимавшие свои кресла, строившие личные сказочные дворцы, народ именовал диктаторами.

Но общей причиной социальных протестов в мусульманском мире явилось влияние финансового кризиса 2008 г., что привело к повышению цен на продовольствие и падению цен на нефть. Таким образом, бедное население арабских стран не могло долго обеспечивать себя продовольствием, а экономия государств в социальном секторе приводила к быстрому разорению населения, которое остро реагировало соответствующими протестами. В этих условиях власть оказалась не способной решать, возникшие социально-экономические проблемы и осуществлять управление, соответствующее времени и кризисной ситуации.

Заметный геополитический сдвиг в мире сопряжен с террористической атакой на США, совершенной 11 сентября 2001 г. После чего, власти США начинают активные поиски Усамы бен Ладена, своего бывшего союзника по антисоветской борьбе в Афганистане, обвиненного в этом теракте. США оккупируют территорию государства Афганистан, руководимого движением Талибан¹. Но сама эта оккупация проводилась под предлогом установления демократии в Афганистане, экономического развития

¹ Зачислен в «Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими» // <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

страны и необходимостью современного управления, которое могло бы избавить его от исламистского движения Талибан.

Высказывается точка зрения о том, что за 19 лет оккупации Афганистана произошли значительные преобразования и ВВП его возрос на 66%. Но этот невероятный рост ВВП на самом деле произошел не посредством осуществления современных форм управления, развития экономики страны, на основе новых технологий, а за счет высочайшего уровня урожая опия, который когда-либо видел мир. Между тем, мировое сообщество об этом умалчивает, но это «достижение» американцев постепенно получают широкую огласку. Так, 21 сентября 2008 г. губернатор северной афганской провинции Балх Атта Мохаммад Нур обвинил в причастности к производству и контрабанде наркотиков правительства США, Великобритании и Франции. «Крупные сети наркомафии функционируют на Западе, где проникли в правительства некоторых западных стран, таких как США, Великобритания и Франция»¹. Безусловно, масштабные теракты, оккупация чужих террориторий, управление ими, овладевая природными ресурсами, используя их для гигантского обогащения – вызовы всему миру, человечеству, мировому сообществу. И эти процессы носят не спонтанный характер, они вполне управляемы, у них есть свои организаторы, исполнители, при этом активно используются как американские войска, так и войска НАТО.

Геополитические изменения происходят и на территории бывшего СССР: появляются новые независимые, разноориентированные государства, порою враждебные современной России, например, страны Прибалтики, Грузия, Украина. На территории Грузии возникли такие непризнанные государства, как Абхазия, Южная Осетия, что является следствием попыток преодоления обострения сталинской национально-государственной политики. Антироссийские процессы, происходящие на Украине, привели к сепаратизму в ДНР, ЛНР, присоединению Крыма к России. Подобные геополитические изменения вполне могут иметь новые формы возникновения и в наше время и это вполне может быть обусловлено экономическими, региональными причинами, кон-

¹ Зачем США оккупировали Афганистан? // <https://nechtoportal.ru/mirovaya/zachem-ssha-okkupirovali-afganistan.html>

фликтами, стремлением народов, государств к их преодолению, что может детерминировать военные действия с непредсказуемыми последствиями.

Каждая эпоха порождает свои вызовы. На рубеже XX–XXI вв. выявились тенденции, без адекватного учета которых управление любого общества обречено быть цивилизационным маргиналом, что перенесет его на периферию мировой истории. Масштабным вызовом начала XXI в. является глобализация, создающая единые мировые рынки для товаров, облегчает их продвижение, а потому они становятся доступными для людей. При фиксации этого позитивного аспекта важно отметить и то, что глобализация уже вышла за пределы экономики, создавая различные типы угроз. В связи с этим, руководителям государств, политикам важно прислушиваться к своим народам, культурным элитам, использовать политико-управленческие меры добиваясь защиты от негативных последствий глобализации. Как отмечает Д. Белл, этим обусловлено напряженное отношение к глобализации многих государств, предпринимающих попытки вести против нее своеобразную «оборонительную игру».

Другая значимая тенденция – это возрастающая роль знаний, тесно связанная с научно-технической и информационной революциями. Успехи какой-либо страны все в большей мере определяются инновациями и нововведениями. Между тем, экономика, основанная на знаниях, позволяет тем странам, которые успешно их продуцируют, вырваться вперед в ходе конкуренции с менее кротивными соперниками.

Динамические процессы в социальной реальности в различных регионах мира, часто сопровождаемые с многочисленными рисками и угрозами, изменяют мироощущение людей и их поведенческие установки. Далеко не всегда люди, социальные группы успевают приспособиться к изменениям, а потому и испытывают дискомфорт, неуверенность, другие обретают чувство превосходства по отношению к прошлому, основанное на достижениях в области науки, технологии и информации, хотя сами не имеют к этому прогрессу никакого отношения. И в этих условиях без осуществления новых подходов и решений, в том числе управленческих, проблемы взаимодействия обществ, исповедующих

разные культурные, цивилизационные, религиозные парадигмы, невозможно одолеть.

УДК: 316.752.4

**СОВРЕМЕННЫЙ МИР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ, ВЫЗОВЫ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И
ВОЗМОЖНОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА**

Акаев Вахит Хумидович,

заведующий научно-исследовательской лабораторией
противодействия экстремизму и терроризму
ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова,
главный научный сотрудник КНИИ РАН,
профессор отделения кафедры ЮНЕСКО
по компаративным исследованиям духовных традиций,
специфики их культур и межрелигиозного диалога
по Северному Кавказу (Россия, Дербент),
доктор философских наук
(г. Грозный)

Кашаф Шамиль Равильевич,

научный сотрудник Центра изучению Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

Аннотация. Преодоление в современном мире противоречий в социокультурной, экономической, политической и духовной сферах между государствами, конфессиями, социальными сообществами и отдельными личностями. Пути решения глобальных задач на уровнях от государства до человека. Мирное и разумное существование религиозных конфессий в мировом сообществе. Отличие религии от политических движений и радикальных групп.

Ключевые слова: глобализация; цивилизация; традиционные культуры; вызовы современности; экстремизм; исламизм; этнические ценности.

В своем современном цивилизационном состоянии человечество, казалось, должно было бы преодолеть внутренние противоречия в сфере культуры, изжить большинство социально-политических конфликтов и психологию милитаризма. Современная цивилизация могла бы на данный момент достигнуть состояния цивилизованности в дантовском смысле, быть всеобъемлющей человеческой общностью, единством людей. Но, к сожалению, современный мир далек от этого. Как отмечал российский философ В. С. Стёпин, современная цивилизация находится на этапе своего критического развития, ибо видны контуры совершенно нового человеческого мира, который формируется в противоречиях и напряжениях нашей эпохи¹. Тем самым создается новый тип цивилизации, радикально отличающийся от предшествующих этапов развития человечества, все больше подчиняющийся не только новым технико-технологическим, но и биотехнологическим достижениям.

Русский исследователь Н. Ф. Данилевский зафиксировал в истории человечества более десяти культурно-исторических типов цивилизаций, О. Шпенглер говорил о восьми таких цивилизациях, к которым относятся египетская, вавилонская, индийская, китайская, греко-римская, арабская, мексиканская и западная, возникшая в начале XI в. н.э. Он указывал также на возможность возникновения великой русской культуры, а Данилевский в свою очередь признает наличие славянской цивилизации. А. Тойнби вывел 21 цивилизацию с соответствующими характеристиками, достаточно интересными в теоретико-методологическом отношении, но и они не бесспорны. Например, западная исследовательская мысль посвятила критике А. Тойнби огромное количество публикаций, которое по своему объему превосходит объем всех его сочинений.

В условиях современной глобализации традиционные культуры различных народов не исчезли, они еще продолжают свое бытие, хотя испытывают широкое наступление техногенной цивилизации, являющейся весьма динамичной и очень агрессивной.

¹ Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 78.

В связи с этим происходит попытка смены полюсов, где местами меняются плюс и минус.

Творческое начало культуры сопряжено с религиозными, нравственно-гуманистическими ценностями, а цивилизация – это губительное окостенение культуры, изобилующее интеллектуальностью и рациональностью. Цивилизация – это еще и отказ от религиозной составляющей культуры (веры в Бога), с чем также связан и социокультурный кризис Запада.

А. Тойнби выделяет этапы развития каждой цивилизации – ее рождение, рост, упадок, сопряженный с надломом, разложением и гибелью. Человечество в целом прошло этапы роста, развития, а потому сегодня очевидны симптомы надлома и разложения многих цивилизаций, что проявляется в усилении недовольства людей во многих странах, протесте целых социальных слоев. Это видно и на Западе, и на Востоке. Это видно и в мусульманских странах, примером тому – «арабская весна», которая сметала национальные правительства, сформировавшиеся в постколониальный период, и, например, во Франции – мощное движение желтых жилетов и т.п.

Цивилизационное развитие имеет несколько векторов, ориентирующих страны, общества, компании на научно-технический прогресс, в то же время происходит глубокое социальное расслоение, углубляющее противоречия между управляющими и управляемыми, между капиталом и наемным трудом, приобретающие острый антагонистический характер. В этой ситуации наблюдаются тенденции радикалистского, экстремистского характера, облаченные в религиозные одеяния, в том числе и исламские, широко использующие националистические и шовинистские лозунги. Эти вызовы представляют собой угрозу для государств, обществ, этнокультурных традиций. Какие же причины и обстоятельства их порождают?

На этот вопрос дает ответ известный итальянский журналист Джульетто Кьеза, связывая всё с неолибералами, мировым суперкланом, позиционирующим себя как авангард глобализации и единственный вершитель судеб мира¹. По его мнению, именно

¹ Кьеза Дж. Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. С. 109.

этот клан «изобрел исламский фундаментализм для своей собственной геополитической выгоды»¹. К числу важнейших вызовов современной глобализации многие западные эксперты относят религиозно-политический экстремизм, а также терроризм, под которым непременно подразумевают так называемый «исламский терроризм». С нашей точки зрения, в природе такого вида терроризма не существует. Часто это выражение заменяют термином «джихадизм», составляющим основу религиозно-политического экстремизма исламистских групп, идеологической матрицей которых считаются фундаменталистские труды египтянина Хасана аль-Банни, основателя организации «Братья-мусульмане» (ихваны), пакистанца А. А. Маудиди и аятоллы Хомейни. В этом ряду следует назвать и религиозно-экстремистские идеи всемирного джихада Усамы бен Ладена, основателя «аль-Каиды», и т.п.

Французский философ Ж. Бодрийяр считает, что антагонизм между исламом и западными ценностями очевиден. Если С. Хантингтон говорит о столкновении исламской и западной христианской цивилизаций, то, как отмечает Бодрийяр, ислам сегодня для запада обозначен как враг номер один².

Особенности современного мира заключаются в том, что его развитие сопряжено с многоликостью, многообразием человечества, которое придерживается различных верований, живет в разнообразных культурах, говорит на разных языках. Таковыми создал их Всевышний для того, чтобы они познавали друг друга.

Проблемы глобального характера значительно актуализировались после терактов 11 сентября 2001 г. В связи с этим многие исследователи поспешили объявить о «конце глобализации». Но 16 лет спустя после этих событий в русском переводе появляется книга «Мировой порядок» Генриха Киссинджера. В ней он приходит к выводу, что «международное сообщество», то есть мировой порядок, к которому сегодня призывают более настойчиво, чем в любую другую эпоху, «не в состоянии договориться – об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и

¹ Там же.

² *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 160.

ограничений»¹. А эта ситуация представляет собой реальную угрозу мировому порядку, и она порождена американским гегемонизмом, а также устремлениями усилить свое влияние на мир Китая, России.

По его мнению, США поиск мирового порядка ведут на двух уровнях: на основе торжества универсальных принципов, а также на основе признания реальности истории, культуры других регионов². Г. Киссинджер пишет: «Америка – как решительно выражающая в современном мире стремление человека к свободе и как незаменимая геополитическая сила для отстаивания ценностей гуманизма, должна не терять чувство направления»³.

Таким чувством *направления* обладает, например, Франция, президент которой признает, что эта страна во многих областях слишком зависима от США, а потому не должна быть их вассалом, а должна быть суверенной, а ее оборона – автономной. Суверенными являются Россия, Китай, Иран, Северная Корея и многие государства, имеющие *чувство направления*, они также имеют свои четкие представления об альтернативном развитии глобального мира, которые расходятся с американским видением глобализма.

Глобальный мир по американским лекалам, оккупация Афганистана, Ближнего Востока, все-таки – база детерминации региональных, глобальных конфликтов, терактов. Как пишет Г. Киссинджер, «на протяжении многих лет сообщество наций существовало в рамках американского консенсуса», но сегодня у этой системы, «основанной на правилах, возникли проблемы». По его мнению, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная погоня за ускользающей концепцией мирового порядка», что приведет к хаосу.

В современном мире, стремительными темпами изменяющемся, многообразные экономические, культурные, политические контакты и религиозные взаимодействия будут иметь успешный характер при осуществлении государствами, транснациональными компаниями, народами, социальными группами и

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2017. С. 10.

² Там же. С. 483.

³ Там же. С. 484.

отдельными людьми заинтересованного, взаимоуважительного диалога для решения непрерывно возникающих проблем глобального, регионального и локального характера. Успешность же такого диалога видится во всемерном признании общечеловеческих ценностей, которые не отрицаются религиозными системами, а наоборот, аккумулированы в них.

Процесс глобализации порождает глобальную культуру, но эта самая культура есть западная, американская по происхождению, и распространяется на уровне не только элит, но и широких масс¹. Массовая культура давно уже бросила вызов традиционным ценностям, детерминировала протестный ответ со стороны многих обществ, этносов и национальных государств. Этнокультурная мобилизация, провинциальная изоляция – это прямые факторы, содержащие в себе серьезный потенциал для противодействия бездуховной глобализации. Хотя она влечет за собой свободу, порождает плюрализм, ломает традиции, считавшиеся незыблемыми, но она бросает вызов отдельным личностям, целым сообществам², традициям, которые не могут не находиться с ними в диалоге, осуществляя поиск адекватных форм сосуществования, взаимодействия, сотрудничества.

Фиксируя кризисные, конфликтные ситуации, возникающие в современном мире, известный американский философ Э. Тоффлер пишет, что «религиозные страсти, будь они подлинными или лишь маской других чувств, могут стать игрушкой политических демагогов и слишком легко превращены в жажду насилия. Этнорелигиозный кошмар Балкан – лишь слабое предвестье того, что может легко случиться и в других местах»³.

Это высказывание применимо и для событий на Северном Кавказе в 1990–2000-е гг., где раньше, чем на Балканах, религиозные демагоги (сепаратисты и религиозно-политические экстремисты) превратили Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабардино-Балкарию в религиозно-политический кошмар, потребовавший

¹ Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 9.

² Бергер П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 24.

³ Тоффлер Э. Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 320.

мобилизации колоссальных политических, экономических, культурных, духовно-религиозных усилий со стороны государства и общества, в том числе и диалога между противостоящими силами. Негативное влияние глобализационных процессов на Северный Кавказ было сопряжено с проникновением религиозного экстремизма в лице ваххабитов, отрицавших историко-культурные, духовные традиции и навязавших свое видение ислама народам региона. И эта религиозно-политическая деятельность ограниченного круга экстремистов и сепаратистов привела к конфликту между традиционалистами и нетрадиционалистами, к беспорядкам и братоубийственным войнам, последствия которых преодолеваются по сей день.

Современное развитие мира отягощено заметным цивилизационным разложением, что приводит к разладу между телом и душой не только отдельного человека, но и целых народов, и эта тенденция распространяется в мире. Перед человеком разумным, не потерявшим еще веру в Бога, возникает вопрос, как спасти ситуацию? В размышлениях различных исследователей можно найти множество проектов дальнейшего развития человечества: от возвращения к архаичному способу существования (абсурдное видение) и появления «спасителя с мечом» (теория пассионарности в действии) до формирования в людях стоического оптимизма или ожидания появления преображенного религиозного Спасителя и полную ориентацию на сверхчувственного Бога.

Такие идеи и проекты возникают в связи с нашим тревожным, конфликтным настоящим и оптимистичным желанием изменить, трансформировать, модернизировать и совершенствовать мир, в котором люди живут.

БИЕННАЛЕ НАИВНОГО ИСКУССТВА ХУДОЖНИКОВ КАВКАЗА, ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ РЕСПУБЛИК КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Акиева Хава Магомедовна,
доцент кафедры философии
Ингушского госуниверситета,
заслуженный деятель науки
Республики Ингушетия,
канд. филос. наук
(г. Магас)

Аннотация. В статье дается философско-искусствоведческий анализ категории прекрасного в каповой скульптуре профессионального кинорежиссера И. В. Татаева и художника-самородка, мастера декоративно-прикладного искусства А. Д. Цуроева.

Ключевые слова: кап; композиция скульптур из капа; кавказская цивилизация; декоративно-прикладное искусство; уникальная техника; биеннале.

Рассмотрим возможные пути решения некоторых вопросов экстремизма и терроризма на базе художественной культуры и искусства.

«Территориальные закономерности создания и распространения искусства, – отмечает искусствовед Ю. А. Веденин, – нельзя рассматривать изолированно от тех культурных и природных общностей и комплексов, в которые оно входит как сложная составляющая» [3, с. 6].

Формирование первой плеяды творческой интеллигенции народов Кавказа проходило в взаимосвязи и взаимовлиянии культур ингушского, чеченского, русского народов, представителей Западной Европы и др.

Кавказская цивилизация в истории мировой культуры и искусства крайне мало исследована. История в определенной мере открывает современнику специфические особенности культуры, искусства, быта, традиций, обычаев, этикета. Точка зрения кавказоведа В. Ф. Миллера актуальна и на современном этапе. Он пи-

шет: «Едва ли найдется такая область науки, по отношению к которой Кавказ не представлял бы высокого интереса, здесь пространство, сравнительно небольшое по географическому протяжению, представляет гораздо большее разнообразие по отношению к естественным условиям, почве, климату, народностям, религии и т.д., нежели другие части России, и уже поэтому самому гораздо более обильный материал для науки» [6, с. 384].

Общество, в котором мы живем, на пороге XXI века должно обладать высоким уровнем этико-эстетических ценностей, передаваемых от поколения к поколению. Музеолог Е. Г. Ванслов отмечает, что «Историческое сознание для нас – это способность ощутить себя в потоке времени, окунуться в этот поток исторических героев, это осознание изменчивости человеческих представлений, понимание особенностей быта и менталитета разных народов и сословий в разные времена с позиции как настоящего, так и прошлого» [4, с. 12].

В наш век технического прогресса и компьютерных технологий особый интерес вызывает художественное видение прекрасного в искусстве обработки дерева, а точнее – каподерева, капокорня. «Кап – это новообразование на стволах и корнях дерева, чаще березе. В каповых наростах волокна, вместо того чтобы располагаться, как обычно, концентрическими кругами, причудливо переплетены и спутаны. Эта так называемая “свилеватость” придает древесине капа повышенную плотность и прочность» [7, с. 28].

Чеченская Республика и Республика Ингушетия богаты природными материалами, которые раньше использовались народными умельцами для изготовления предметов быта, средств передвижения, строительства жилищ. Фонды и постоянно действующая экспозиция дореволюционного отдела Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея открывают весь спектр предметов народных ремесел и промыслов этого богатого края.

Имя чеченца Илеса Вахидовича Татаева широко известно как на Кавказе и в России, так и за их пределами. Он первый профессиональный кинорежиссер Чечено-Ингушетии, основатель национальной кинематографии, член Союза художников России, заслуженный деятель искусств России и Чечено-Ингушской Рес-

публики, а еще он – скульптор по капу. Этот талант проявился у него после первой чеченской войны.

И. В. Татаев стал одним из участников выставки в Кремлевском зале в 2012 году на Фестивале мастеров искусств Северо-Кавказского федерального округа. Это мероприятие вызвало необыкновенный восторг у москвичей и гостей столицы. На выставку пришли депутаты и профессорско-преподавательский состав Российской академии Госслужбы при Президенте РФ. Выставка продемонстрировала особенности стиля художников, оригинальную форму изделий декоративно-прикладного искусства чеченских и ингушских мастеров. В сложный послевоенный период творческий поиск И. В. Татаева сознательно был направлен на абсолютизацию значимости индивидуального мироощущения в формировании роли природы в жизни человека.

Философски осмысляя прекрасное, исследователь Ю. Борев отмечает, что «прекрасное – одухотворенность предмета». И эта одухотворенность вызвана не абсолютной идеей, не личностью, а обществом и его производственной деятельностью. Общественное производство превратило природу в «неорганическое тело человека и наложило печать духовного облика современного человека на предметы внешнего мира». [2, с.56]

Скульптура в творчестве И. В. Татаева – это открытие новой стороны прекрасного. Для восприятия его скульптуры необходимо философское, абстрактное, визуальное, пространственное мышление («Пламя любви» (материал: верба и вишня); «Израженная Чечня» (материал: граб, тополь); «Лесная любовь» (материал: верба, бузина); «Эмбрион жизни» (материал: тополь, верба).

Каждая композиция необычна по форме, зрителю самому предложено продолжить ее и творчески осмыслить специфические особенности материала и образ созданного мастером Татаевым. Скульптор использует разнообразный по своей структуре материал, и для этого нужен теоретический и практический опыт. Необходимы знания по технологии обработки материала и выявление природного рисунка структуры капокорня к каждому виду древесины. Явление подлинного искусства всегда включает в себе притягательную силу разнообразных проявлений природы. В широко известном трактате У. Хогарта найден ключ познания

прекрасного. Он отмечает: «...настоящая “линия красоты” есть волнистая, змеевидная линия, так как она представляет собой органичное соединение единства и многообразия...» [10, с. 54]. И. В. Татаев очень тонко чувствует структуру капа, размышляет и глубоко продумывает особенность формы наплыва, чтобы наиболее образно выявить рисунок текстуры, используемый им для выражения задуманной идеи, «разгадать» задумку природы.

Заслуга И. В. Татаева в том, что мастер нашел в окружающей его природе то, что не могли и, наверное, еще долго не смогут увидеть другие. Обратим внимание на композицию «Космический цветок». Она изготовлена из бука, тополя и вербы. Сколько же времени потребуется, чтобы человек раскрыл содержание всей композиции. Понадобится высокопрофессиональный гид, специалист в данном виде искусства для раскрытия индивидуального стиля автора. Невольно вспоминаются рассуждения Дж. Реале и А. Антисери о феномене человека. Они отмечают, что он (человек) «знает многое, знает зверей, птиц и рыб, знает, сколько волос на гриве льва, и сколько перьев в хвосте ястреба... Я спрашиваю себя, что пользы знать природу зверей, птиц, рыб и змей и либо игнорировать, либо не заботиться о знании природы... кто мы, откуда и куда идем?». На эти вопросы пытается ответить своим творчеством И. В. Татаев. К сожалению, некоторые этого не понимают. Мастерская, которую И. В. Татаеву выделил бывший мэр Москвы Ю. А. Лужков, позволяет посетителям выставки увидеть мир прекрасного, воплощенный в работах кавказского скульптора.

Вот так отзывается о творчестве И. В. Татаева академик Е. Велихов: «Илес Татаев... впервые вошел в мастерскую природы, как в храм, чтобы пробудить нас к создателю мира сего. Это идея Величия Природы, Мироздания, необходимости человеку считаться с ними, не считать себя властелином природы, а всего лишь ее частью... Это искусство, созданное энергетикой Вселенной, это больше, чем искусство, это сама философия космической энергии» [8, с. 42].

Имя второго мастера, работающего в технике скульптуры из капа, – Аюп Даудович Цуроев. Этот скульптор и художник – самородок, не получивший профессионального художественного образования. А. Д. Цуроев широко использует природный мате-

риал – дерево. Первая выставка молодого художника была открыта в одном из залов Ковчега «Арт-бос» Республики Ингушетия. Профессиональный художник М. М. Полонкоев, мастера декоративно-прикладного искусства Н. Ю. Озиев и Ю. М. Хамчиев дали высокую оценку каповым произведениям Аюпа Цурова. Впервые жители Грозного увидели творчество современного скульптора и художника «из народа».

Персональная выставка А. Д. Цуроева в Ингушском государственном университете на фестивале «Золотая осень» в 2019 г. открыла новые возможности творческой молодежи для развития художественного вкуса и проникновения в историю культуры своего народа. Знаменательной датой для Аюпа Даудовича стало участие на выставке в Москве 3 октября 2019 г.

Выставка «Ингушские мотивы в душе России» в главном здании Музея современной истории России была подготовлена сотрудниками Государственного музея изобразительных искусств Республики Ингушетии в рамках проекта МК РФ «Народные промыслы – душа России» и вызвала большой интерес.

Сотрудники ингушского музея изобразительных искусств Ася Евлоева и Исропил Хамхоев тщательно подготовили экспозиционный материал, в который вошли 105 экспонатов: фотоматериал и ночной таймлапс горной Ингушети и из проекта «Звездная дорога гор» М. Цурова и Е. Шивцова, живописные полотна Б. Даурбекова, Б. Картоева, картины и изделия из капа А. Цуроева, войлочные ковры А. Даурбековой и М. Албагачиевой, картины из рыбьей кожи Л. Оздоевой и Б. Измайлова, ювелирные украшения М. Мурзабекова, куклы в национальной одежде Аси и Айны Инаркиевых, художественнаяковка металла А. Галаева, резьба по дереву Ю. Хамчиева, М. и Б. Кариевых.

В работе из капа «Солнечный всадник» Аюп Цуроев изображает всадника на скачущей лошади в солнечном круге, который в свою очередь украшен орешником, что усиливает внимание зрителя к сюжету (диаметр капа – 65 см). В декоративном панно «Не иссякнет наш источник» автор гармонично соединяет холст, масло, создающее перспективу, и кап, округляющий нижнюю часть работы. Панно окантовано веревкой ручной работы. Совмещение техник дает возможность мастеру одновременно ва-

ять и писать, быть скульптором и художником. В каждой его работе видна уникальность техники автора.

Организация биеннале в городах Кавказа, России и за рубежом способствовала бы раскрытию понимания культур Кавказа, их уникальности. Распространение на широком уровне художественной культуры и искусства чеченского, ингушского и других народов Кавказа показало бы миру, что это народы, создающие прекрасное и стремящиеся жить в мире прекрасного.

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ НЕЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Амиров Амир,
магистрант 2-го года обучения ДГУ,
научный руководитель:
д-р филос. наук, профессор Яхьяев М. Я.
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема повышения эффективности профилактики и предотвращения этнорелигиозных конфликтов в России на региональном уровне. Отмечаются причины возникновения подобных конфликтов, правовая база, практическое межведомственное взаимодействие и сотрудничество властных институтов и общественных организаций.

Ключевые слова: этничность; конфликт; профилактика; гармонизация; национальная безопасность.

В современном глобализующемся мире все меньше остается этнически гомогенных стран (12 государств, или 9% от общего их числа). Удельный вес национального большинства в мире колеблется от 90% населения (в 25 странах) до почти половины (в 39 государствах).

Не является исключением и Россия, где конфликты на межэтнической и религиозной почве вышли далеко за сферу чисто академического интереса (события в Кондопоге, на Манежной

площади, в Сагре и пр.). Существенно расширилось число не только подобных конфликтных ситуаций, но и форм их проявления. Целью этой статьи является подготовка комплекса мероприятий, направленных на профилактику, предотвращение и пресечение этнорелигиозных конфликтов и гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений. В связи с этим выделяется задача выявления причин возникновения и особенностей протекания подобных конфликтов в регионах России.

Причины возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов в регионах РФ [1]

Социально-экономические	Демографические	Этнокультурные	Политико-идеологические	Организационные	Правовые
Государственно-ориентированная социальная политика	Слабо контролируемые и плохо регулируемые процессы миграции и межнациональной конкуренции	Плохое знание обычаев, традиций и культуры других народов	Отсутствие национальной идеи и идеологии государственности	Отсутствие центров и системы адаптации мигрантов	Несовершенство законодательства в области межнациональных и межконфессиональных отношений
Сильная дифференциация населения по доходам	Смешанный этнический состав региона	Клановость, nepoтизм и тpaйбализм	Неэффективная система воспитания гражданина патриотизма и этнокон-	Острый недостаток специалистов в сфере этноконфессиональных отношений	Недостатки федерального законодательства о СМИ

			фессио- нальной то- лерантности		
Отсут- ствие эконо- миче- ской стабиль- ности	Наличие маргина- лов	Невысо- кий уро- вень об- разова- ния	Дестабили- зирующая роль СМИ	Отсутствие системы об- ратной свя- зи в системе «власть – общество»	Коррупция и кримина- лизация сфер жизни и деятель- ности об- щества, свя- занных с националь- ными от- ношениями
Монопо- лия предста- вителей одного из этно- сов в ка- кой-либо сфере услуг или от- раслей хозяй- ства	Суще- ственное увеличе- ния доли пришло- го, ино- этниче- ского населе- ния	Пробле- мы, свя- занные возрож- дением и разви- тием родного языка и нацио- нальной культу- ры	Наличие групп с ра- дикальными политиче- ским взгля- дами	Отсутствие продуман- ной кадро- вой полити- ки	Скрытая дискрими- нация по националь- ному признаку и нарушение прав нацио- нальных меньшинств
Высокий уровень безрабо- тицы в регионе	Рост удельно- го веса молоде- жи среди мигран- тов	Нега- тивные аспекты истори- ческой памяти	Несовпаде- ние адми- нистратив- ных границ с границами расселения народов, подпиты- вающее се-	Отсутствие информа- ционно- образова- тельной среды по националь- ной и рели- гиозной те-	Отсутствие механизмов реализации конститу- ционных положений, обеспечи- вающих претворение

			паратист- ские настроения	матике	в жизнь прав и свобод этнонацио- нальных сообществ
--	--	--	---------------------------------	--------	---

Факторы неэффективного государственного управления можно представить в следующем порядке.

1-я группа факторов (угроза единству нации и целостности государства):

- распространение сепаратистских настроений;
 - призывы ориентироваться исключительно на культурно-исторические ценности отдельного народа, его исторической родины в образе иностранного государства;
 - признаки неприятия общероссийских ценностей у некоторых представителей отдельных этносов;
 - признаки культурной экспансии в интересах отдельных этносов, негативно сказывающейся на межнациональных отношениях;
 - признаки и насаждение раздельного сосуществования и раздельного культурного развития;
 - использование национальной тематики в ходе избирательных кампаний или в критике деятельности органов власти.

2-я группа факторов (межэтнические отношения):

- культурные различия проживающих постоянно в границах муниципального образования этносов;
- межличностные конфликты лиц разных национальностей и попытки мобилизовать сторонников по национальному (земляческому) признаку;
- изменение численности и доли этносов в общем числе жителей;
- существенное изменение национального состава руководителей и сотрудников органов местного самоуправления и подведомственных учреждений, депутатского корпуса.

3-я группа факторов (миграция):

- приток значительного числа иностранных граждан или лиц из других регионов России для трудовой деятельности и с иными целями, провоцирующий недовольство местного населения;

- вызывающее поведение мигрантов.

4-я группа факторов (экономическая деятельность):

- перераспределение сфер хозяйственной деятельности и предпринимательства между представителями разных этносов, ущемление прав граждан;

- конфликты на почве хозяйственных споров между лицами, относящими себя к разным этносам.

5-я группа факторов (межконфессиональные отношения):

- игнорирование процедур согласования с органами власти и населением строительства культовых зданий и сооружений;

- наличие незаконно возводимых объектов культового назначения;

- активизация миссионерской деятельности со стороны сектантов и представителей деструктивных религиозных объединений;

- не согласованное с органами власти пребывание и деятельность иностранных миссионеров;

- распространение религиозной литературы, информации о нетрадиционных учениях и верованиях;

- настойчивые предложения местным жителям агрессивного толкования смыслов религиозных учений со стороны прибывших позднее переселенцев;

- вовлечение молодежи в экстремистские объединения, вербовка молодежи для выезда и участия в боевых действиях на стороне запрещенной в России организации ИГ;

- внутреннее разделение мусульман по этническому принципу, формирование приходов по этническим признакам.

6-я группа факторов (поведение муниципальных служащих и управленческие решения):

- нарушения установленных правил служебного поведения в части межнациональных и межконфессиональных отношений;

- необоснованное предоставление преимуществ в получении благ или создании благоприятных условий лицам «родной» национальности при предоставлении муниципальных услуг.

7-я группа факторов (нарушения прав человека и криминогенная среда):

- резонансные уголовные преступления лиц одной национальности против лиц другой национальности;
- препятствование или необоснованные ограничения реализации национально-культурных и (или) религиозных прав жителей [3].

Рекомендации по формированию в местном сообществе благоприятных условий развития межнациональных и межконфессиональных отношений

1. Проведение мероприятий, направленных на:

- разъяснение и популяризацию целей и задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года;
- упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности народов Российской Федерации;
- сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Российской Федерации;
- взаимное уважение традиций и обычаев народов Российской Федерации;
- гармонизацию межнациональных отношений.

Особую важность представляют мероприятия межнационального характера как наиболее способствующие достижению целей Стратегии.

2. Широкое использование в целях популяризации Стратегии проведения публичных мероприятий, приуроченных к празднованию Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Праздника Весны и Труда, Дня Государственного флага Российской Федерации, Дня народного единства, Дня славянской письменности и культуры, мероприятий, приуроченных к памятным датам в истории народов России, значимым событиям в жизни национально-культурных объединений, а также фестивалей национальных культур.

3. Активное освещение местными средствами массовой информации мероприятий, проводимых органами местного самоуправления и муниципальными учреждениями в соответствии с пунктом 1 данных рекомендаций.

4. Содействие местным средствам массовой информации в публикациях в целях патриотического и гражданского воспита-

ния подрастающего поколения в виде интервью и бесед с представителями различных национальностей, конфессий, в том числе с:

- имеющими достижения в сфере культуры, науки, творчества, образования;

- председателями и активистами национально-культурных общественных объединений об опыте их работы в сфере укрепления межнационального согласия;

- религиозными деятелями по разъяснению обрядовых практик, религиозных традиций, канонических требований и уставов, с обращениями к гражданам, направленным на укрепление межнационального согласия, межконфессионального диалога, воспитания действенного российского патриотизма;

- ветеранами труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов;

- социально активной молодежью, волонтерами;

- юными активистами по охране природы и выполнению общественно полезных услуг.

5. Поддержка инициатив жителей муниципальных образований по проведению социально значимых и общественно-полезных мероприятий с привлечением к участию в данных мероприятиях лидеров и активистов, жителей, представителей религиозных и национально-культурных общественных объединений [2].

Список литературы

1. Васина В. В., Халитов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р. Диагностика риска возникновения и предупреждения межконфессиональных и межэтнических конфликтов на основе модели психосоциального диссонанса // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2014. № 6.

2. Профилактика и преодоление межэтнических конфликтов [Электронный ресурс].

3. Шаповалов Н. Межнациональные конфликты в РФ: возможен ли мирный путь решения проблемы?

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Аханчи Парвин Амиралли,
доктор философии по истории, доцент
Национальная академия наук Азербайджана, Институт
археологии и этнографии, Центр антропологии
(г. Баку)

Аннотация. В настоящей статье анализируются коллективная память свидетелей событий нагорно-карабахского конфликта и войны – вынужденных мигрантов, их адаптация и то, как эти события, преломляясь через автобиографическую память индивидуальностей, наложили негативный отпечаток на их жизнь. На основе разработанной автором оригинальной анкеты проведено широкое исследование в местах компактного проживания вынужденных переселенцев и беженцев в Азербайджане. Данные анкетного обследования дополнялись интервьюированием респондентов. Подвергшиеся физическим, психологическим, моральным травмам очевидцы событий до сих пор испытывают постконфликтный синдром как следствие врезавшихся в память жестоких событий.

Исследование выявило преемственность поколений, выразившуюся в процессе передачи информации старшими, ставшими очевидцами событий, молодому поколению, родившемуся и выросшему в постконфликтный период.

Обобщенные материалы нарративов [7, с. 240–246] респондентов свидетельствуют о значительной роли коллективной памяти, которая может быть использована как важный инструмент в противодействии проявлениям экстремизма и терроризма на Южном Кавказе.

Автор статьи не имеет целью рассмотрение психологических особенностей разновидностей человеческой памяти, что является предметом исследования психологов-профессионалов.

Ключевые слова: память; коллективная память; нарративы; вынужденные переселенцы и беженцы; психологическая травма; моральная травма; постконфликтный синдром; нагорно-карабахский конфликт и война; экстремизм и терроризм.

Человеческая природа многогранна: с одной стороны, имеет место желание работать и жить в мире, с другой, – если вспомнить историю, то человек вместе с огнем, одеждой, орудием производства придумал и оружие смерти и защиты. Таким образом, на протяжении всей истории развития человеческого общества происходили многочисленные войны, террористические акты, уносившие жизни бесчисленных миллионов людей во всем мире. Никакие продвинутые технологические и технические возможности археологических исследований не в состоянии установить, кто первым применил оружие убийства, направленное против себе подобного...

Радикализм, экстремизм и терроризм являются самой опасной глобальной проблемой современности [3; 5; 7]. Сложно найти континенты, которые не пережили бы террористические акты. В современном мире изощреннее стала адская машина терроризма, изменилось само определение террора и его технологии, действия вербовщиков и вдохновителей террористических актов приобрели международный характер [12]. В условиях глобализации международных отношений борьба всех народов мира против экстремистских и террористических проявлений должна вестись совместными усилиями [4; 9].

Как правило, экстремизм и террор имеют глубокие последствия для членов общества. Это внезапная смерть, потеря близких, разрушение окружающей среды, физические и психологические травмы, которые оставляют неизгладимый след в памяти свидетелей событий; массовое уничтожение человеческих ресурсов, вынужденная миграция, разрушение городов, сел, исторических и архитектурных памятников, домов культуры, музеев, библиотек, школ, садов, центров отдыха и лечебниц.

С самого начала своего возникновения нагорно-карабахский конфликт предполагал страдания и жертвы. Людские потери, горе, боль, лишения, унижение человеческого достоинства, перенесенные многочисленные травмы почти в каждой семье – вот что

означает война для мирного населения Карабахского региона. Если материальные потери можно каким-то образом компенсировать, а разрушенное восстановить, то перечисленные потери, удары войны невозможно восполнить, возместить никакими материальными затратами [17].

Карабахский конфликт перевел мирный ритм жизни двух народов в экстренный режим, схожий с армяно-азербайджанскими столкновениями начала XX в. на Южном Кавказе. Заинтересованные политики разожгли национальную рознь, реконструкция событий прошлых конфликтов снова вызвала ненависть друг к другу.

Страх, беспокойство, угрозы заставляли людей сниматься с насиженных мест и вынужденно мигрировать. Тяжелые испытания выпали на долю вынужденных мигрантов. Они пережили физические, психологические и моральные травмы, потерю родных и близких. История каждого отдельно взятого респондента – это его личная трагедия. Когда слушаешь горькие воспоминания респондентов, то кажется, что это «художественный вымысел», но отнюдь не реальная история человека. Глубина переживаний респондентов прежде всего о своих родных и близких отразилась в осознании ими своей ответственности за них. Вместе с тем именно эта ответственность и моральный долг перед ними заставляли их стойко переносить травмы, жить ради тех близких, которые выжили.

С самого начала конфликта, когда люди не знали, как он вдруг возник и с такой скоростью развился, зачинщики уже давно готовили его сценарий. Как подчеркивал один из респондентов, «печально вспоминать, как мы, свидетели тех событий, все еще надеялись, что скоро все уладится... ждали наведения порядка властями». Ведь невероятно было осознавать, что после стольких лет жизни в «дружной семье народов» они вдруг оказались «по ту сторону фронта» [18].

Как показывают исследования, люди не только изучают, запоминают события по историческим книгам, но они также черпают информацию в своей семье, у родителей, родственников. Каждая отдельно взятая семья имеет свою семейную историю, сохраненную в памяти членов семьи, семейных фотоальбомах, мемуарах, реликвиях, передающихся из поколения в поколение.

Следовательно, объективно официальная история переплетается с семейной историей, которая в свою очередь складывается из событий, связанных с конкретными членами, принадлежащими той или иной семье.

Для исследования нарративов [16] вынужденных переселенцев и беженцев о событиях нагорно-карабахского конфликта одним из действенных методов является проведение интервью в определенных социальных группах. Таким образом «собирается», складывается устная история, которая выявляет не только отдельные семейные истории, но и конкретные исторические события, свидетелями которых являются члены социальных групп.

Как известно, память является важным инструментом в развитии мышления человека, познании явлений цивилизации, в то же время она имеет первостепенное значение в хранении информации (для ее дальнейшего развития). Фундаментальные исследования канадского когнитивного психолога Эндель Тульвинга раскрыли, каким образом механизмы человеческой памяти управляют жизнью людей. Согласно теории Э. Тульвинга, декларативная память состоит из двух независимых видов памяти – семантической (для хранения знаний) и эпизодической (хранение воспоминаний о событиях) [13]. К декларативной памяти также относится автобиографическая память, являющаяся специфической разновидностью декларативной памяти для кумуляции, хранения, интерпретации и актуализации автобиографической информации. Фактически респонденты делились своим личным жизненным опытом, рассказывали свою личную историю, в которой преломлялись события конфликта и войны.

Исследуемые свидетели событий в своих нарративах зрительно воспроизводят в памяти события начального этапа конфликта, эскалации и трансформации его в войну. Они вспоминают панику, плач, крики людей, звуки обстрелов, шум военной техники, запах взрывающихся мин, горящих домов. Получившие ранения помнят вкус крови, боль и страдания от полученных ран. Почти все респонденты, особенно свидетели событий периода эскалации и перехода ее в военную фазу, отмечали, что «когда вспоминаю события конфликта и войны, то, как кинолента, все проходит перед глазами...», «когда рассказываю, словно все было только вчера, все оживает перед глазами...», «как сейчас помню,

обстрелы домов и взрывы на улице...», «никогда не забуду, как мы бежали босиком по снежному лесу...», «до сих пор помню шум и лязг танков и бронетанковых машин...», «от страха сердце так сильно колотилось в груди, что стук раздавался в ушах...», «до сих пор все стоит перед глазами... такое не забывается», «воспоминания ранят сильнее...»

Известно, что по длительности хранения информации память дифференцируется как ультракратковременная, кратковременная и долговременная. Респонденты отличаются долговременной памятью, на протяжении более четверти века они помнят события, детали, касающиеся своих городов, сел, домов, родственников.

И, наконец, по наличию цели запоминания информация запомнилась респондентам непроизвольно. Населению, невольно вовлеченному в экстремальные условия, события врезались в память непроизвольно, запомнились как бы «само собой» – без специально поставленной цели. Согласно основным закономерностям непроизвольной памяти, свидетелям запомнились события, которые были неожиданными, экстраординарными, полными стресса (крики пострадавших, смерть близких, отрицательные эмоции и переживания, взрывы гранат, обстрелы местности, вынужденное покидание домов и места жительства, вынужденное обустройство на новом месте и др.).

Исследования показали, что понятия дома, семьи, родного города, малой родины настолько близки людям и значимы в их жизни, что все это непроизвольно запомнилось респондентам. Участники военных действий, активно вовлеченные в события, порою детально рассказывали координаты месторасположения добровольных соединений, поименно перечисляли членов батальона, имевшееся количество боеприпасов, бои, в которых были ранены сами или товарищи. Все перечисленное запомнилось ими непроизвольно, ввиду актуальности этих событий и их вынужденной деятельности в экстремальных условиях.

Исключительно важное значение в исследовании нарративов респондентов по отношению ко времени имевших место тех или иных событий, хранимой информации имеют ретроспективная память и проспективная память. Первая из них определяется содержанием событий или фактов, с которыми субъект сталкивал-

ся в прошлом. Вторая же направлена на намерения и на запланированные в будущем действия [2].

В ходе проведенных опросов эти два вида памяти особенно влияли на социально-психологическое состояние людей. Память о пережитых событиях наложила глубокий отпечаток на психику и поведение респондентов. Эта же память словно «вогнала» их в двойственное социально-психологическое положение. С одной стороны, они рады, что воспроизводят в своей памяти родные места, яркие события прожитых лет. Так, например, одна из респонденток отмечала, что воспоминания – это своего рода кратковременное облегчение самочувствия. «Я верю в воспоминания, они моя надежда. Вспоминая мирное, доконфликтное время, я словно снова живу в том привычном мирном городе. И мне становится очень хорошо на душе».

С другой стороны, респонденты рассказывают, как эти приятные воспоминания одновременно переплетаются с горькими событиями, коренным образом изменившими мирное течение их жизни. Непрерывающаяся стрельба, атаки, гонения, бегство, бессонные ночи в подвалах, где укрывалось мирное население от обстрелов и т.д., все эти события передаются в воспоминаниях респондентов. Эти события, как «прошлая реальность» или «прошлая жизнь», отражены в их памяти. Большинство из них хотят расстаться с «черной стороной этой памяти, забыть или стереть ее, избавиться от нее». Они не уверены, как будут жить с таким тяжелым, негативным багажом и обустривать будущую жизнь. Именно эта ретроспективная память является самой ранимой, хрупкой, чувствительной и в то же время она может послужить основой обеим сторонам для прекращения вражды и расширения процесса мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта, чтобы не дать молодому поколению испытать эти страшные события.

Респонденты предоставили для настоящей статьи ценный материал, отражающий события с самого начала конфликта, постепенной эскалации его и трансформации в войну. Они находятся в тяжелом психологическом состоянии, до сих пор видят страшные сны, и каждый раз при этом пережитые ими события «оживают» в их памяти. Вот в таких случаях они неоднократно

говорили, что «хочется стереть память, забыть страшные события, которые врезались в память навечно...»

Джо Диспенза, нейропсихолог, исследователь в области нейрофизиологических процессов, отмечает, что душа может думать о будущем, фантазировать, а память не может, она держит людей в прошлом. Он ставит вопрос об эмоциональном подавлении: «У нас есть негативные эмоции и каждый раз, когда мы что-либо создаем, то смотрим через эту призму» [15]. Абсолютное большинство респондентов получили физические, психологические травмы в прошлом. Их травмы в прошлом ассоциируются с негативными эмоциями. Чтобы жить, создавать будущее, они должны управлять своими эмоциями, а вернее, подавлять их.

Исследования автора выявили, что события отложились в памяти респондентов словно репрессия против души. Эти травмы наложили отпечаток на всю их жизнедеятельность. Они пережили страдания, муки, унижения, оскорбления, ранения как собственные, так и родных, потери близких и друзей, словом, они оставили за плечами очень трагичное прошлое. Эти люди находятся в безысходном положении, потому что у них происходит раздвоение личности, и они мысленно – «там», в прошлом – «дома», «в начале конфликта», затем «в войне», далее «в миграции», а физически «здесь», в настоящем – «в адаптации». Поэтому они растеряны, разочарованы своим настоящим положением, дискомфортным душевным состоянием.

Если даже они хотят подавить эти негативные эмоции, то память о прошлом не дает им этого сделать. Они все время находятся в этой эмоциональной оболочке прошлого. Только через эмоциональное подавление они могут приобрести душевное равновесие. Тогда происходит внутренняя борьба между настоящим и прошлым, между прошлым, воплощенной памятью, обрамленной негативными эмоциями, и настоящим, пока еще неизведанным, но мотивирующим на созидательную деятельность для лучшего будущего. Память черпается из личного опыта человека, причем он может быть как положительным, так и отрицательным. Безусловно, негативные эмоции этих людей – результат негативного опыта из их прошлой жизни, «завершенной» травмами. Их жизненный опыт послужил порождению этих эмоций. Возникает во-

прос о том, насколько длительными будут эти чувства, рефлексии в прошлом.

Эмоционально, психологически они связаны с прошлым и, вспоминая, все время мысленно переживают заново эти события, то есть память о прошлом вечно преследует, сопровождает их, не дает покоя. От этого многие находятся в депрессивном состоянии, считают, что их теперешняя жизнь лишена смысла, они грустят в настоящем и мечтают о возвращении в будущем в свои родные пенаты. Это желаемое возвращение кажется им неопределенным, невероятным, судя по вялой безуспешной дипломатии нынешних политиков вокруг решения нагорно-карабахского конфликта.

Окружающим нет дела до их эмоционального состояния респондентов, до их чувств, до их проблем. Они оторваны от реальной жизни, на все смотрят сквозь призму прошлого. Они не могут повлиять или же изменить прошлое, но могут создать будущее.

Примечательно, что Джо Диспенза [14] считает, что таким людям привычно находиться в прошлом. Они носят в себе негативную энергию, связанную с прошлым. Ученый считает, что эти люди должны осознать, что эмоции держат их в прошлом и они страдают от этого состояния, поэтому должны «остановить» себя в настоящем времени и постараться не вспоминать это прошлое. Когда они почувствуют себя в настоящем, тогда будут ориентированы на будущее, освободятся мысленно от прошлого, тогда произойдет избавление от негативной энергии прошлого и, следовательно, привычки быть привязанным к прошлому. Положительным результатом этого процесса будет приобретение чувства свободы и избавление от тяжелого эмоционального груза прошлого. Таким образом происходит внутренняя трансформация человека.

Прошлое сохраняется в эмоциях и становится своего рода болезнью. Но даже если отодвинуть в сторону эмоции, негативная энергия прошлого остается, и если не высвободиться от нее, то «человек оказывается в ловушке, настолько сильно переплетенной, что врач может сказать: “у вас опухоль”. Эта опухоль или рак – буквально энергия ваших сдержанных эмоций. Там нет бо-

лезни, которую вы не можете вылечить, потому, что вы тот, кто его создает....» [15].

Из вышеизложенного следует важность психологической помощи людям с негативным жизненным опытом в прошлом. Исследуемые вынужденные переселенцы и беженцы уагорно-карабахского конфликта, пережившие самые экстремальные события, оставшиеся с посттравматическим стрессовым расстройством, до сих пор не получили соответствующей профессиональной помощи ни от одной организации. В посттравматический период жизни, являющийся самым критическим, этой части населения не была предоставлена поддержка психологов и других специалистов ни со стороны государства, ни от международных гуманитарных организаций.

Отсутствие на протяжении почти 30-летнего периода специализированной программы помощи и центров, ориентированных на психологическую реабилитацию вынужденных переселенцев и беженцев нагорно-карабахского конфликта, отрицательно сказалось на их здоровье, результатом чего являются ранние инфаркты, неврологические расстройства, гипертония, болезни сердечно-сосудистой системы.

Морис Хальбвакс – французский социолог (1877–1945), являющийся основоположником социологического исследования памяти [10], анализирует два типа памяти, свойственных отдельной личности: сугубо личные переживания, даже если они в какой-то мере были разделены с другими индивидами; и безличные воспоминания, затрагивающие группу, к которой данный индивид принадлежит. Коллективные рамки памяти не сводятся к датам, именам и формулам, а, напротив, представляют течение мысли и опыта, в которых мы находим наше прошлое только потому, что оно ими пропитано [11].

Следует отметить, что в зависимости от индивидуальных особенностей, социального положения и возрастной дисперсии респондентов объем рассказанных историй варьировался. Каждый человек уникален по своей природе, и реакция на стрессовые события индивидуальна. Трудно назвать точные цифры, но итоги исследований позволяют утверждать, что определенная часть переселенцев и беженцев старшего поколения навсегда остались со

своей душевной болью и глубокими переживаниями, отказываясь давать интервью, либо покинули этот мир...

Экстравертные респонденты охотно делились пережитыми событиями, говорили как о своих личных трагедиях, так и о бедах, происшедших с их соседями, друзьями, родственниками, знакомыми. Как правило, такие респонденты в конце интервью утверждали, что почувствовали облегчение от того, что рассказали свою личную историю, но в то же время снова мысленно пережили события и страдали морально.

Проведенные полевые исследования предоставили возможность свидетелям событий рассказать о событиях, жертвах, которыми стали их близкие, родные. Абсолютное большинство респондентов (мирное население), оказавшихся на территории военных действий, и непосредственных участников военных столкновений (ветераны карабахской войны) сетовали на судьбу и горький опыт, выпавший на их долю [1, с. 135].

Многолетние исследования позволяют автору утверждать, что межэтнические конфликты между армянами и азербайджанцами возникают в переломные, критические периоды истории. Если анализировать конфликтные даты, то заметим, что они вспыхивали в 1905–1907 гг. – период первого революционного подъема в царской России; в 1917–1918 г. – период новой волны революции и широкого движения народов Российской империи за национальную независимость; в 80–90-е годы XX в. – период распада СССР и движения за национальную независимость республик, образывавших Союз.

В перечисленных переломных периодах истории национализм выступает как фактор социально-политических трансформаций. Ультранационализм сепаратистских групп и партий является самым опасным катализатором в разжигании межэтнических конфликтов. Все нации и народы в равной степени достойны уважения. Принадлежность любой национальности – это честь и достоинство отдельно взятой личности и требует уважительного отношения. Унижение достоинства и чести людей по национальному признаку, пожалуй, является самым весомым фактором в разжигании межэтнических конфликтов.

Если комплексно представить память в виде модели, то она предстанет перед нами как пирамида, фундамент которой состав-

ляет семейная память (состоящая из памяти членов семьи), а далее по возрастающей следует память общины, города / села, деревни, региона, страны. Преемственность поколений отражена в передаче информации старшими молодому поколению. Трансмиссия происходит систематически, как в каждодневном общении, так и в социальной среде.

Посредством анализа нарративов свидетелей событий недавнего прошлого автор обращается к старшему и среднему поколению обеих сторон прекратить вражду, противостояние, найти пути примирения и принести мир в Карабах, передать мирный Карабах молодому поколению.

Безусловно, сложно забыть боль и страдания, выпавшие на долю мирного населения с обеих сторон, но еще страшнее, если это межэтническое противостояние будет продолжаться бесконечно, вовлекая все новые жертвы из среды молодого поколения. Автор предлагает обеим сторонам работать над движением к прекращению огня и вражды между двумя народами. Следует вести неустанную работу среди населения о возможности мирного сосуществования двух народов в Карабахе.

Необходимо вести пропаганду в средствах массовой информации о том, сколько боли, страдания принесли этот конфликт и бессмысленная война обеим сторонам и как много новых жизней снова забирает это непрекращающееся противостояние в приграничной зоне. Самое дорогое для родителей – это жизнь детей, которым надо подарить любовь, ласку, возможность расти в мирных условиях и осуществлять свои мечты. Чтобы защитить своих детей от ужасов войны, необходимо прекратить находиться в состоянии эйфории вражды.

Страны не могут мигрировать в своих географических координатах, но конструктивный диалог между ними возможен. Автор полагает, что такое решение конфликта возможно в связи с многочисленными историческими примерами. Обратимся, например, к событиям недавнего прошлого, истории фашизма, Второй мировой войны, поглотившей десятки миллионов человеческих жизней [6], принесшей разруху, невероятные трудности, лишения, голод многим странам и народам мира.

Разумеется, война вызывает ненависть, вносит разлад, раскол между народами. Последующее послевоенное развитие ди-

пломатических инициатив мировых держав наказало виновников войны и урегулировало взаимоотношения между странами и народами, вовлеченными в самые страшные события XX века. В настоящее время все участники Второй мировой войны имеют широкую программу сотрудничества во всех областях экономики, здравоохранения, образования, туризма. Этот исторический опыт может стать примером для решения нагорно-карабахского конфликта мирным путем.

Вопреки всем радикально настроенным силам, ради подрастающего поколения необходимо установить мир между народами Азербайджана и Армении. Необходимо сделать мудрые выводы, не дать развернуться заново страшному разрушительному межэтническому конфликту и помнить, что «память без эмоциональной зарядки называется мудростью» [15].

Список литературы

1. Аханчи П. А. Анкетное обследование вынужденных переселенцев и беженцев Нагорно-Карабахского конфликта // Материалы научной сессии по итогам археологических и этнографических исследований в Азербайджане в 2013 году. Баку. 2014. С. 135.
2. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. Питер, 2011. С. 460–483.
3. Иорданов М. Дело № 666. Террор. Махачкала: Юпитер, 2002. 431 с.
4. Интерпол против терроризма: сборник международных документов: [посвящ. 77-й Генеральной Ассамблее Интерпола в г. Санкт-Петербурге (октябрь 2008 г.)] / Мин-во внутренних дел РФ, Национальное центральное бюро Интерпола в Российской Федерации; сост. В.С.Овчинский. М.: ИНФРА, 2010. 808 с.
5. Кара-Мурза С. Г., Мухин Ю. И. Сеющие смерть, или Кто заказывает террор. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 253 с.
6. Космач В. А. Начало и причины Второй мировой войны в современной российской историографии // Наука — образованию, производству, экономике. Материалы XXI (68) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск, 11–12 февраля 2016 г. В 2 т. Т. 1. Витебск, 2016. С. 282–283.

7. Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М., 2009. 232 с.
8. Парвин Амирали кызы Аханчи. Нагорно-Карабахский конфликт по нарративам вынужденных переселенцев и беженцев. Археология и Этнография Азербайджана. 2014. № 2. С. 240–246.
9. Сидоренко А. Г., Тихомиров Ю. В. Терроризм и анти-террористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. М.: Кучково поле, 2011. 639 с.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Тема 1: Что такое коллективная память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
12. Хоффман, Б. Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра-Культура, 2003. 252 с.
13. Endel Tulving. Episodic and Semantic Memory. Organization of Memory. Edited by Endel Tulving and Wayne Donaldson. Academic Press. New York and London. 1972, p. 383.
14. Evolve Your Brain: The Science of Changing Your Mind. Health Communications, Inc. Deerfield Beach, Florida, 2007, 510 p.
15. Joe Dispenza. Breaking the Habit of Being Yourself: How to Lose Your Mind and Create a New One. Hay House, Inc. Carlsbad, California. New York City London. Sydney. Johannesburg Vancouver. Hong Kong. New Delhi, 2012, p. 283.
16. См.: Najafizadeh Mehrangiz. Ethnic Conflict and Forced Displacement: Narratives of Azeri IDP and Refugee Women From the Nagorno-Karabakh War. Journal of International Women's Studies, 2013, 14(1), 161–183
17. Parvin Ahanchi. Witnessing the war in Nagorno-Karabakh: Shusha's IDPs testify. Azerbaijan in the World. Online analytical input from Azerbaijan Diplomatic Academy. Vol, 4, No. 10, May 15, 2011.
18. Parvin Ahanchi. Witnesses and «Memorizers» in the Nagorno-Karabakh Conflict. Azerbaijan in the World. Online analytical input from Azerbaijan Diplomatic Academy. Vol. 4, No. 24, December 15, 2011.

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА

Бабатова Айшат Шариповна,

доцент кафедры онтологии и теории познания
факультета психологии и философии
Дагестанского государственного университета,
кандидат философских наук
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье обосновывается авторская позиция, которая заключается в том, что исламский идейный фактор может и должен активно использоваться в организации конструктивного социального диалога в различных сферах общественных отношений. В преодолении социального раскола у религии своя, во многом уникальная роль и предназначение.

Ключевые слова: религия; конфессия; ислам; социальный диалог; раскол; оппозиционность; гражданское общество.

Современная Россия переживает непростые времена. Это обусловлено массой взаимосвязанных причин. На ведущее место среди них выходят социально-экономические, политические, и, что особенно важно, духовные основания. Преодоления раскола идей, взаимосуществующих в общественном сознании, констатация которого уже много лет (а то и столетий) не выходит из общественного дискурса, пока не произошло. Хотя поиску возможностей для этого посвящены работы широкого круга политиков, ученых, известных личностей, проявляющих себя в различных сферах деятельности общества. Очевидно, что позитивный результат таких поисков не может быть приближен без конструктивного и масштабного социального диалога. Социальный диалог необходим не только для поиска способов мирного сосуществования в социуме носителей диаметральных политических позиций, представителей различных этнических, конфессиональных общностей. Сам диалог требуется в качестве трибуны и средства анализа этой разнохарактерной и многообразной реальности.

По мере углубления демократических процессов оппозиция заявляет о себе в обществе как многовекторная, во многих своих

воплощениях представленная как противоречивая сила [8, с. 3]. Оппозиционность выступает в качестве интегративной характеристики проявления любой нонконформистской социальной деятельности. Она же проявляется в разнообразных и разнохарактерных бунтарских выражениях массового общественного сознания. Однако это принято рассматривать как одно из закономерных состояний общества, которое идет по пути социальной трансформации, чем бы она не была обусловлена [7, с. 168]. Проявление подобных состояний привлекает исследовательский интерес, но по-прежнему не может считаться достаточно глубоко изученным явлением [1, 2, 8, 11].

Социальное взаимодействие выступает в человеческом обществе в разных качествах. Многомерное проявление двойственности социального бытия в коммуникативных процессах реализуется через диалоговые отношения. Таким образом, диалог выступает как средство обеспечения целостности социальной системы, в структуре которой он организован и реализуется. Именно диалог способствует выражению внутреннего потенциала коммуникаций, выявлению скрытых резервов как конструктивного, так и деструктивного характера.

Диалогизм выступает как особый вид коммуникации, являющийся необходимым условием сосуществования в одном социокультурном контексте различных субъектов социальных отношений. Социальный диалог, в таком случае, с позиций этих субъектов, можно рассматривать в качестве средства быть услышанным, понятым, максимально разностороннего представления своего интереса и пр. [8]

В настоящее время проблемы диалога являются предметом обсуждения и исследования на всех уровнях и во всех областях общественной и научной теории и практики. В условиях расширения интеллектуализации и углубления социализации человека, трансформации ценностей и представлений, в масштабах крупных социумов и личностных проявлениях значительно актуализировались аспекты построения и функционирования диалога в социальном пространстве.

Выступая особым видом коммуникационного взаимодействия, диалог является важным, а часто решающим средством, обеспечивающим взаимопонимание на разных уровнях общения

субъектов. Более того, диалог выступает в качестве наиболее действенного средства построения сложных систем отношений на разных уровнях и в разных пространствах общественной жизни. Являясь определенной формой общения и выполняя все его функции, диалог обладает своей спецификой, обеспечивающей ему особую роль в организации жизнедеятельности людей. Это, в свою очередь, предопределило то обстоятельство, благодаря которому в современном мире, где происходит снятие многих прежде существовавших ограничений, расширяется поле социального действия и видения, а диалог становится всё более востребованной формой отношений. Он является необходимым условием развертывания и развития межличностных, межгрупповых, межгосударственных отношений: культурных, экономических, политических и т. д. [8].

Диалогическое мышление рассматривается как альтернатива манипулированию сознанием людей как на индивидуальном, так и на групповом и на массовом уровне [9].

Как уже было отмечено выше, современное российское общество представляет собой сплав культур, народов, конфессий, политических позиций, различных социальных страт. Поэтому неудивительно, что такое разнообразие неминуемо порождает конфликтность в обществе. Не последнее значение играет в этом конфессиональный фактор.

Не секрет, что для каждой конфессии самым показательным фактором влияния на умы людей является численность ее последователей. Поэтому в условиях неизбежного межконфессионального соперничества каждый из его участников стремится привлечь на свою сторону как можно большее число людей. И в таких условиях зачастую количество подменяет качество. Иными словами, в ряды сторонников того или иного учения попадают разные люди: с глубокими убеждениями и с поверхностной, демонстративной религиозностью; исповедующие ортодоксальное учение и сторонники его радикальных форм.

Все, кто исследует проблемы экстремизма в обществе, признают, что это «социальное зло и с ним нужно решительно бороться, лучше всего методом полного искоренения» [12, с. 6]. Одним из конструктивных подходов к преодолению экстремизма

в обществе является организация широкого социального диалога, с максимальным вовлечением в него широких социальных групп.

Экстремизм являет собой идеологию и практику разобщения общества, толкания его к крайностям развития, форму манипулятивного воздействия на сознание и поведение людей с целью разрушения существующей социальной системы. Никаких модернизаций, обновления, совершенствования по определению не признавая, он создает реальную угрозу большим массам людей. [2, 3].

В связи с вышеизложенным необходимо отметить, что опыт межконфессионального и внутриконфессионального диалога, накопленный в российском обществе, позволяет рассчитывать на приобщение к обширному социальному диалогу других субъектов. Главная цель – интеграция общества на идейной основе – трудно достижима, но реальна.

Все чаще дискуссии, связанные с социальным диалогом, смыкаются на тематике «возрождения ислама» в России [1, с. 3]. Важное место отводится религиозному фактору в социально-экономических и политических процессах, при этом признается, что его роль не является исходной, определяющей. А говоря о возрождении ислама, правильно вести речь о «возрождении исламизма» – идеологии мусульманской интеллигенции [см.: там же].

По разным подсчетам, в России проживают от 15 до 30 млн мусульман. Быстро растущее количество приверженцев ислама может превратиться в общественно-политическую силу в стране и при определенных обстоятельствах оказаться в конфронтации с российским государством, православной церковью и с широкими слоями русского населения, которому внешними силами сейчас прививается дух ксенофобии, исламофобии. Поэтому важно знать и понимать, кто и каким образом оказывает влияние на умы мусульман.

Необходимо учитывать, что бурная исламизация российского общества, в особенности на Северном Кавказе, имеет ряд неоднозначных особенностей. Так, внутри самой мусульманской уммы наблюдается раскол на два лагеря: приверженцев традиционного ислама и сторонников его радикальных форм [11, с. 86].

Следует учитывать, что ислам – религия, которая имеет собственный политический проект. А мусульманская интеллигенция в России сегодня начинает активно пытаться реализовать проект исламизма, чтобы добиться определенных политических целей. Именно ислам традиционного толка демонстрирует приверженность к традиционным ценностям народов, исповедующих эту религию. Он же освящает существующую социальную программу развития современного российского общества как на федеральном, так и на локальном и местном уровне.

Но нельзя не заметить, что традиционный ислам не смог побороть ситуацию религиозного раскола в обществе. Несмотря на количественный рост числа мечетей, верующих, религиозных общин, распространение религиозной литературы, он не стал консолидирующим фактором для всех верующих, всех мусульман. Более того, по мере усиления позиций традиционного ислама обнаружилось, что он не только не выполнил роль консолидирующего фактора, но и усилил конфликтность в обществе локально проживающих мусульман (например, в регионах Северного Кавказа, Поволжья) [11, с. 88].

Возможное объяснение такого положения дел представляет мнение о том, что по мере роста недовольства общества сложившейся социально-экономической ситуацией, углубления экономического кризиса именно фундаментализм набирает популярность, так как с ним ассоциируется выражение социального протеста против тех социальных язв, которые общество пока побороть не может. В то время как традиционный ислам, настроенный на конструктивный социальный диалог, теряет популярность, чем больше апологизирует проводимую политику. Такой парадокс.

Становление и развитие гражданского общества невозможно без конструктивных взаимоотношений между его субъектами. Оно охватывает различные сферы общественной жизни. Без широкого социального диалога обойтись в этом процессе никак нельзя. В любом обществе религия задействована в формировании системы социальных норм и ценностей. Но современное общество создало такой тип личности, который не может руководствоваться только религиозными нормами и ценностями [13, с. 82]. Религия же чаще востребована для ответов на возникающие

фундаментальные вопросы человеческого бытия: в чем смысл жизни, суть категорий нравственности и пр.

Западные и отечественные исследователи, проведя анализ взаимодействия гражданского общества и исламской религии, пришли к заключению, что ценности гражданского общества не только не чужды исламу, но и приветствуются и развиваются в нем [13, с. 82].

Открытость традиционного ислама в социальном диалоге с другими конфессиями продемонстрирована в работе Межрелигиозного совета, созданного в России 1998 г. Из более 70 конфессий в него вошло всего 4. Но конструктивный диалог налажен, дает позитивные результаты [3, 6], правда, преимущественно на официальном уровне. А спектр разнообразных социальных отношений составляет значительный пласт неформальных социальных взаимодействий.

В заключение стоит подчеркнуть, что только в государстве и обществе, в котором существует взаимное уважение власти и религии, где ни власть, ни религия не позволяют себе давление на личность, вмешательство в право на свободу совести, возможно конструктивное сотрудничество. Там, где диалог превращается в манипулятивное воздействие, давление, возникает монолог. Объект влияния неминуемо остается неудовлетворенным своим положением. А это является благодатной почвой для различных радикальных течений и действий. Тем, кто осуществляет такую политику, стоит об этом не забывать.

Список литература

1. Аршинова С. Ф. «Исламский фактор» в современной общественно-политической жизни: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005.
2. Бабатова А. Ш. Диалог культур и толерантность как основы межкультурной коммуникации // Литературное обозрение: история и современность. 2012. № 2. С. 88–92.
3. Бабатова А. Ш., Ферзалиев Д.С., Асадова З. Н. Христианство и ислам: диалог религиозных культур // Исламоведение. 2012. № 4. С. 109–114.

4. Билалов М. И. Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2. С. 19–27.
5. Буттаева А. М. Актуально, комплексно и основательно о религиозном экстремизме в современной России // Исламоведение. 2016. № 2. С. 97–101.
6. Православно-исламский диалог в гармонизации этноконфессиональных отношений [Электронный текст]. Режим доступа: <http://scienceport.ru/library/liball/5061-pravoslavno-islamskiy-dialog-kak-faktor-garmonizatsii-etnokonfessionalnyih-otnosheniy/>
7. Сторожилова Д. Н. Особенности формирования социальной идентичности в современном российском обществе // Гуманитарные знания и естественные науки: современные науки и перспективы развития: Материалы II Межвузовской научно-практической конференции / под общ.ред. Е. В. Королюк. – Краснодар, 2014. С. 167–171.
8. Сторожилова Д. Н. Социальный диалог: анализ конструктивного коммуникативного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д, 2006.
9. Сторожилова Д. Н. Социальный диалог: подход к определению понятия // Вестник Калининградского университета. 2004. № 3.
10. Яхьяев М. Я. Догматические истоки и факторы поливариативности ислама // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–65.
11. Яхьяев М. Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. 2014. № 1. С. 86–90.
12. Яхьяев М. Я., Султанахмедова З.Г. Институционализация исламского экстремизма // Исламоведение. 2017. № 3. С. 5–19.
13. Яхьяев М. Я., Эфендиева Н. Г. К вопросу о формировании гражданского общества в исламских странах // Исламоведение. 2012. № 4. С. 82–87.
14. Яхьяев М. Я. Место и роль ислама в социокультурной интеграции дагестанского общества // Исламоведение. 2013. № 3.
15. Яхьяев М. Я. Политические истоки и причины разногласий и расколов в исламской умме // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 4. С. 32–42.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА КАК ЯВНЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС И ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Бесолов Владимир Бутусович,
архитектуровед-ориенталист
(иранист, кавказовед, арменист) и византолог,
профессор ИАА и член-корреспондент МААМ,
советник РААСН, почетный архитектор
Российской Федерации,
(г. Владикавказ)

*Посвящается 100-летию со дня основания
Грозненского государственного нефтяного технического универ-
ситета
имени академика М. Д. Миллионщикова*

Аннотация. Для постижения древнего и средневекового архитектурно-планировочного наследия коренных горских народностей Северного Кавказа необходимо понять основную суть рассматриваемой проблемы сквозь призму исторической памяти и современной значимости как этнокультурного ресурса, способствующего противодействию экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: историческая память; природные этнокультурные территории; естественно-исторические ареалы; антропотип; патронимия.

Историческая память – это то, без чего не может быть человека нравственного, разумного, ибо она делает человека гражданином и патриотом. Историческая память – это сохранение и передача потомкам эмпирических и академических знаний об истории своего Отечества, культуре и искусстве, религиозном веровании и родословной. Историческая память отражается в обрядах и обычаях, в преемственности традиций и нормах семейной и социальной жизни, нравах и этикете.

Имманентные свойства памяти и специфика восприятия этнокультурного наследия каждым национальным индивидуумом

всегда составляют идейную, мировоззренческую основу и становятся морально-нравственными устоями в процессе развития и совершенствования личности. Каждый человек обязан размышлять о принципах личной жизни и выборе профессиональной деятельности, чтобы сберечь себя от воздействия на него внешних негативных факторов, начиная от экономической политики государства и заканчивая терроризмом и экстремизмом. Избегая оказаться в рядах таких террористическо-экстремистских организаций, человек с детства должен уметь ценить своих родителей и всех родных, свою страну, понимая и чувствуя истинные истоки своего народа и культурное достояние своей Родины.

Горные ландшафты

Биосфера древних стран Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии и, в частности, Большого Кавказа изобилует всеми видами природного богатства, столь необходимого и приемлемого для жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека и общества. Надо полагать, поэтому в сложных по морфологии ущельях рек, на труднодоступных склонах и вершинах гор Большого Кавказа издревле обитают сильные и смелые люди. Археологические раскопки подтверждают активность человеческих обществ в этом регионе, начиная с древнейших времен. И ныне потомки этих людей заселяют территорию на всем протяжении Главного Кавказского хребта. Эти древние человеческие сообщества и явились создателями памятников уникальной планировки горных поселений, традиционной архитектуры и строительной техники, замечательных по форме, пластике и декору, образу и стилю художественных произведений и изделий декоративно-прикладного искусства.

Природные этнокультурные территории на склонах гор. Коренные горские народности, с глубокой древности обитающие на территории Большого Кавказа, вели активный образ жизни и, несмотря на сложнейшую морфопластику горного ландшафта и резкую изменчивость сурового климата, занимались земледелием и скотоводством. Ныне нетрудно обнаружить следы террасного земледелия и садоводства почти на всех горных склонах, уходящих вглубь ущелий Большого Кавказа. Более того, разнотравье альпийских лугов располагало и к разведению домашних животных.

Природные этнокультурные биосферные резерваты в горах. Образ жизни и специфика хозяйственной деятельности разноязычных племен в особых ландшафтно-климатических условиях, обладающих целебными свойствами и отличающихся насыщенным кислородом, ароматным воздухом хвойных лесов и альпийских лугов, а также наличие множества родников и минеральных источников, экологически чистых продуктов питания – все это и многое другое сопутствовало демографическому росту населения и развитию техники и культуры. Уникальные биосферные резерваты Большого Кавказа становились естественным очагом этногенеза и эволюции генофонда кавказских горских народностей.

Естественно-исторические ареалы и среда обитания горцев. Все же горные ущелья Большого Кавказа способствовали сохранению архаического образа жизни, и общество руководствовалось горскими обычаями и древними законами. Необходимо отметить, что социально-экономическое устройство и нравственные устои коренных горских народностей Большого Кавказа базировались на гуманистических основах. Кавказские горские племена из первобытного уклада, минуя рабовладение, сразу перешли к феодальному образу жизни. Инерционно этому способствовали принципы иерархического устройства большой патриархальной семьи, древнего рода и патронимии.

Антропотип, языки и верования коренных горских народностей. Представителями исторической антропологии установлен в целом единый физический морфотип людей на Большом Кавказе – кавкасионский тип. Разумеется, у горских народностей, проживающих за пределами территории Центрального Кавказа, наблюдаются некоторые отклонения от основного кавкасионского типа, что вполне понятно и обосновано историческим развитием этих племен. Однако феноменальным является множество языков, возникших на территории Большого Кавказа, и в особенности в Дагестане, который является в этом смысле уникальным регионом. Ныне коренные горские народности Большого Кавказа разговаривают на языках разных групп, ветвей и семей: адыгская, дагестанская и вайнахская группа северо-кавказской ветви и картвельская группа со сванским языком южно-кавказской ветви кавказской языковой семьи; осетинский язык – восточно-

иранская группа иранской языковой семьи; карачаево-балкарский, кумыкский и ногайский языки – тюркская группа северокавказской ветви тюркской языковой семьи.

Каждое горное ущелье Большого Кавказа, издревле заселенное конкретной народностью, изобилует языческими святилищами, ибо коренные горские народности преемственно веровали и традиционно почитали местные божества.

Атрибуты среды обитания коренных горских народностей. Большой Кавказ является прародиной древних автохтонных племен и современных горских народностей. Много тысячелетий в горах Большого Кавказа жили и развивались древние племена, а ныне проживают многие народности, отличающиеся самобытным этническим образом жизни и достигшие высокого развития поистине уникальной материальной и духовной культуры. Формированию образа жизни той или иной горской народности способствовало наличие в горах Большого Кавказа источника питьевой воды (родника), дров для отопления (леса), пастбищ для выпаса скота и заготовки сена (луга), участков земли, пригодных для посева культурных злаков (почвы) и прочее.

Горные поселения

Местонахождение горных поселений на склонах и вершинах гор. На протяжении веков и тысячелетий среди горных вершин Большого Кавказа обитали племена и народности, отличающиеся друг от друга антропотипом и архаическим языком, семейно-бытовым укладом, эстетическими представлениями и этическими нормами. Но при этом все народы, обитая в глубине горных ущелий и находясь в почти полной изоляции от внешнего мира, непоколебимо придерживались норм и правил традиционного образа устоявшейся жизни. Символика и ритуалы племен, эстетические и этические воззрения и стиль мышления отражены в творческом мастерстве и строительных навыках горских народностей и воплощены в лапидарных по художественному образу, но предельно функциональных и цельных по внешнему облику горных поселениях.

Анализируя систему расселения в горах Большого Кавказа эпохи древности и Средневековья, важно выявить и понять его этнические и социальные особенности, экономические и производственно-хозяйственные факторы, природные строительные

ресурсы и стратегические преимущества местоположения горных поселений (аулов), характер их планировочной структуры и пространственной композиции, условия возможной длительной осады и долговременной обороны, специфику дорог, мостов, родников и других дорожных и придорожных сооружений. Все это также важно рассмотреть на основе таких этнологических дефиниций, как тейп, тухум, джамаат, семейная община или большая патриархальная семья, соседская община, патронимия, но с ясным представлением семантического значения каждого понятия.

Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности у всех горских народностей Большого Кавказа: дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев и карачаевцев, поныне обитающих на северных склонах, а также мохевцев, гудамарцев, пшавов, тушинов, хевсуров, осетин, рачинцев, лечхумцев, сванов, живущих на южных склонах Большого Кавказа.

Горные поселения средневекового Большого Кавказа как исторически сложившийся единый и целостный функционально-оборонительный организм горского общества. Характерной особенностью архитектурно-планировочных традиций горских народностей Большого Кавказа являются реалии планировки и формирования поселений в труднодоступных местах, удобных для обороны от неприятеля. Можно смело утверждать, что в горах Северо-Восточного Кавказа был создан особый архитектурный морфотип поселения, представляющий собой гармонично сложенный телесный организм, синтез логики и интуиции, симбиоз природного и культурного. Горские народности Большого Кавказа словно одухотворяли дерево и камень, именно тот традиционный строительный материал, из которого сложены непрерывным титаническим трудом на основе эмпирических знаний и умений и профессиональных навыков их жилища и укрепления.

Древнее и средневековое поселение Большого Кавказа как определитель традиционного социального строя моноэтнических горных обществ. Если идентифицировать, казалось бы, внешне неразличимый квартал крупного горного аула с тухумом (или па-

тронимией), то историку архитектуры и градостроительства не представляет особого труда определить семантическое назначение особых мест квартальной общины, чаще всего это небольшая крытая площадка, где каждый вечер сходятся мужчины. Подобными знаковыми территориями соседской общины являются общесельские общественно-торговые площади социально-экономического, политического и стратегического назначения. Отсюда следует вывод: каждая патронимия (или тухум) генерировала свою материально организованную структуру в планировочно-пространственной композиции горного поселения, т.е. постепенно создавала единый архитектурный комплекс жилого и оборонного назначения. И по всей вероятности, формирование архитектурного комплекса и всего поселения являлось следствием разрастания семейной общины, образования большой патриархальной семьи и возникновения патронимии. Оборонно-жилой комплекс постепенно эволюционировал от первоначального жилого ядра – жилища прародителей семейной фамильно-родовой общины, при этом вектор формирования продвигался по склону к вершине, чаще всего южного или юго-восточного горного склона, что способствовало постепенному и непрерывному образованию единого, но отнюдь не единовременного, художественно совершенного и архитектурно цельного организма, биосферного целого, а, согласно Г.Я. Мовчану, вовсе не «...конгломерат тесно пристроенных друг к другу жилых домов» [1].

При стадиальной эволюции изначального архитектурного морфотипа древнего продольно-вытянутого жилища горного аула одновременно предусматривались и конструктивные связи, и функционально необходимые проемы, а также улицы-туннели, исходя из футурологических соображений и стратегических предпосылок. Итак, кажется, мы выяснили и определили то, что по типологическому и формообразовательному процессу развития укрепленного социально-жилого комплекса и горного поселения в целом происходило на основе многофункциональных факторов и по принципу стадиального разрастания кровно-родственной семейной общины из конкретной жилой ячейки древнейшей и неотъемлемой основы или изначального ядра единого каскадного планировочно-пространственного сооружения – горного поселения.

Горное поселение Большого Кавказа как целостно функционирующий гомогенный архитектурно-планировочный организм и универсальное пространство жизнеобеспечения. Нет никакого сомнения в том, что миграционные потоки древнейших племен, надо полагать, выходцев из Передней Азии, носителей пракавказской и прадагестанской этнолингвистической общности, обосновавшись на территории Северо-Восточного Кавказа, продолжали возводить присущие им жилища-фаланстеры. Именно такой архитектурный морфотип древнейшего жилища стал неотъемлемой основой, исходным началом планировочно-пространственного формирования на естественном горном склоне террасообразного поселения, или, иначе, поселения каскадной морфологии. Столь оригинальное поселение формировалось снизу вверх по наклонной поверхности горы, и росло по всему ее склону, при этом жилища-фаланстеры сопрягались между собой посредством характерных для горных поселений узких, но в данном случае крытых улиц. Оно при необходимости четко выполняло и оборонительные функции, могло выдержать долговременную осаду, потому что для жизнеобеспечения имело все необходимое: запасы продуктов питания, источник родниковой воды, дрова и кизяк, и все прочее. Более того, враг не мог проникнуть на его территорию, ибо в лабиринте крытых улиц он сразу же становился легкой добычей для обитателей такого уникального поселения. Совершенно прав С.О. Хан-Магомедов, утверждая: «По-видимому, в условиях Дагестана больше внимания обращалось на организацию обороны в масштабах аула или тухумного квартала» [2].

Горные жилища

Архитектура центрического жилища – квадратного или прямоугольного в композиции плана и вертикальной структуры внутреннего пространства. Генезис и эволюция архитектурных морфотипов центрического жилища, причем изначально в одном и том же универсальном по средоточию этноантропологических, этнолингвистических и этнокультурных фактов Кавказском ареале, но при длительной хронологической непрерывности, этноязыковой последовательности и непеременимой, устойчивой творческой преемственности в абсолютно различные куль-

турно-исторические эпохи, является историко-художественным фактом первостепенной важности и всеобщей значимости.

Среда как лоно формирования эпохального историко-культурного и художественного явления. Палеоархитектурный морфотип реликтового центрического жилища срединной зоны Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии является уникальным творческим достижением мастеров зодчества эпохи древности и ярким показателем неимоверно высокого уровня развития архитектурно-художественной мысли и строительно-технического опыта, творческого дарования в эпоху Средневековья. Древнейшему жилищу центрической композиции плана, с развитой вертикальной осью и четкой пространственно-тектонической структурой присуще органическое единство функции, конструкции и формы, предельная лаконичность и эстетическая выразительность интерьера, универсального по характеру организации и строго дифференцированного внутреннего пространства, имеющего огромное семантическое содержание и символическое значение.

Жилище как свидетель эпохи и надежный исторический источник. Древнейшее центрическое жилище как историко-архитектуроведческий источник способствует выявлению весьма разносторонних этнокультурных взаимосвязей и взаимовлияний в ареале обитания раннеземледельческих племен и создания раннеземледельческих культур Кавказа и Передней Азии, а также осознанию этнической идентификации этих племен и этнической принадлежности созданной ими культуры и тем самым стимулирует определение места древнего и средневекового Кавказа в едином всемирно-историческом процессе Старого Света, начиная с эпохи неолита-энеолита и на протяжении последующих семи-восьми тысячелетий. Более того, важно иметь представление о том, что в изначально рудиментарном, но уже архитетоничном организме была заложена, неизменная в веках и тысячелетиях, творческая идея квадратоцентричности. Именно эта совершенно уникальная и новаторская творческая находка, несомненно, предопределила хронологическую непрерывность и неимоверно высокую, недостижимую степень художественно-творческого совершенства и стала основой длительной социальной востребо-

ванности функционально-универсального центрического архитектурного морфотипа.

Архитектура центрического жилища – квадратной в плане высокой многоярусной жилой башни. Надо полагать, что башенное сооружение изначально появилось во всех горных странах мира в качестве укрепленного жилища, по контуру квадратного очертания плана и слегка наклонными во внутрь объема, к центральной оси внутреннего пространства вертикальными плоскостями четырех стен, соответствующих четырем странам света. Башенное жилище представляет собой квадратной конфигурации единую жилую ячейку универсального назначения. По композиции плана – это четкий квадрат или почти квадрат, реже слегка вытянутый прямоугольник. Внутренний абрис и наружный контур плана идентичны по конфигурации, но различны по размерам с разницей в толщину утончающейся каменной стены. Плоскости каменных стен и линии граней отличаются четким геометризмом, все четыре стены в равной степени наклонены вовнутрь и, как следствие этого, постепенно уменьшаются по вертикали, именно поэтому все четыре фасада и весь объем получают вытянутый ввысь трапециевидный образ.

Арочного очертания лаз, как правило, устроен на уровне второго яруса башни, в стенах имеются узенькие оконные проемы, необходимые для освещения естественным светом и осмотра прилегающей территории.

Обычно жилая башня состояла из нескольких ярусов: в нулевом ярусе зимой содержался домашний скот, первый ярус всегда имел универсальное назначение – это была жилая ячейка старейшин семьи, в его центре находился домашний очаг, на нем пекли, варили и жарили, там же обедала вся семья. Во втором и третьем ярусах жили сыновья, в следующем ярусе неизменно обитали дочери, они имели возможность получать энергетику из космоса.

Архитектура удлиненного жилища – одно- или двухэтажной сакли, т.е. бионически растущего фаланстера. Жилая ячейка универсального назначения стала изначальным ядром, основой зарождения плановой композиции и пространственной структуры горской сакли. Что представляет собой архитектура горской сакли? Этот морфотип жилища, присущий кавказским горцам, представляет собой основную квадратную ячейку уни-

версального назначения, т.е. являющуюся комнатой старейшины дома и хранительницы домашнего очага, общей комнатой-залом и кухней-столовой для большой патриархальной семьи. В древности и Средние века очаг располагался по центру универсально функционирующего пространства, а переместился к стене комнаты уже в Новое время.

По мере роста и взросления детей девушек выдавали замуж, а сыновей поочередно женили. Перед тем, как женить старшего сына, к основной и самой большой квадратной жилой ячейке пристраивали такой же формы ячейку, но чуть меньшего размера, на 1,5–2 метра она углублялась от линии фасада. Затем, с наступлением времени женитьбы второго, третьего и других сыновей, к новой ячейке старшего сына пристраивалась жилая ячейка второго, потом третьего и в такой последовательности образовывались ячейки остальных сыновей.

Вместе с тем с целью рациональной коммуникации всех членов большой патриархальной семьи в любое время суток и во все времена года – в летнюю жару, весенние и осенние ливни и лютовую снежную зиму, перед дверным и оконными проемами каждой жилой ячейки, по всей ее ширине устраивались анты – портик на деревянных колонах. По возрастании количества жилых ячеек эти портики срастались и таким образом получалась длинная многоколонная галерея с покрытием. Эта галерея вела прямо к дверному проему, предусмотренному в боковой стене основной, самой большой и высокой жилой ячейки универсального назначения.

Если рост количества жилых ячеек прекращался из-за рельефа горной местности, тогда в идентичной последовательности над ними устраивался второй этаж, который сообщался с первым этажом посредством деревянной лестницы, устроенной в середине длины галереи.

В конечном итоге композиция плана сакли получала завершение, а по объему формировалась двухэтажная структура внутреннего пространства с многоколонной галереей в два яруса. Весь постепенно формирующийся новый объем не выходил за красную линию основной, первоначальной квадратной формы башенной ячейки. Весьма отраднo то, что несмотря на формирование сакли во временной протяженности она обретала единый и

цельный органично связанный с ландшафтом архитектурно-художественный объем, представляла собой симбиоз двух начал: природного и рукотворного.

Более того, наряду с архаичным, замкнутым и укрепленным монопространством изначальной жилой ячейки универсального назначения образовались новые и не менее замкнутые жилые ячейки, но что весьма удивительно, перед всеми жилыми ячейками образовалась многоколонная структура промежуточного пространства, объединяющего все замкнутые микропространства с открытой естественной средой, изумительным по красоте природным окружением.

По этой еще не известной в науке жизненной закономерности и с учетом бионических принципов вегетативного роста и развития, в глуши горных ущелий Большого Кавказа недипломированные горские племена и народности, оснащенные эмпирическими знаниями, обладающие чувством меры и такта, имеющие ясное представление о мироздании, создали одно- и двухэтажные сакли, а по сути этот морфотип жилища представляет собой фаланстер, созданный по законам архитектурной бионики.

Хозяйственные постройки и производственные сооружения

В жизнеобеспечении и жизнедеятельности горских народностей Большого Кавказа важное значение имели хозяйственные постройки и производственные сооружения. В компактных горных поселениях горских народностей к жилищу, как правило, обычно примыкали хозяйственные постройки (хлев для крупного и мелкого рогатого скота, амбары для хранения зерна, сараи для хранения сена, дров и другого назначения) и производственные сооружения (для ремесленной и промысловой деятельности, в частности производства и хранения самогона, вина, сыра, копчения и сушения мяса и др.). Водяные, или, иначе, проточные мельницы всегда сооружались в непосредственной близости горного и равнинного поселения, на самом подходящем месте стремительно текущей горной речки.

Сооружения святилищ

Вблизи горных поселений или по дороге к ним, а нередко и на их территории, на возвышенных местах обычно находятся каменные, реже – деревянные святилища. Эти святилища не имеют

интерьера, а всего лишь рудиментарное внутреннее пространство для дарений, но, что характерно, наружный объем обычно бывает пирамидально-ступенчатой формы, напоминая собой ступенчатую микропирамиду. Святилищ такой классической архаической формы в горах Центрального Кавказа сохранилось крайне мало.

Иногда вместо искусственного сооружения на этих намоленных предками местах находится груда камней или же растет священное дерево, а рядом журчит кристально-чистая и холодная родниковая вода. У всех святилищ путники всегда останавливаются и молятся.

Древние святилища центрической классической архаической формы, поныне находящиеся в знаковых местах горных ущелий и вершин Большого Кавказа, являются показателями особенностей верований коренных горских племен, а ныне автохтонных горских народностей – монотеистической религии, монотеизма.

Склеповые сооружения

На территории горного поселения или вблизи него, как правило, находятся фамильно-родовые усыпальницы, т.е. склеповые сооружения весьма оригинальной архитектурной формы, не имеющие аналогов в мировой архитектуре. Нам удалось выявить этнокультурную закономерность: территория распространения склеповых сооружений полностью совпадает с ареалом кобанотлийской культуры эпохи древности. Архитектурный морфотип склепового сооружения состоит из трех основных разновидностей: 1) подземный – это когда все уходящее вглубь внутреннее пространство устроено в массе земли и только фасадная часть с лазом выступает на склоне горы; 2) полуподземный – это когда значительная часть удлиненного внутреннего пространства, т.е. фасад с лазом, боковые стены и ложный свод, снаружи имеющий ступенчатое перекрытие, выложены из камня, словно вырастают из склона горы; 3) наземный – это каменное, почти квадратной композиции, сооружение с вертикальной пространственной структурой, перекрытой внутри ложным сводом, имеющим снаружи пирамидально-ступенчатую форму.

В общем соотношении разновидностей традиционной мемориальной архитектуры срединной части Большого Кавказа редкостью являются двухъярусные склеповые сооружения как организации пространственной структуры архитектурного морфотипа

только одной, третьей разновидности – наземных склеповых сооружений.

До настоящего времени в мировой гуманитарной и медицинской науке нет исследования, объясняющего, почему трупы усопших людей не разлагаются в склеповых сооружениях Центрального Кавказа, а подвергаются естественной мумификации без какого-либо вмешательства живых людей.

Оборонительные сооружения

Башенные сооружения: сигнальные и оборонительные. Характер рельефа местности, естественная среда, образ жизни и стиль мышления горских народностей Большого Кавказа – все в совокупности стало побудительной основой строительства высоких башенных сооружений, крайне необходимых в целях обороны населения. Как правило, сигнальные башни возводились на самых высоких и стратегически выгодных местах, хорошо просматриваемых с верхнего яруса башен. Сигнальные башни предназначены для сторожевой функции, каждый дозорный наблюдал за отдельной частью горного ущелья, а все вместе они контролировали ущелье от его начала и до самого Главного Кавказского хребта. В случае появления вражеских полчищ дозорные моментально подавали огненный сигнал, который за несколько минут достигал глубины горного ущелья.

Оборонительные башни возводились на территории каждого горного поселения и вокруг него и, в случае его осады, вооруженные стрелами горские рыцари самоотверженно сопротивлялись и уничтожали вторгшихся в ущелье врагов. В нижних ярусах жилых и оборонительных башен обычно прятались пожилые люди и женщины конкретного горного поселения со своими детьми и провиантом. Боеспособные парни и мужчины всячески обороняли свое поселение, ибо оно нередко являлось их родовым гнездом.

Замки и крепости в горах Большого Кавказа. Неповторимые, поистине уникальные по архитектуре и строительной технике каменные замки и крепости чудом сохранились в горах Большого Кавказа. Обычно они возводились на труднодоступных и совершенно неприступных местах горных отрогов и вершин и тем самым составляли с природной субструкцией единое целое, органический симбиоз естественных скал и рукотворных созда-

ний. Вольные феодальные общества Большого Кавказа создали настоящие шедевры на скальной архитектуры – замки и крепости первостепенной социальной важности и высокой фортификационной значимости.

Заградительные и подпорные стены, мосты. Всегда и неизменно заинтересованный в странах и народах Кавказа высококультурный Древний Иран, весьма уверенно господствовавший на обширной территории Передней Азии, в целях сохранения своих земель на их окраинах обычно возводил мощные каменные стены, защищавшие от проникновения воинственных племен с севера, т.е. Восточной и Юго-Восточной Европы. До настоящего времени сохранились остатки каменных стен, некогда перекрывающих горные ущелья северных склонов Большого Кавказа. Эти стены имели башни с бойницами, как правило, расположенные через определенный метрический интервал, на высоком рельефе – стратегических местах, и укрепленные ворота, которые бдительно охранялись стражей.

Подпорные стены возводились при укреплении горных дорог и троп, укреплении берегов реки с целью строительства мостов, при расширении территории под строительство отдельных объектов и целых поселений в горах Большого Кавказа.

Начиная с эпохи древности и в период Средних веков, поверх бурных и стремительно текущих рек в горных ущельях Большого Кавказа возводились и поныне успешно функционирующие балочные деревянные и арочные каменные мосты, предназначенные как для пешехода, так и для гужевого транспорта.

Пространство исторической памяти

На протяжении веков и тысячелетий длился процесс кристаллизации канонического морфотипа, эстетической выразительности облика жилища и поселения горских народностей Большого Кавказа. Именно в горных поселениях воплощены особенности художественного мышления конкретного этноса, его эстетические представления о мифологических воззрениях и строении мироздания. В планировочной структуре и пространственной композиции каждого горного поселения, в семантике эстетического облика и символике художественного образа отображены мировоззрение конкретных племен и народностей Большого Кавказа, архаичность их представлений о жилище для живых и

усопших, о характере материальной организации сакрального пространства, т.е. фамильно-родовое представление кавказских горских народностей о строении мироздания и, в частности, о непрерывности двустороннего интенсивного движения энергетических потоков между Землей и Космосом.

Важное и актуальное значение имеют основные направления темы научного форума по выявлению этнокультурного ресурса и определению важнейших факторов противодействия экстремизму и терроризму, поэтому автором выдвинута предлагаемая вниманию читателя весьма специфичная тема научного исследования. С целью постижения древнего и средневекового архитектурно-планировочного наследия коренных горских народностей Северного Кавказа, необходимо понять основные дефиниции рассматриваемого ракурса научного исследования.

Историческое пространство – это явная совокупность природно-географических, социально-экономических, общественно-политических, этнокультурных и хозяйственно-бытовых процессов, протекающих на определенной территории расселения конкретной горской народности. Под воздействием природно-географических факторов формируются культура и быт народов, их психический склад и социальные отношения, основные виды повседневных занятий; складывается особенность современной социально-политической, торгово-экономической, идеологической и культурной жизни.

Историческое время – это время бытия отдельных людей и конкретного народа, время человеческой повседневности, деятельности всего общества и целого государства. Время истории убывает стремительно и неравномерно, то неимоверно ускоряя ход своего движения, то непростительно замедляя и почти замирая. Время в целом и каждый его отрезок всегда имеет конкретное содержание, иногда кажущееся длительным, тянущимся и несущественным, а порой бывает на редкость интересным и очень насыщенным.

Историческая память – это вся совокупность реальных действий и ценностных ориентаций, непрерывно предпринимаемых социумом, по ретроспективному осмыслению и романтико-символической реконструкции прошлого в настоящем... Каждая этнокультурная общность, как вновь появившееся государство на

территории бывшего СССР, так и многие субъекты нынешней России (это – **историческое пространство**), почему-то с 1990-х годов активно приступили к переписыванию своей **истории** (это – **историческое время**) и не просто переписыванию в тиши кабинетов, но стремятся активно внедрять какую-то новую богатую и героическую «правду» в общественное сознание своих граждан. Иными словами, стали заново воссоздавать не реальное, а какое-то мифическое героическое прошлое, не понимая того, что историю народа и страны невозможно переиначить (это – **историческая память**).

Историческая память достаточно устойчива, неизменна во времени, но хрупка в своей непрерывной последовательности. Историческая память, несмотря на неполноту и, порой, обрывочность, все же обладает редкой и удивительной особенностью – удерживать в сознании индивидуумов и социумов основные исторические события минувших лет и десятилетий. В человеческом сознании сохраняются образы его эпохи, периода его жизни, вплоть до превращения исторического знания в различные формы восприятия прошлого опыта, его фиксации в коллективном мифе, преданиях, легендах.

Историческая память – это не просто знание конкретной реальности прошлого, а осознание того, что каждый из нас, разумных людей, как частица истории, неотделим от того, что было и до нашего рождения. Историческая память является одним из важных источников и стержневой основой патриотического и нравственного воспитания личности.

Прошедшее время становится достоянием истории. Так будет и с днем сегодняшним и завтрашним. Все мы находимся в непрерывном потоке времени, который соединяет прошлое, настоящее и будущее. Историю общества и государства по праву называют памятью народа. Памятью о тысячелетних жизненных реалиях, многовековой мудрости, историческом опыте, традициях, ритуалах и др. [3].

Современные реалии и факторы противодействия экстремизму

и терроризму

Как свидетельствует реальная жизнь в горных изолятах полиэтничного Большого Кавказа, высокий уровень традиционной ар-

хитектуры стабильно развивался до того момента, пока этнокультурный регион не оказывался в единой системе инфраструктуры с предгорной и равнинной территорией. Изолированность, замкнутость, закрытость, трудная доступность являлись абсолютно неповторимой биосферой, естественно-историческим условием имманентного развития народного зодчества, художественного творчества, этнической культуры, хозяйства и быта, в частности архитектуры горных жилищ и поселений. Вопреки этому открытость натуры людей и налаженные коммуникации с внешним миром отразились на качестве и характере архитектуры горских народов и горных стран Большого Кавказа. Новые веяния резко меняли, казалось бы, неизменные, уже устоявшиеся строительные традиции, и вследствие этого исчезает культурная самобытность и этническая идентичность горских племен и народностей древнего и средневекового Большого Кавказа.

Вместе с тем всех основательно интересуют проблемы и причины стремительных темпов иссякания людского ресурса в горных поселениях Большого Кавказа и других горных стран, являющихся прародиной фамильно-родовых патриархальных общин, сформировавшихся в сельские общины, патронимии, а ныне постепенно превращающихся в развалины и руины.

По известной концепции географической, биологической и гуманитарной науки о горных странах, развитие жизни и формирование культуры происходило по своим совершенно уникальным законам. Известно, что в многоэтничной среде биосферы Большого Кавказа материально-художественная и духовная культура коренных горских племен и народностей постепенно зарождалась и формировалась по особым, в высшей степени специфическим, свойственным только горным странам, естественно-историческим закономерностям.

На данном этапе современной жизни стратегически важно если не приостановить, то хотя бы замедлить движение миграционных потоков коренных народностей Большого Кавказа с гор на равнину, чтобы сохранить этнокультурную особенность горских жилищ и поселений всех горных стран Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии.

Отрадно отметить, что нынешние поколения молодых людей всех национальностей – представители коренных горских наро-

дов Большого Кавказа – стали проявлять неподдельный интерес к родине своих предков, их волнует современное состояние родовых жилищ и поселений, находящиеся в горных теснинах и котловинах, на плато горного отрога или склона горы. Молодые люди проявляют высокий интерес к уникальному наследию многих поколений своих предков – создателей и обитателей самобытных жилищ и своеобразных поселений в разных поясах ландшафтно-географической и климатической высотности: предгорьях наклонных плоскостей и приречных равнин Предкавказья, низкогорьях, среднегорьях и высокогорьях Большого Кавказа.

Возрастающий и невероятный интерес нынешних поколений молодых людей доброй воли и благих надежд к природному достоянию горных ущелий Большого Кавказа, а также архитектурно-планировочному и художественному наследию минувших веков и ушедших поколений является не только стимулом познания специфики родимых мест, своей Родины, но и показателем достигнутого ими уровня патриотизма и национальной одержимости.

Умные молодые люди всех национальных субъектов Северного Кавказа стремятся встать на плодотворный путь национального развития и интеллектуального совершенствования, ибо они понимают и в достаточной степени ценят семантическую сущность и символическую значимость продолжающихся и преемственно развивающихся с глубокой древности этнических обычаев, обрядов и ритуалов, а также и традиционный этикет горца и горянки всех коренных народностей Большого Кавказа.

Разумное освоение наследия предков и осмысление имманентной сути национальной идентичности молодыми поколениями горских народностей Северного Кавказа способствует жизненному становлению представителей каждой коренной национальности, формированию мировоззрения, морали и нравственности, развитию прогрессивных устремлений в личной, семейной и социальной жизни и профессиональной деятельности. Именно тех качеств индивидуума и социума, которые противостоят современной тенденции глобализации, интенсивному развитию вседозволенности, наглости и нахальства, проявлению аморальных, омерзительных поступков, терроризма и экстремизма, развраще-

нию представителей каждой нации и всех национальных обществ и государств Северного Кавказа.

В некоторых семьях горских народностей Большого Кавказа старательно культивируют восприятие собственного национального превосходства, что в корне неверно и преступно, ибо родители обязаны наставлять своих детей на правдивый жизненный путь, поясняя им то невидимое, что все горские народности Большого Кавказа и Предкавказья равноправны и достойны похвалы, трудолюбивы, гостеприимны и приветливы, так же, как и все здравомыслящие кавказские семьи, воспитывают молодых людей нынешнего гуманного и светлого грядущего времени.

Аксиоматично положение о том, что только средствами разума и гордости за свою принадлежность к конкретной нации человек способен понимать людей чести и достоинства каждой другой нации, обитающей на территории всех семи республик и двух краев Северного Кавказа. Только поколения молодых людей, отличающиеся воспитанностью и образованностью, пониманием основ традиционного горского этикета и социальных приоритетов, способны осмыслить особенности национального образа жизни и быть сторонниками передовых идей в обществе и государстве.

Автор всецело рассмотрел и последовательно представил средневековое архитектурное наследие коренных горских народностей Большого Кавказа и, по мере возможности, интерпретировал уникальные традиционные художественные ценности как явный этнокультурный ресурс и важнейший фактор привития противодействия терроризму и экстремизму. Если человек неразрывно связан с думами и чаяниями своего народа, и если личность способна мыслить категориями традиционного горского этикета, то такой человек на протяжении всей своей жизни будет стараться в своих деяниях и поступках выглядеть достойным представителем своей нации и быть гарантом проявления надлежащего уровня гуманности и культуры многонационального Кавказа.

Ныне настал тот шаткий момент, когда древние горские народности Большого Кавказа окончательно лишатся своих родовых корней и истоков выдающейся культурной самобытности, художественного и духовного своеобразия, неповторимого линг-

вистического разнообразия и архаического языкового родства. Родимая Мать-Земля не прощает заброшенности и неуважительного отношения к родовым горным поселениям, за проявление скепсиса роковая судьба сильно наказывает потомков тлеющих очагов родовых жилищ, возведенных мудрыми и дальновидными предками.

Итак, автором рассмотрено средневековое архитектурное наследие коренных горских народностей Большого Кавказа как вполне самостоятельный и достаточно ценный этнокультурный ресурс и важнейший фактор противодействия терроризму и экстремизму, как возможный аспект выбора пути национального развития. Надо полагать, что только при визуальном восприятии природного достояния, освоении национальных культурных ценностей и осмыслении пространства исторической памяти, строгом учете реальных условий и явных фактов, и тщательном выполнении каждым специалистом своих служебных обязанностей в иерархически возрастающей последовательности, а также при неуклонном соблюдении гражданской и профессиональной ответственности появится возможность приостановить массовые миграционные потоки с гор на равнину. Вместе с тем важно стремиться к тому, чтобы вернуть горные жилища и поселения не кому попало по клану или денежному состоянию, а только новым поколениям ранее больших патриархальных семей, нынешним представителям конкретной сельской общины и патронимии. Должно же настать такое время, когда мы сами будем всячески стремиться вернуться к все еще тлеющим очагам наших мудрых предков, в жилые ячейки родимого лона морфоластики древних горных поселений своей Отчизны!

П р и м е ч а н и я

1. В своей научной концепции мы опирались на научные идеи, выдвинутые такими корифеями архитектуроведения Северного Кавказа, как Н. Б. Бакланов, Э. Б. Бернштейн, Г. Я. Мовчан, С. О. Хан-Магомедов, А. Ф. Гольдштейн и др., но только с предпоследним принципиально не согласны в его определении ведущей роли именно квартальных и главной в ауле мечетей с минаретами в зарождении тухумного принципа планировки и застройки аула. Выражаясь иными словами, автор этих строк отнюдь не приемлет

в качестве постулата предположение С. О. Хан-Магомедова о конфессиональном обосновании процесса поквартального образования крупных материально-организованных жилых структур дагестанского аула.

2. Автор этих строк не разделяет мнения С. О. Хан-Магомедова. Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности, и уже тогда существовали отдельные квартальные площадки и общесельские площади, предназначенные для «мужских союзов», т.е. заседания Народного совета старейшин. Так что функционально столь необходимые порождения исламской религии, каковой являются мечеть и минарет, появились в горных аулах Дагестана гораздо позже и не имели основополагающего значения в формировании планировочной структуры и пространственной композиции домостроительства как единого органического организма террасообразной морфологии и эстетически-образной выразительности.

3. При осмыслении архитектурно-планировочного наследия стран и народов Большого Кавказа и истолковании современной значимости пространства исторической памяти автор опирался на труды таких историков, социологов, философов, как Л. П. Репина, О. В. Герасимов, И. Е. Кознова, Н. Е. Копосов, О. Б. Леонтьева, Р. Г. Пихоя, А. В. Полетаев, Е. А. Ростовцев, И. М. Савельева, Д. А. Сосницкий, Ж. Т. Тощенко, А. И. Филюшкин и др. Весьма отраднo, что проблема исторической памяти включена в учебные курсы высшего исторического образования.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСЛАМА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА

Билалов Мустафа Исаевич,
заведующий кафедрой
онтологии и теории познания
Дагестанского государственного университета,
доктор философских наук,
профессор, профессор ЮНЕСКО
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье раскрывается этнокультурный потенциал исламской религии в контексте нейтрализации и противодействия экстремистским конфликтам в социуме. Автор рассматривает особенности исламской религии с точки зрения ее позиции о связи науки и философии. При этом автор разводит понятия «исламская философия» и «философия ислама», хотя и в научной литературе, и в обыденном сознании на это не обращается внимание. Рассмотрено соотношение разума и философии, исламской философии и арабско-мусульманской философии, выделены шесть особенностей ислама и исламской философии, способные лечь в основу этнокультурного потенциала, противодействующего социальным конфликтам.

Ключевые слова: ислам; исламская философия; философия ислама; наука; суфизм; противоречия; конфликты; экстремизм.

Третья Международная научно-практическая конференция «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму» – свидетельство устойчивого внимания научной общественности к данной проблеме. Предыдущие форумы были весьма информативны и в смысле уровня участников, и в смысле содержательного обсуждения вопросов. Одним из выводов предыдущей конференции является убежденность научного сообщества, во всяком случае северокавказского, в том, что терроризм и экстремизм не есть следствие внутренних противоречий в исламской религии, не есть следствие неконструктивной деятельности мусульманского мира, а прямой преимущественный результат внутренних про-

блем западной культуры, его жертвы и с той и с другой стороны, как признают сами европейские теоретики и идеологи, – по вине Запада.

На Западе – в науке и политике – уже несколько десятилетий осознается необходимость пересматривать либеральные конституции ведущих стран Запада и проваливающиеся «в пустоту» ценности, приведшие саму европейскую культуру к кризису, в первую очередь те, которые должны быть идеалами и нормами глобализации, – понимание свободы, приоритет прав и свобод личности, не оправдавший себя мультикультурализм, целевой рационализм, сциентизм и т.п.

А вот историческая роль ислама в том, что он не скрывает неприятия таких универсалий западной цивилизации как рациональность, демократия, индивидуализм. Было бы ошибкой сводить конфликт к религиозному противостоянию с христианством или иудаизмом. Ислам сегодня – современная сила, противостоящая Западу в его системе координат: экономических, политических и ценностных.

Восточная и азиатская культура, своей пестротой и исключительным многообразием изначально толерантна, как внутри себя, так и во внешнем взаимодействии. В том числе и в религиозной составляющей этой культуры, в частности в самом исламе, как основном культуuroобразующем факторе региона. И говоря сегодня о мобилизации этнокультурного ресурса как фактора противодействия экстремизму и терроризму, мы имеем в виду исключительный потенциал ислама и его философии, важный для наследования нашими народами. Из чего состоит этот потенциал? Мы будем говорить в основном об исламской философии, как о теоретической выжимке мусульманской религии. Заметим прежде, что для нас исламская философия и философия ислама не одно и то же, хотя и в научной литературе, и в обыденном сознании на это не обращается внимание. Исламская философия – это совокупность учений мусульманских философов. С этим понятием проблем нет, здесь все предельно ясно. Философия ислама также может толковаться как совокупность учений, но точнее ее понимать как разновидность философии религии, как некую методологию исламской религии, в том числе и исламской философии. В этом смысле речь идет о более широкой теоретической

рефлексии в рамках современных философских размышлений, выходящих за пределы проблематики мусульманской философии. Достаточно назвать имена Ф. Роузенталя, Г. Грюнебаума, А. Меца, С. Насра, М. Икбала, наших современных соотечественников и исламоведов В. Бартольда, Е. Бертельса, Т. Ибрагима, А. Сагадеева, Г. Каримова, М. Степанянц, Р. Хайрутдинова, В. Наумкина, А. Смирнова, Е. Фроловой, северокавказских исследователей – Г. Баммата, А. Шихсаидова, М. Абдуллаева, А. Яндарова, Н. Османова, В. Акаева и других авторов, в произведениях которых изучены разные аспекты исламской культуры, религии и философии и формируется философия ислама.

Каковы особенности исламской философии, из которых складывается ее позитивный потенциал как этнокультурный ресурс противодействия экстремизму и терроризму?

Первая особенность исламской философии – содержательное богатство ислама и его философии. Исламская философия имеет широкую географию творцов – это совокупность учений мусульманских философов аль-Кинди, Ибн Рушда, Ибн Сина, аль-Фараби, аль-Рази, Ибн Хальдун и многих других, составивших мировоззренческие направления философии – калам, мутазилизм, фальсафа, суфизм, ишракизм, батинизм и др. Считается, что в буддизме религия и философия нерасчленимы, то есть причина и следствие одновременны. В христианстве, наоборот, его философия начала формироваться раньше религии, обрела значительную самостоятельность, переросшую со временем в независимое теоретическое мировоззрение, впитавшее во многом идеи античной философии и более поздних теоретических систем. Дело доходило до того, что порожденная христианством философия могла высказать противоречащие вероучению вплоть до атеизма утверждения. Связи ислама и его философии несколько выбиваются из предыдущих двух формул. Исламская философия возникает спустя почти два века после самой религии, хотя в этой философии также синтезированы идеи тысячелетней до ислама давности – в частности, древнегреческой философии. Но они были органически вписаны в мусульманское религиозное мировоззрение.

Вторая особенность исламской философии. В советской философии традиционно считалось, что между религией и философи-

ей как историческими типами мировоззрений никогда не было единства и тем более – гармонии. Разумеется, противоречия между ними есть, они реальны и обусловлены как внутренней природой этих мировоззрений, так и духовной ситуацией в обществе, о чем свидетельствуют все периоды их сосуществования. Но противоречия никак не могут быть возведены на уровень их претензий заменить друг друга, точнее, на претензии более молодой формы общественного сознания – философии, на претензии поглотить и сущностные качества, и функциональные свойства своей предшественницы.

Третья особенность исламской философии. Ислам претендует на совмещение в себе и науки, и философии, и религии, на некую всеобъемлющую мировоззренческую систему, вполне самостоятельную для сопровождения человеческой жизни в ее прошлом и будущем.

Четвертая особенность исламской философии в ее специфической связи с наукой. Наука и ислам, как и ислам и философия органичны и гармоничны. Один из родоначальников исламской философии аль-Кинди не проводил различия между вероисповеданием и образованием (наукой): «Воистину нет веры у того, кто противится приобретению знания об истинной природе вещей...» [2, 713] – и своим творчеством в области науки, философии и религии демонстрировал их единство.

Его младший соратник, выдающийся основоположник мусульманской философии, ученый-энциклопедист аль-Фараби, следуя за Аристотелем, делил науки на теоретические и практические, отдавая предпочтение разуму как философии, которая неотделима от религии. По его мнению, вероучение и философия «охватывают одни и те же предметы и обе выдвигают конечные принципы, начала существующих вещей, они дают знание первоначала и первопричины существующих вещей...» [3, 338].

Вопрос о единстве ислама и науки не прост, хотя его нередко упрощают. Часто, ссылаясь на Коран: «Мы ничего не упустили в Коране» [9, сура «аль-Ан-ам», аят 38] – алимы и ученые пытаются извлечь из священной книги немислимые частные знания. Выдающийся теолог Абу Хамид аль-Газали в знаменитом трактате «Воскрешение наук о вере» значение Корана видит во вменении в обязанность мусульманина стремления к знанию и дает целую

непревзойденную в мусульманской литературе концепцию знания и определения разума. Он делает вывод: разум – это дар, которым Аллах «осчастливил людей» для достижения истины [1, 94]. Аль-Газали пытался синтезировать подходы к познанию, признавая более высокий и достоверный, чем разум, источник знания – заук, мистическую интуицию суфизма, возведя его в ранг «божественной науки». Но когда разум и заук бессильны, на помощь приходит божественное откровение.

Понять, о каком единстве науки и ислама идет речь, помогает и другая мысль. Один из самых известных арабских философов Абу-ль-Валид Ибн Рушд отмечал, что религия и Коран «побуждает к познанию всевышнего Аллаха и его творений посредством доказательства» [7, 510]. «Мы утверждаем со всей решительностью, – заявлял он, – всякий раз, когда выводы доказательства приходят в противоречие с буквальным смыслом вероучения, этот буквальный смысл допускает аллегорическое толкование» [7, 178].

Следующая (это уже пятая) особенность исламской философии – в уточнении соотношения ислама и разума. На первый взгляд, в исламе однозначно присутствует сведение философии к разуму, исламской философии к разуму ислама, и многие исследователи склонны соотносить философию с разумом и рациональным, тогда как внерациональное относимо в сферу религии. Так считает один из теоретически подготовленных на Северном Кавказе философов М. Келигов в своей замечательной монографии, вышедшей недавно в московском издательстве [8]. Но реальная история мусульманской религии свидетельствует об ином. Тот же суфизм как часть исламской философии со своими экстазом, озарением, мистицизмом в рамках ислама проявляется с уже сложившейся системой элементов познавательной культуры, характерных, скажем, для неоплатонизма, китайской и индийской философским системам [см.: 4; 5]. Таким образом, ислам через свою философию охватывает все средства и способности разума, человеческого духа и интеллекта, не оставляя места для конфликтно-противоречивых противостояний социальных групп, носителей разных стилей и методологий мышления.

И наконец, последняя особенность исламской философии, на которую мы хотя указать в контексте ее этнокультурного потен-

циала, противодействующего конфликтам экстремистского характера. С этой особенностью исламской философии связана и недавно разгоревшаяся в отечественной философии полемика о «логико-смысловой теории», выдвинутой лет двадцать назад академиком А. В. Смирновым [10]. Ему оппонирует Тауфик Ибрагим. На наш взгляд, суть полемики сводима к противоречиям между ортодоксально-исламской (суннитской) рассудочно-разумной мыслью и суфийской мистико-иррациональной мыслительной стратегией [см.: 6].

Они объяснимы, по крайней мере, различными культурными кодами арабской нации, с одной стороны, с другой – неарабских народов ислама, многие из которых из-за географической близости к буддизму и шаманизму обладали противоположной мыслительной стратегией. Исламская философия шире и богаче арабомусульманской философии и обладает содержательным и методологическим разнообразием. Необходимо осознать и сделать верный методологический вывод о единстве ислама и его философии, стремиться к гармонизации этого единства в его многообразии.

Выводы, которые следуют из вышесказанного, следующие.

Этнокультурный ресурс ислама значителен потому, что обширная география ислама объединяет многие народы общими мировоззренческими идеями как глубинной интеллектуальной основой противодействия конфликтам. Ислам, в отличие от других религий, находится в органическом единстве с наукой и философией, составляя некую всеобъемлющую и самодостаточную мировоззренческую систему. Исламская философия не сводима к разуму как рации, в ней синтезированы и нерациональные, иррациональные и рациональные способности познающего человека, что в принципе не оставляет места для непреодолимых противоречий человеческого духа. Что касается противоречия между ортодоксально-исламской рассудочно-разумной мыслью и суфийской мистико-иррациональной мыслительной стратегией как основного глубинного противоречия между арабомусульманской и исламской философией, то оно должно стать источником развития ислама как живого растущего организма. Задача исламского теологического образования – наполнить учебный процесс ре-

альным содержанием – изучением наук и философии, а затем сосредоточиться на теологии.

Список литературы

1. Аль-Газали Абу Хамид. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С. 94.
2. Аль-Кинди. О первой философии // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 2.
3. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Алма-Ата: Наука, 1973.
4. Билалов М. И. Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 2 (32). С. 19–27.
5. Билалов М. И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость-Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. 376 с.
6. Билалов М. И. Смена типов мышления в процессе «великого джихада» в исламе // Ислам в современном мире. 2017;13(1): С. 167–182.
7. Ибн Рушд. Опровержение опровержения. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. М., 1961. С. 510.
8. Келигов М. Ю. Философская и религиозная составляющие человеческого духа. М.: Академический проспект, 2019. 195 с.
9. Коран.
10. Смирнов А. В. Открытое всеединство нашей философии // Вопросы философии. 2017. № 7.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Буттаева Асият Магомедовна,
профессор кафедры теологии
и социально-гуманитарных дисциплин
Дагестанского гуманитарного института;
профессор отделения кафедры ЮНЕСКО
по компаративным исследованиям духовных традиций,
специфики их культур и межрелигиозного диалога
по Северному Кавказу (г. Дербент),
доктор философских наук
(г. Махачкала)

Аннотация. Социально-философские аспекты, касающиеся обновления и прогрессивного развития мусульманского сообщества, сегодня находятся в центре пристального внимания философов, политиков, религиоведов, богословов и др., признающих в этом деле главенствующую роль прежде всего философии. Для этого необходимо возродить философскую мысль классического ислама и творчески развивать ее дальше по пути безусловной ценности человеческой личности, ее изначального права на достоинство и счастье, утверждения приоритета прав человека. Одним из действенных путей достижения этих целей является обращенность к изучению и осмыслению исторического наследия, в котором сосредоточен духовно-нравственный, культурный и социально-экономический потенциал человечества.

Этим и объясняется возникновение на современном этапе необходимости духовно-нравственных модернизационных процессов всего общества, системы историко-краеведческой направленности, а также усиления гражданско-патриотического воспитания в условиях модернизации образования.

Ключевые слова: духовное наследие; философская мысль; общественный прогресс; сакральные места; служение Отечеству.

Этот мир представляет собой диалектически гармоничное единство знаний о морали, моральных убеждений и обусловленных ими нравственных стимулов, мотивов действий личности.

Эти составные части (компоненты) духовного мира выступают как единая нерасторжимая система. Ее единство означает невозможность формирования, анализа и оценки одного из этих компонентов нравственного мира личности без связи с другими, взаимообусловленность всех компонентов.

Только такие знания активно участвуют в формировании нравственного человека, которые приобретают характер убеждений. Только те убеждения достоверно определяют моральную направленность личности, которые воплощаются в соответствующих общественно значимых делах и поступках. И только тогда действия истинно свидетельствуют о нравственных убеждениях, когда они тесно связаны с реальными помыслами и чувствами, детерминированы ими, отражают их.

Наиболее эффективный путь выявления содержания нравственного мира личности – это исследование информированности (знаний) – убеждений (действий) (моральные аспекты) в едином целостном комплексе. А задача объединения их сущности с целью анализа, нахождения логики взаимосвязи, степени и силы зависимости – далеко не простая.

Прежде всего, уточним понятие «информация». В это понятие включаются и научно-достоверные (истинные) знания, и все те сведения, взгляды, верования и т.д., которые могут быть как истинными, так и неистинными, ложными. Следовательно, предметом исследования может стать выявление объема и качества той информации, которая лежит в основе моральных убеждений той или иной личности. Хотя следует отметить, что повседневная практика дает нам достаточно много примеров того, что даже то, что люди искренне считают своими убеждениями, расходится порою с их поступками в ситуациях, когда необходимо конкретными действиями подтвердить эти убеждения. Общеизвестно, что всегда и везде о помыслах и чувствах реальных людей судят по их поступкам.

Человек живет среди людей. Но жить среди людей – значит руководствоваться определенными принципами, правилами общения с ними, соотносить свое личное «я» с общественным «мы», иметь цели на будущее и на сегодня, выбирать пути и средства достижения этих целей. Эти принципы, нормы, идеалы, отношение к общему и личному, к добру и злу, к справедливому

и несправедливому – суть духовно-нравственного мира человека. Получается, человек, если он в здравом уме, не может не иметь какого-либо ориентира в своих отношениях к обществу, своих смыслообразующих мотивов деятельности.

Таким ориентиром для мусульман, живущих не только России, но и за ее пределами, стало обращение к духовным истокам своей религии, а именно ислама. Думается, тут уместно вспомнить высказывание современника Цезаря, историка Древнего Рима, Гая Салюстия Криспа, утверждавшего, что «...жизнью людей руководит и правит дух» [2, с. 172].

Сильные преемственные связи с обществами прошлых эпох, унаследованные от прошлого различные духовные традиции, а также сохранившаяся многокультурность современного мира убеждают нас в правоте Гая Салюстия. По всей видимости, человечеству не раз еще придется менять способы своей жизнедеятельности и формы собственного жизнеустройства, но не подлежит сомнению, что в основе этих трансформаций будет находиться духовность, вносящая определенные ориентирующие коррективы в модели истории, основанной на непредсказуемости.

Нет нужды доказывать, что основополагающим при характеристике нравственного мира мусульманина является его принадлежность исламу и в ней основа связи поколений, объединяющая всех мусульман мира. Мусульманское социально-историческое время полно примеров, как ислам объединил и продолжает объединять различные культуры и общества. Для мусульман мировой кризис – это не движение к концу собственной истории, а начало новой интеграции, новой сущности и нового сочленения с мироцелостностью.

История приготовила для современных мусульман достаточно серьезные испытания: войны, разруху, неудачные экономические и социальные реформы и мн. др. Результаты этих испытаний общеизвестны: экстремизм, терроризм, радикализм и т.д. Эти негативные моменты общественного развития особенно сильно отразились на молодежи как специфической возрастной группе. Молодежь хотя и является неразделимой, органической частью своего общества, однако господствующие в ней установки своеобразно преломляются в ее развивающемся сознании.

Как известно, экономические, социально-политические особенности времени накладывают разный отпечаток на людей разного возраста и более всего они влияют на мировоззрение молодежи. В силу того, что взгляды и установки молодежи еще не стабилизированы, пластичны, быстрее и легче подвергаются изменениям, их легче настроить на ту или иную волну действия.

Само по себе доминирующее желание самому постигнуть истину есть весьма позитивный момент в характеристике современного молодого мусульманина. Данное стремление может перерасти в отрицательное качество, и прежде всего в огульный скептицизм и в определенное падение уважения к авторитету вообще, если в воспитательной работе мы не будем учитывать эту особенность молодежи.

Возрастающий престиж исламских ценностей в шкале жизненных ценностей современного мира естественно поднимает и значение теологического образования для молодого человека. Сегодня в регионах с мусульманским населением достаточно большое число людей с дипломами не только высшего светского и специального среднего, но и теологического образования. Думается, это правильный подход к получению всестороннего, духовно-просвещенного образования.

Из всех культов культ такого синтезированного образования не только не наносит никакого вреда духовному развитию человека, но самым благотворным образом способствует благонравному развитию молодого человека. Нет сомнения, что религия, в частности ислам, в великом противостоянии социальной действительности, носящей планетарный характер, способна вырабатывать адекватные историческим вызовам духовно-нравственные нормы, ориентиры поведения людей.

Не подвергается сомнению и тот факт, что теологически и светски образованный человек значительно более социально активен, чем необразованный. Он в состоянии лучше воспитывать своих детей, более плодотворно использует свое свободное время, лучше взаимодействует с окружающим миром. Конечно, нет обязательной зависимости между образованием и полноценным восприятием жизни. Слишком много слагаемых нужно для этого. И все же вряд ли можно ожидать от человека в наши дни боль-

шой социальной отдачи, если не обогащен его ум соответствующим уровнем знаний.

В нашем мире духовно-нравственные принципы не только допускают, но и требуют своего рационального логического обоснования. В то же время не следует забывать, что стремление к получению светского образования само по себе не гарантирует высоких духовно-нравственных качеств личности, высоконравственной направленности ее поведения. На это обратил внимание еще Аристотель, который писал: «...некоторые имеют обширный ум, но вследствие порочности характера выбирают не то, что должно» [1, с. 43]. Отсутствие теологических знаний в восприятии мира обедняет человека. Необходимо стремиться к органическому соединению теологического и светского в духовном мире человека.

Важность проблемы соотношения и особенностей светских и теологических сторон в духовно-нравственном мире современного человека обуславливается тем, что она входит составной частью в более широкую проблему гармонии этого мира.

Гармоничность в личности всегда предполагала оптимальное сочетание в духовном мире человека целого комплекса разнохарактерных по своей сущности компонентов. Во все исторические времена уровень гармоничного развития личности определялся, прежде всего, уровнем качественного усвоения гуманитарных дисциплин, куда входили философия, богословие, искусство и т.д.

Конечно, так не скажешь о внутреннем мире современного человека. Ныне невозможно сводить духовную культуру только к ее гуманитарной стороне. Человек современного, глобализирующегося мира, только односторонне гуманитарно развитый, не может быть определен как гармоничная духовно богатая личность. По нашему мнению, гармонично развитая личность в мире глобализации – это, помимо прочего, человек, признающий божественное начало в природе и одновременно способный «алгеброй проверять гармонию» [3].

Особенности времени определяют еще одну важную специфическую черту процесса формирования нравственного мира личности. В научной и ненаучной литературе сегодня часто упоминают термин «толерантность» (от английского – терпеть). Под

толерантностью подразумевается уровень терпимости личности по отношению к идеям или поступкам, которые данная личность внутренне не приемлет, не одобряет.

На наш взгляд, весьма важно знать, на что именно распространяется эта терпимость и каковы ее границы. Западные исследователи пытаются доказать закономерность процесса стирания границ терпимости у современной молодежи. Поистине безграничное любвеобилие у хиппи, пестрота политических платформ многих молодежных групп, необозримость моральных критериев части молодежи западного мира не обязательно вызывают у идеологов Запада одобрение, но вместе с тем считаются естественным проявлением демократического духа времени.

Конечно, в терпимости и нетерпимости, прежде всего, должна быть мера. По нашему мнению, в определении этой меры в отношениях, в принятии своего решения и умении вести конструктивный диалог в обсуждении противоречивых вопросов, должна способствовать связь внешних проявлений с глубинными пластами духовно-нравственного мира, богатого теологическим содержанием, разбавленным светским образованием.

Любой человек – итог культурного развития планеты, узел в сложнейшей сети общественных отношений, перекресток исторических судеб народов, классов, государств. Он неповторим и культурно, как выражение сложности судьбы не только мира, но и своей собственной, как уникальное сочетание природных задатков, на которые наложились духовно-нравственное воспитание и опыт.

Список литература

1. Аристотель. Этика. СПб., 1908.
2. Мурыдан А. А. Двудикий Янус. Введение в политологию. М., 1994. С. 172.
3. Пушкин А. С. goldsoch.info/boldinskaya-osenpora...pushkina / (обращение 13.11.2019).

ДЕСТРУКТИВНЫЙ КИБЕРПОТЕНЦИАЛ РАДИКАЛЬНО-ЭКСТРЕМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК: ОЦЕНКА УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Валиахметова Гульнара Ниловна,
заведующая кафедрой востоковедения
Уральского федерального университета,
доктор исторических наук
(г. Екатеринбург)

Аляутдинова Карина Шамилевна,
лаборант-исследователь Центра изучения
Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья,
Институт востоковедения Российской академии наук
(г. Москва)

Аннотация. Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий породило целый комплекс угроз международной безопасности, в том числе со стороны радикально-экстремистских и террористических группировок, которые последние годы демонстрируют очевидный рост своих технических возможностей. На основе анализа отчетов исследовательских центров России и зарубежных стран автор приходит к выводу о том, что пока радикалы не располагают достаточным киберпотенциалом для нанесения существенного материального ущерба, однако в обозримом будущем подобная угроза может выйти за рамки чисто гипотетической.

Ключевые слова: информационная безопасность; киберугрозы; кибертерроризм; киберпотенциал; киберджихад; киберхалифат; противодействие терроризму.

Цифровая революция оказала весьма противоречивое влияние на развитие современного мира. Наряду с очевидным улучшением качества жизни людей стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) породило целый ряд новых угроз и вызовов безопасности, международной и индивидуальной, поставив в мировую повестку дня проблемы

обеспечения технико-технологической и социально-психологической защиты стран, народов и каждого отдельного человека. В числе негативных последствий повсеместного внедрения ИКТ – меняющаяся природа угроз, исходящих от вне- и антисистемных акторов мировой политики, в первую очередь радикально-экстремистских группировок и движений, которые в своей противоправной деятельности все активнее используют цифровые технологии и интернет-пространство.

Вопрос о выработке эффективных методов противодействия процессу конвергенции угроз, порождаемых ИКТ и международным терроризмом, остается на протяжении последних лет предметом острых политических и академических дискуссий. Однако ни в экспертной среде, ни в международно-правовой практике пока не выработан даже единый методологический и категориально-понятийный инструментарий для анализа рассматриваемой проблематики. В немалой степени это обусловлено различными доктринальными подходами государств к пониманию сути таких феноменов, как информационное общество, кибербезопасность, киберугрозы, цифровые войны, терроризм и т.д. На фоне возрастающей турбулентности глобальной мировой системы и осыпающихся традиционных структур безопасности в массовом общественном сознании нарастают алармистские настроения. Их немалая часть связана с опасениями по поводу возможности использования новейших цифровых технологий, в том числе военного назначения, в террористических целях. Насколько обоснованы подобные тревоги? Действительно ли имеются основания ожидать «горизонтального» распространения цифровых вооружений вплоть до попадания их в руки радикалов?

С одной стороны, следует признать тот факт, что на сегодняшний день большинство радикально-экстремистских группировок исламистского толка имеет собственные киберподразделения. Наиболее показательны в этом отношении примеры запрещенных в РФ объединений «Аль-Каиды» и ИГИЛ. Первое стало основоположником так называемого «цифрового джихада», в начале 2000-х гг. призвав своих сторонников к борьбе с «неверными» на просторах Глобальной сети. Однако если первоначально кибербоевики «Аль-Каиды» действовали поодиночке или небольшими группами, преимущественно атакуя в пропагандист-

ских целях веб-ресурсы своих идеологических противников в лице западных правительств и транснациональных масс-медиа, то во втором десятилетии XXI в. стратегия и тактика подобных команд изменилась. Политически мотивированный хакинг постепенно начал уступать место призывам к проведению масштабных коллективных киберопераций по выводу из строя объектов критической инфраструктуры «неверных» государств по всей планете [Экер, 2015; Cyber Terrorism, 2017, p. 3–5; Knake, 2010, p. 12–27]. Сегодня в состав киберармии «Аль-Каиды» предположительно входят такие хакерские группировки, как «Электронная Аль-Каида», имеющая подразделения во всех странах Северной Африки, «Исламская электронная армия» с ячейками на Ближнем и Среднем Востоке и др. Однако общий «послужной список» подобных киберкоманд, несмотря на целый ряд громких заявлений и шумевших кибератак, ограничивается пропагандистской деятельностью и дефейсментом сайтов общественных и коммерческих организаций США, России, ряда стран Европы и Юго-Восточной Азии [Liu, 2015].

Наиболее влиятельным из антисистемных игроков на глобальном цифровом пространстве остается террористическая группировка «Исламское государство» (запрещена в РФ), которая демонстрирует относительно высокий уровень организованности, структурированности и готовности проводить масштабные кибероперации. Формирование киберпотенциала «ИГ» связано с деятельностью британского хактивиста Джунаида Хуссейна (Абу Хуссейн аль-Британи). В 2013 г. он создал первые киберкоманды ИГ («Армия киберхалифата», «Хакерское подразделение Исламского государства»), ставшие в дальнейшем ядром «Объединенного киберхалифата». Сегодня в его состав также входят многочисленные и весьма разнородные по политической мотивации хакерские группы, присягнувшие на верность ИГ. Так, например, «Исламская киберармия» специализируется на сборе информации об автоматических системах управления на объектах энергетической инфраструктуры стран Запада, предположительно, с целью проведения кибердиверсий. Хакерские группы «Электронные привидения халифата», «Киберармия халифата», «Анонимные призраки» и ряд других отличаются острой антизападной и антиизраильской риторикой и нацелены на проведение глобальной

кибератаки. «Сыны Армии халифата» преимущественно действуют в социальных сетях западного происхождения (Фейсбук, Твиттер и др.), взламывая аккаунты пользователей с целью хищения персональных данных, а также проводя масштабные пропагандистские кампании по привлечению в ряды радикалов новых приверженцев и сбора финансовых средств [Cyber Terrorism, 2017, p. 18, 24; TE-SAT Report 2019, p. 15].

Так какова эффективность деятельности киберподразделений антисистемных группировок радикально-экстремистского толка? На этот вопрос ищут ответ в научных сообществах всего мира, IT-эксперты и политологи, исламоведы и социологи, военные специалисты, правоведы и социологи. Аналитические центры России, США, стран Европы и Азии разрабатывают критерии определения киберпотенциала террористических группировок и оценки исходящих с их стороны киберугроз. В числе ведущих и наиболее авторитетных экспертных центров мира – «Лаборатория Касперского», Центр исследования рисков Кембриджского университета, Европол, Рабочая группа ООН по информационной безопасности, международная Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и распространением оружия массового уничтожения (ФАТФ) и ряд других. Несмотря на различия в методологических подходах и методиках расчетов, все они приходят к схожим выводам, разделяя способности киберподразделений радикально-экстремистских организаций на три группы и оценивая их деструктивный киберпотенциал.

В первую группу входят так называемые активируемые киберспособности, которые позволяют антисистемным игрокам использовать цифровые технологии и Глобальную сеть для доступа к широкой аудитории, проведения активной информационно-пропагандистской работы, вербовки своих сторонников и боевиков, оперативного общения внутри своих сообществ и их финансового обеспечения. Хакеры, сотрудничающие с радикалами, способны применять технологии шифрования, чтобы не допустить к официально запрещенному во многих странах контенту посторонних пользователей, в первую очередь представителей правоохранительных и разведывательных структур. Необходимые для подобного рода деятельности навыки демонстрируют

практически все современные террористические и радикально-экстремистские группировки.

Вторую группу формируют киберспособности, имеющие подрывной потенциал и позволяющие нарушать работу интернет-ресурсов (дефейсмент), совершать DoS/DDoS-атаки (отказ в обслуживании), распространять вредоносное программное обеспечение, искажать, блокировать или похищать цифровую информацию; совершать финансовые кражи и мошенничество, например, для финансирования террористической деятельности. Очевидно, что это требует от киберджихадистов более квалифицированных технических навыков для преодоления высоких уровней безопасности, которыми, как правило, обеспечены компьютерные системы предполагаемых объектов кибератаки, финансовых служб и систем денежных транзакций, а также для отмывания средств и ухода от систем отслеживания и обнаружения источника кибератаки.

К третьей группе относится деструктивный киберпотенциал террористических группировок, который создает самый высокий уровень угроз международной и общественной безопасности, поскольку обеспечивает технико-технологические возможности для осуществления масштабных многоцелевых атак на объекты критической инфраструктуры государств с использованием ИКТ-класса кибервооружений и нанесения реального материального ущерба.

Эксперты сходятся во мнении о том, что пока ни одна радикально-экстремистская или террористическая группировка не смогла продемонстрировать продвинутый уровень «подрывных» навыков, необходимый для проведения масштабных терактов [Cyber Terrorism, 2017, p. 13–19; Financing of the Terrorist, 2015; Kaspersky, 2017; TE-SAT Report 2018, p. 8; TE-SAT Report 2019, p. 20]. Тем не менее основания для тревоги имеются, поскольку угрозы, исходящие от боевиков «цифрового халифата», на сегодняшний день уже не являются чисто гипотетическими, а значит, при отсутствии эффективного противодействия со стороны государств и спецслужб террористическую кибератаку можно ожидать в среднесрочной перспективе.

Оснований для реализации подобного сценария достаточно. Геополитическое противостояние, развернувшееся между веду-

щими игроками мировой и региональной политики (США – Китай, США – Россия, США – Иран, Индия – Пакистан, Саудовская Аравия – Иран и т.д.), уже более десятилетия как перенесено в цифровое пространство. Современные цифровые войны ведутся с использованием кибервооружений – сложных вредоносных компьютерных программ, по своей разрушительной мощи соотносимых со стратегическими наступательными вооружениями и оружием массового поражения. В их числе компьютерные вирусы Stuxnet, Duqu, Wiper, Shamoon и др. IT-специалисты фиксируют не только «горизонтальное» расползание подобных секретных военных разработок среди государств, что порождает глобальную гонку цифровых вооружений, но и факт их довольно быстрого «вертикального» распространения. Так, например, мошенничество в банковской сфере уже осуществляется с использованием отдельных высокотехнологичных инструментов и кодов, входящих в компьютерные программы, относимые к классу кибероружия [Internet Organized Crime, 2017; Kaspersky, 2017].

Кроме того, по мнению экспертов, антисистемные участники цифровых войн демонстрируют устойчивую тенденцию к росту своих технических возможностей. Повсеместное внедрение новых электронных платежных продуктов и услуг, увеличение числа пользователей социальных сетей и краудфандинговых платформ, свободный и анонимный доступ к Глобальной сети существенно расширяют пути финансирования терроризма и позволяют радикалам вербовать в свои ряды высококлассных IT-специалистов [Emerging Terrorist, 2015, p. 5–9; Financing of the Terrorist, 2015].

Стратегия и тактика действий радикалов в цифровом пространстве также претерпевает ряд изменений. Прежде всего, это постепенная смена фокуса с организации относительно несложных с технической точки зрения нападений на сайты своих политических и идеологических оппонентов, которые осуществляются преимущественно в пропагандистских целях, на объекты критической инфраструктуры ключевых игроков мировой и региональной политики. Не менее тревожным трендом становится стремление радикалов к проведению масштабных коллективных акций и их возрастающие технические возможности. Аналитики признают, что террористические группы становятся все опытнее

в изменении своих коммуникационных стратегий и массмедиа зачастую отстают в этой сложной игре на опережение [ФСБ РФ, 2018; Twitter 2015].

Таким образом, можно резюмировать, что сегодня радикально-экстремистские и террористические группировки способны генерировать цифровые угрозы низкого и частично среднего уровня, используя свой активируемый и подрывной киберпотенциал. Соответственно именно данные группы угроз требуют первоочередного внимания со стороны международных и национальных специализированных структур, разрабатывающих меры противодействия радикализму и терроризму в цифровом пространстве. В свою очередь залогом успеха в борьбе за предотвращение трансформации «цифрового халифата» в серьезную угрозу международной безопасности является способность и готовность правительств ведущих стран мира к прекращению гонки цифровых вооружений и разработке коллективного ответа на угрозы и вызовы со стороны радикально-экстремистских и террористических группировок, стремящихся нарастить свой деструктивный киберпотенциал.

Список литературы

ФСБ РФ: киберпространство должно быть под контролем служб для борьбы с терроризмом // ИТАР ТАСС. 18 октября 2018. URL: <https://tass.ru/politika/5690058> (дата обращения: 16.01.2020).

Экер М. Интернет для джихадистов: от органа пропаганды к центру оперативного управления // Россия в глобальной политике. 13 октября 2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Internet-dlya-dzhikhadistov-17741> (дата обращения: 19.01.2020).

Cyber Terrorism: Assessment of the Threat to Insurance. Centre for Risk Studies, University of Cambridge. 2017. URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/risk/downloads/pool-re-cyber-terrorism.pdf (accessed: 19.01.2020).

Emerging Terrorist Financing Risks. Financial Action Task Force (FATF) Report. Paris, 2015. URL: www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/emerging-terrorist-financing-risks.html (accessed: 19.01.2020).

Financing of the Terrorist Organization of Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL). Financial Action Task Force (FATF) Report. Paris, February 2015. URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Financing-of-the-terrorist-organisation-ISIL.pdf> (accessed: 21.01.2020).

Internet Organized Crime Threat Assessment (IOCTA) 2017. European Police Office, 2017. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2017> (accessed: 19.01.2020). DOI: 10.2813/55735.

Kaspersky Security Bulletin: 2017. URL: https://media.kasperskycontenthub.com/wp-content/uploads/sites/58/2018/03/09043350/KSB_Review-of-2017_final_RU.pdf (accessed: 21.01.2020).

Knake R. Internet Governance in an Age of Cyber Insecurity. N. Y.: Council on Foreign Relations, 2010.

Liu E. Al Qaeda Electronic: A Sleeping Dog? A Report by the Critical Threats Project of the American Enterprise Institute. December 2015. URL: https://www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2016/07/Al_Qaeda_Electronic-1.pdf (accessed: 19.01.2020).

TE-SAT Report 2018. European Union Terrorism Situation and Trend Report. European Police Office, 2018. Hague, 2018. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018> (accessed: 19.01.2020). DOI: 10.2813/00041

TE-SAT Report 2019. European Union Terrorism Situation and Trend Report. European Police Office, 2019. Hague, 2019. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/terrorism-situation-and-trend-report-2019-te-sat> (accessed: 19.01.2020). DOI: 10.2813/788404

Twitter and Jihad: The Communication Strategy of ISIS / ed. by Monica Maggioni and Paolo Magri. Milano, 2015. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/twitter_and_jihad_en.pdf (accessed: 19.01.2020).

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ «КИБЕРПАТРУЛЬ» КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Веснинцева Анастасия Алексеевна,
студентка 3-го курса

Астраханского государственного университета

Кузнецова Валентина Юрьевна,

ассистент кафедры информационной безопасности
Астраханского государственного университета

(г. Астрахань)

Аннотация. Проанализирована проблема распространения экстремистских материалов в сети Интернет. Рассмотрены способы борьбы с данным явлением на примере организации студенческого киберпатруля.

Ключевые слова: экстремизм; интернет-ресурсы; деструктивная информация, цифровая среда; социальные сети; киберпатруль.

Противостояние экстремистской идеологии в век цифровизации является главной задачей российского общества, что связано с активной деятельностью запрещенных организаций, в том числе в сети Интернет.

Сейчас благодаря развитию и проникновению во все сферы общества социальных сетей вербовка в экстремистские группировки осуществляется в виртуальном пространстве. К наиболее крупным международным террористическим организациям, активно использующим ресурсы сети Интернет, относятся «Аль-Каида», ХАМАС (запрещенная в России организация), «Хезболла», «Аль-Джихад» («Египетский исламский джихад»), «Народный фронт освобождения Палестины», «Конграгел» (бывшая Рабочая партия Курдистана), «Революционные вооруженные силы Колумбии», «Хизб ут-Тахрир» и другие, запрещенные на территории РФ. Они пропагандируют политические идеи, проводят агитационную и вербовочную деятельность, направленную на увеличение числа их сторонников [1].

В докладе Генерального прокурора РФ Юрия Чайки Совету Федерации о деятельности прокуратуры за 2017 г. сообщалось, что было пресечено более 1500 экстремистских преступлений, заблокировано более 3500 электронных ресурсов, содержащих призывы к террористической деятельности и массовым беспорядкам, а также с 6000 интернет-ресурсов была удалена противоправная информация по требованию правоохранительных ведомств. В 2018 г. эти цифры увеличились вдвое. Данные факты говорят об увеличении объема экстремистского контента в сети Интернет, при этом правоохранительные органы не всегда успевают своевременно заблокировать деструктивную информацию. Поэтому возникает потребность в формировании дополнительных сил – волонтерских движений, деятельность которых направлена на поиск и передачу ссылок на запрещенный контент ответственным лицам.

Такое общественное объединение создано и успешно функционирует в ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» с 2015 г. За 5 лет существования данной организации количество добровольцев превысило 300 человек. Каждый год состав данной организации пополняют студенты-первокурсники. В 2017 г. ряды волонтеров дополнили бакалавры и магистранты других вузов г. Астрахани.

Члены движения проводят активную просветительскую работу в молодежной среде г. Астрахани и Астраханкой области (школах, колледж, вузах); осуществляют мониторинг страниц в сети Интернет, выявляют контент, по их мнению, содержащий деструктивную информацию. Отчеты по проделанной работе отсылаются в правоохранительные органы для принятия дальнейших мер. Такая работа не только помогает очистить Интернет от различного рода негативной информации, но и вырабатывает у участников волонтерского движения информационный «иммунитет», стойкое неприятие к проявлениям экстремизма.

За 2018 г. было проведено 11 выездных мероприятий. Было выявлено 57 сайтов, содержащих деструктивную информацию. Результаты по проведенному мониторингу были отправлены в соответствующие органы, где были приняты меры по блокировке противоправного контента. Приведем примеры работы волонтерской организации.

Пример № 1 – группа в социальной сети «ВКонтакте» под названием «Оправданный терроризм». Группа не является закрытой, поэтому доступ к контенту является свободным. На одной из записей сообщества имеется запись «стань машиной для террора», что можно расценивать как «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма» (статья 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации), а также на публикации размещена свастика, которая попадает под статью 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»). Кроме того, в вышеупомянутой группе размещено несколько постов, разжигающих национальную рознь и попадающих под диспозицию статьи 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды».

Пример № 2. Наряду с группами в социальных сетях в сети Интернет встречается достаточно большое количество сайтов с информацией, запрещенной к распространению согласно Федеральному списку экстремистских материалов (далее – ФСЭМ). Примером таких сайтов является сайт, скриншот которого приведен на рис. На нем находятся песни группы «Циклон Б». Данные произведения включены в ФСЭМ под пунктами 103-114 [2]. Таким образом, в данном случае экстремистский контент имеет форму музыкального произведения.

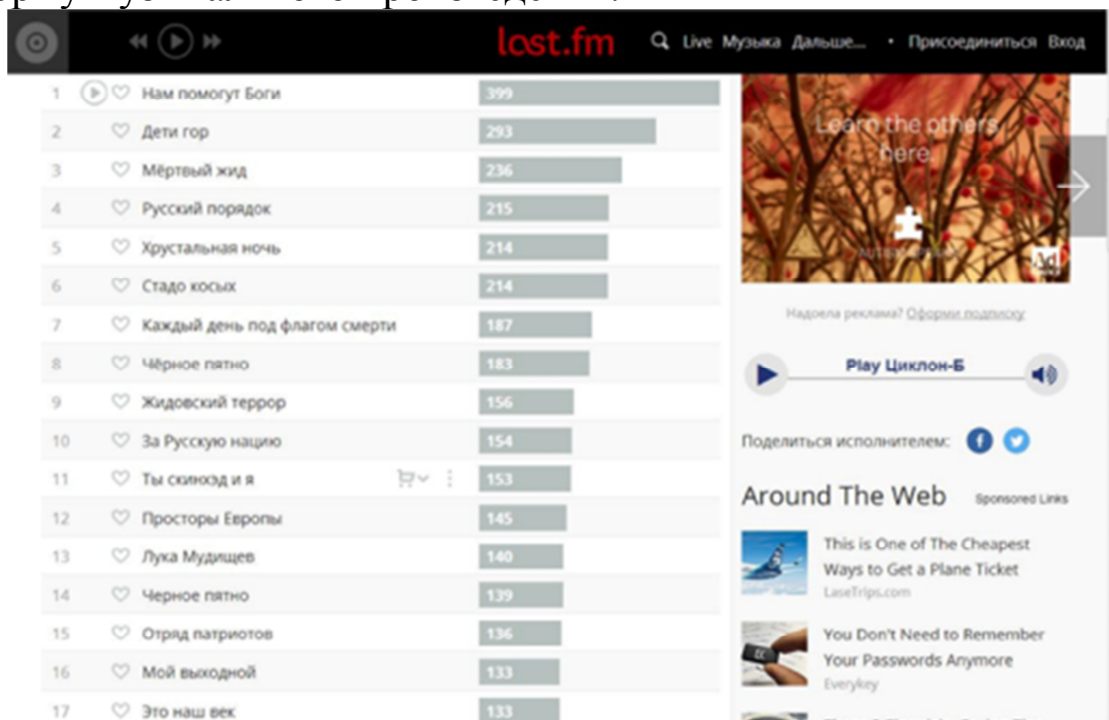

Рис. Пример песен экстремистского толка в сети Интернет

Данные примеры показывают, что интернет-контент может содержать информацию, запрещенную на территории Российской Федерации. Таким образом, виртуальная среда является каналом распространения деструктивной информации, в том числе имеющей экстремистскую направленность. Наряду с законодательными инициативами и программно-аппаратными средствами эффективным способом борьбы с данным явлением может служить работа волонтерских молодежных организаций, результат деятельности которых неоднократно оценивался спецслужбами.

В дальнейшем планируется расширить работу волонтерского киберпатруля: увеличить численность движения за счет участия школьников и родительского контроля и автоматизировать процесс передачи данных о деструктивном контенте государственным органам правопорядка.

Список литературы

1. Стукалов В. В., Запорожец Е. В. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Общество и право. 2016. №4 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-protivodeystviya-ekstremizmu-v-seti-internet-1> (дата обращения: 25.11.2019).

2. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/nko/fedspisok/> (дата обращения 25.11.2019.)

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гатаев Амхад Анзорович,
студент 4-го курса Института филологии,
истории и права
Чеченского государственного
педагогического университета

Ганаев Ибрагим Илесович,
студент 4-го курса Института филологии,
истории и права
Чеченского государственного
педагогического университета

Иналкаева К.С.,
доцент кафедры правовых дисциплин ЧГПУ,
кандидат юридических наук
(г. Грозный)

В 90-е годы XX в. Северный Кавказ пережил всплеск терроризма, который привел к масштабным негативным последствиям. За развалом СССР в новой стране усилилась борьба за сферы влияния различных социальных сил, политических и национальных идеологий, «концепций», «программ», в том числе этнического и конфессионального характера.

На Северном Кавказе до сих пор терроризм используется как средство достижения цели, чаще всего в интересах отдельных националистических либо религиозных организаций. Данное исследование актуально, так как проблема терроризма обусловлена тем, что он превращается в самую значительную проблему этого времени. Терроризм – фактор глобального масштаба, и все страны мира, включая Россию, должны быть заинтересованы в борьбе с ним [2].

Хронологический охват исследования – 28 лет, с 1991 по 2019 г. Данный период в истории народов Северного Кавказа, как и всей России, заполнен масштабными происшествиями исторического характера. Разрушение советской государственной машины со всеми негативными и противоречивыми последствиями, сложное строительство нового демократического государства, а также

тяжелые экономические, политические, духовные, моральные и демографические последствия стали настоящим шоком для миллионов граждан.

Несмотря на известность термина «терроризм», мало кто понимает изначальное толкование и историю становления этого мощнейшего идеологического и отчасти политического инструмента. Итак, под терроризмом изначально подразумевался политический инструмент контроля, осуществляемого с помощью применения насилия к несогласным (террор). Некоторые историки по непонятным причинам утверждают, что данный инструмент использовался еще в древние времена и Средние века, и в качестве примера указывают полумистическую секту ассасинов (наемных убийц), которые, на основе некоторых исторических хроник, использовали убийства для достижения той либо иной политической цели. Безусловно, спорные утверждения, так как с точки зрения современных реалий и представлений о терроризме события, произошедшие не одну сотню лет назад, нельзя отнести к данному термину.

В XXI в. перед мировым сообществом остро встала проблема терроризма как социального явления. В русском языке понятие «терроризм» толкуется главным образом как устрашение, насильственное действие, либо угроза действием (насилием). Если раньше террористические проблемы носили так называемый локальный характер, то на данном этапе они приобрели статус проблемы, касающейся всего современного международного сообщества.

На сегодняшний день для эффективного разрешения сложившейся ситуации необходима интеграция военно-политических сил всех передовых держав. Очевидно, что терроризм как явление социальное не имеет своей страны происхождения, здесь некого винить. Скорее всего, в основе действий террористов и их формирований лежит желание простой наживы и претворения в жизнь своих планов.

На наш взгляд, причина терроризма как общественного явления коренится в отверженных обществом идеях устройства социума, а террористические акты представляют собой один из способов выражения уже отверженного мнения. Прибегая к столь радикальным способам волеизъявления, террористические орга-

низации заявляют о себе и желают показать мировому сообществу, что имеют возможность влияния на общественные процессы.

Важно отметить, что существует тенденция конкуренции в террористическом мире, так, например, после совершения крупных терактов ответственность за него берет на себя одна из террористических организаций [3]. В большинстве своем террористический акт направлен не на причинение вреда обществу, а лишь на желание внушения страха. Это делается для того, чтобы люди, опасаясь совершения нового террористического акта, так или иначе обратили свое внимание на идеологию террористов, а по возможности вообще разделили ее. На современном этапе развития мирового сообщества терроризм можно признать не только как социальное явление, но и как культурное. Терроризм можно рассматривать с различных сторон: как явление, как террористический акт и как отдельную культуру. Важно отметить, что терроризм, воспринимаемый как культура, выступает основным деструктивным фактором в обществе.

Терроризм как часть «культуры» представляет собой целый информационный пласт идеологически окрашенных атрибутов: литература, фильмы, пропагандистское видео, символика и др. Каждый из этих символических элементов направлен на вербовку членов «здорового» общества. Выкладывая в сеть Интернет «красивые» ролики голливудского качества либо распространяя литературу с очевидной идеологической окраской, преследуются все те же цели – расширение круга людей, симпатизирующих террористической идеологии.

Рассуждая логически, можно сделать вывод о том, что люди, попадающие под влияние террористических организаций, в большинстве своем либо малообразованные, либо психически больные. Следовательно, для борьбы с терроризмом нужны не только силовые методы, но и культурно-просветительные. Именно поэтому для каждого из видов проявления терроризма необходимо свое действенное «противоядие», например, против уже подготовленных, но еще не осуществленных терактов эффективен будет традиционный оперативно-силовой метод, против распространения идеологии и вербовки новых членов будет эффективен культурно-просветительный метод. К культурно-

просветительному методу, на наш взгляд, было бы правильно отнести: лекционно-просветительные курсы по данному вопросу, фильмы, рассказывающие о сущности терроризма и дающие понять, что терроризм – это зло и большая проблема современного общества, и другие профилактические мероприятия подобного рода.

Причины терроризма, бесспорно, кроются в самом мировом обществе, и их огромное количество. Одной из таких причин выступает несовершенный уровень правовой культуры, а именно низкий уровень осознания правовых последствий своих действий. Стоит подчеркнуть, что ни одна террористическая организация не имеет официального источника дохода, следовательно, финансирование получают «теневым» путем [4]. Изначально безобидно скрывая свои доходы либо их часть от государства, недобросовестная часть общества переводит их в «тень». К сожалению, о распределении таких доходов узнать практически невозможно, но очевидно, что финансирование террористических организаций происходит именно из «теневого» источника. Можно сделать вывод о том, что, всячески нарушая закон, члены общества, не подозревая сами о том, косвенно становятся пособниками террористов.

Борьба с терроризмом осложнена наличием разногласий ведущих государств, сотрудничающих по данным вопросам в методике противостояния террористическому миру. Но на сегодняшний день очевидно, что для разрешения данной проблемы необходимы усилия всех государств вне зависимости от их политических, экономических и культурных взглядов.

Возможно, наиболее опасным является терроризм, основанный на религии, причем ни одна религия не поддерживает террористические течения. Опасность заключается в том, что в зону риска попадают все те, кто не разделяет ту либо иную религиозную идею, вне зависимости от других взглядов.

Теракты никогда не забываются, это связано, в первую очередь, с человеческими жертвами, но, к сожалению, вместе с воспоминаниями о страшных событиях в памяти сохраняются наименования террористических организаций и имена их лидеров, а это и выступает главной целью таких формирований. Сле-

дует отметить несколько крупнейших террористических актов XXI в. во всем мире.

- Взрывы поездов в Мадриде. 11 марта 2004 г. в 7.30 и 8.00 часов утра в Мадриде на железнодорожной станции «Аточа» прогремели 10 взрывов. Этот теракт унес жизни 190 человек, еще 1800 получили ранения, в связи с этим он был признан крупнейшим в истории Западной Европы. До сих пор организаторы данного теракта не установлены.

- Атака на Мумбаи. Серия террористических актов, произошедшая с 26 по 29 ноября 2008 г. в Бомбее, получила название «Атака на Мумбаи». За три дня семи нападениям подверглись различные стратегические объекты города. В результате этих страшных событий погибли 195 человек, боевики были уничтожены. Организатором актов считается Деккан Муджахедин [6].

Терроризм – это метод, применяемый радикальными группировками, основанный на запугивании населения и принуждении властей к принятию необходимых решений посредством взрывов в людных местах, захватов заложников. Став одной из центральных проблем XXI в., террористическая деятельность ежегодно уносит жизни многих людей на планете, приносит многомиллиардные убытки и, несмотря на принимаемые правоохранительными органами стран меры, статистика терроризма неумолимо растет.

Ситуация, сложившаяся на Западе, сегодня мало чем отличается от происходящего в арабских и мусульманских странах. Угроза террористических атак во всем мире имеет наивысшую степень опасности. Начиная с событий 11 сентября в США, когда «Аль-Каида» потрясла весь мир жестокостью своих террористических акций, с тех пор терроризм распространился по всему миру. Положение арабов и мусульман в США и в Европе ухудшается с каждым днем в связи с тем, что террористы совершают свои акты насилия, прикрываясь исламом. Такая ситуация привела к тому, что среди европейцев возникли искаженные представления о реальном исламе и мусульманах, в обществе растет ненависть к тем, кто исповедует эту религию, расизм в отношении арабов и мусульман стал обыденностью.

Теракты 11 сентября 2001 г. стали началом шествия насилия по миру. «Война с терроризмом», которая началась 19 лет назад в

США, сегодня приобрела новые очертания. Все мировое сообщество встало на тропу «войны с ИГИЛ»! Таковы нынешние реалии современного мира.

Со временем произошла трансформация терроризма. В современном мире помимо таких видов, как националистический, религиозный, идеологический и политический терроризм появился и информационный. Проявляется этот вид в кибератаках на информационные ресурсы (сайты, сервера) с их взломом, распространением по СМИ информации, дезинформирующей людей и способствующей формированию необходимых для боевиков взглядов.

Также происходит вербовка при помощи Интернета новых боевиков, распространение видеоматериалов жестоких казней пленных и обычных жителей. Информационный терроризм из-за большого объема интернет-трафика, огромного влияния СМИ на мнение людей наряду с традиционными видами становится серьезной угрозой.

Боевая мощь и оснащенность боевиков различными видами вооружения постоянно растет. Поэтому ядерный терроризм в современном мире скоро перестанет быть пугающим мифом. Он может стать ужасной реальностью.

Рост терроризма в мире принуждает власти многих стран разрабатывать комплекс мер, направленных на борьбу с этим негативным явлением. Наиболее действенные методы борьбы с терроризмом следующие:

- контроль и пресечение деятельности запрещенных организаций экстремистской направленности;
- объявление вознаграждений за информацию о нахождении лиц, подозреваемых в данном виде преступной деятельности;
- разработка и выполнение совместных военных операций по ликвидации террористов в различных странах;
- контроль СМИ, информационных ресурсов в Глобальной сети на предмет их причастности к организациям боевиков;
- разъяснительная работа с населением страны с целью информирования о методах распознавания потенциальных террористов, о поведении при обнаружении подозрительных предметов.

Эти методы позволяют не только бороться с последствиями терактов, но и предупреждать их. Внедрением данных методов

занимаются такие организации по борьбе с терроризмом, как Интерпол, ООН, НАТО, ЕС. Немаловажным фактором выступает усиление противодействия терроризму со стороны бдительных граждан, благодаря которым было предотвращено множество взрывов и прочих противозаконных действий.

Также не последнее место в антитеррористических мерах занимают такие правовые средства борьбы, как лицензирование деятельности партий, движений и религиозных сообществ, запрет сект и организаций, разжигающих межнациональную рознь, ограничение либо запрет в выдаче разрешений на огнестрельное оружие.

Несмотря на все принимаемые меры, проблема остается актуальной. На вопрос, как спасти мир от терроризма, – ответа пока нет.

Ни для кого не секрет, что будущее отдельно взятого города, целой страны либо всего мира зависит от молодого поколения, от того, насколько нынешние старшекласники и студенты вузов и ссузов готовы менять окружающий мир к лучшему, внося каждодневные коррективы и налаживая тесное общение со своими сверстниками по всему миру.

Для понимания криминалистической характеристики причин и условий возникновения такого общественно опасного явления, как терроризм, следует обратиться к правовому определению этого термина. Так, согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму», терроризм – это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность смерти, причинения значительного имущественного ущерба или иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, запугивания населения или влияния на принятие решений органами власти, а также угроза совершения этих действий в тех же целях [1].

Терроризм как социально опасное явление принимает форму актов насилия, приводящих к гибели людей и нанесению ущерба или уничтожению имущества, а также запугиванию населения. Из всего вышесказанного следует, что террористический акт является многообъектным преступлением, посягающим на множество важнейших общественных отношений. Акты терроризма имеют специальные цели, а именно дезорганизацию работы ор-

ганов власти, получение уступок со стороны власти и т.д. Главным объектом преступления выступает общественная безопасность. Своим устрашающим воздействием терроризм обращен к широкому и зачастую неопределенному кругу граждан либо к конкретным органам власти и должностным лицам, наделенным организационно-управленческими полномочиями. Дополнительными объектами, как правило, выступают собственность, жизнь и здоровье граждан, их имущественные и политические интересы и т.д. [5].

Итак, рассмотрев понятие «терроризм», а также изучив формы его проявления и цели, можно перейти к анализу причин возникновения данного феномена. Среди основных причин терроризма ученые выделяют следующие:

- нерешенность национальных и религиозных вопросов, имеющих важное значение для определенной социальной группы, которые связаны с ее духовностью, фундаментальными ценностями, традициями и обычаями;

- войны и локальные конфликты, в рамках которых теракты становятся формой ведения боевых действий. В качестве примера можно привести террористические акты чеченских боевиков во время войны в 1995–1996 гг.;

- наличие социальных групп, выделяющихся высоким уровнем материального благосостояния, а также в силу своего политического, экономического и военного могущества либо других возможностей диктующих свою волю иным социальным группам. Первые вызывают ненависть и зависть, они наделяются чертами опасного и коварного врага, которому можно причинить урон только нанося скрытые болезненные удары;

- существование тайных обществ и организаций, в частности религиозных, которые наделяют себя статусом мессии, а также вырабатывающих «единственно верное» учение о спасении человечества либо создания мира, где царит всеобщее добро, справедливость. Вследствие внушения данных догм такие организации получают возможность влиять на большие группы людей для реализации своих преступных целей;

- в некоторых странах теракты выступают давно сложившимися традиционными методами решения политических задач. В

данном случае террористический акт совершается в целях воздействия на органы государственной власти и должностных лиц;

- нерешенность важных финансово-экономических проблем, зачастую даже на законодательном уровне, а также конфликты при разделе собственности, и в то же время слабая защищенность предпринимателей со стороны правоохранительных органов. Из-за этого участились теракты в отношении указанных выше лиц с целью запугивания и устранения конкурентов одновременно. Теракты здесь, как правило, совершаются наряду с другими противоправными деяниями, например такими, как рейдерский захват и мошенничество.

Террористические акты, совершенные в последнее время в России и за рубежом, еще позволяют сказать о том, что человечество не представляет, с какими формами терроризма ему придется столкнуться в будущем. К сожалению, несмотря на то что терроризм как общественно опасное явление изучается множеством ученых, пока еще не выработано единого, а самое главное – эффективного механизма борьбы с ним. Но нельзя сказать, что все исследования в данной области ничего нам не дают, напротив, они позволяют понять, что для избавления от терроризма нужно бороться не с его непосредственными проявлениями, а с главными причинами. Отсюда следует, что необходимо решать проблемы в следующих направлениях:

- урегулирование вопросов национальных меньшинств, защита их прав и интересов;

- социальная поддержка малоимущих слоев населения, уменьшение социальной дифференциации;

- восполнение пробелов в законодательстве, регулирующем деятельность религиозных организаций и обществ. Возможно ужесточение ответственности за создание тайных религиозных организаций, сект, деятельность которых сопряжена с насилием и причинением вреда здоровью граждан (ст. 239 УК РФ).

Таким образом, можно подвести итог и сделать вывод, что терроризм остается очень острым вопросом, требующим серьезного подхода к его решению. Для того чтобы эффективно вести борьбу с терроризмом, необходимо знать причины его возникновения, возможные последствия, а также решать проблемы по вышеуказанным направлениям. Только такой комплексный подход

к данному вопросу позволит обезопасить общество от надвигающейся угрозы.

Список литературы

1. *Байбаков Ю. Г.* Комментарии к Федеральному закону «О противодействии терроризму» / Ю.Г. Байбаков, В.Д. Иванов. М.: Феникс, 2016. 599 с.

2. *Белоножкин В. И.* Информационные аспекты противодействия терроризму / В.И. Белоножкин, Г.А. Остапенко. М.: СИНТЕГ, 2018. 112 с.

3. *Казарин О. В.* Методология защиты программного обеспечения. Научные проблемы безопасности и противодействия терроризму / О.В. Казарин. М.: МЦНМО, 2018. 464 с.

4. *Кассис В.* Терроризм без маски / В. Кассис и Л. Колосов. М.: Молодая гвардия, 2013. 176 с.

5. *Кафтан В. В.* Противодействие терроризму. Учебное пособие / В.В. Кафтан. М.: Юрайт, 2015. 262 с.

6. *Кожушко Е.* Современный терроризм. Анализ основных направлений / Евгений Кожушко. М.: Харвест, 2018. 448 с.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Гурбанов Элхан Асад оглы,

научный сотрудник отдела социальной философии и экологических проблем Института философии, Национальной академии наук Азербайджана, доцент, кандидат философских наук
(г. Баку)

Аннотация. Автор рассматривает социализацию молодежи как фактор, противостоящий терроризму и экстремизму. Обращается внимание на причины и распространение терроризма и экстремизма в молодежной среде. Дается подробный анализ условий возникновения терроризма и экстремизма в таких сферах жизнедеятельности молодежи, как семья, школа, университет, досуг и

трудовая деятельность. Затрагиваются потенциально уязвимые категории молодых людей. Следовательно, адекватным решением в такой ситуации будет обязательная комплексная профилактика. Автор считает, что антитеррористическое и антиэкстремистское воспитание молодежи необходимо от детского сада до университета, а также в семье и по месту работы. Делается вывод, что социализация, как фактор, противостоящий терроризму и экстремизму среди молодежи, является важнейшим источником преобразования и развития общества.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; социализация; молодёжь.

Gurbanov E.A - PhD in philosophy, associate professor, researcher at the Department of Social Philosophy and Environmental Problems, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Azerbaijan.

Summary: In this article, the author considers the socialization of youth as a factor opposing terrorism and extremism. He draws our attention to the causes and spread of terrorism and extremism among young people. After that, he proceeds to a detailed analysis of the conditions for the emergence of terrorism and extremism in such areas of youth activity as: family, school, university, leisure and work. The author then touches on potentially vulnerable categories of young people. Therefore, an adequate solution in such a situation would be mandatory comprehensive prevention. The author believes that the anti-terrorism and anti-extremist education of young people should be carried out from kindergarten to university, as well as in the family and at the place of work. Summing up, we conclude that socialization, as a factor opposing terrorism and extremism among young people, is an important source of transformation and development of society.

Keywords: terrorism, extremism, socialization, youth

Введение

Терроризм и экстремизм в любых формах своего проявления превратились в одну из опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI сто-

летие. Стремительный рост терроризма и экстремизма, вызывающий особую тревогу в мире, является угрозой XXI в. «Ее прямое и опосредованное деструктивное воздействие затрагивает всю триаду объектов национальной безопасности – личность, общество и государство, все основные сферы общественной жизни – как материальные, так и духовные» [6, с. 37]. Да, это действительно так, терроризм и экстремизм представляют собой многоплановую угрозу для жизненно важных интересов личности, общества и государства. Но в настоящее время важным для государства является решение вопросов молодежного экстремизма, имеющих связи с терроризмом, в том числе и международным. Терроризм и экстремизм очень тесно связаны друг с другом. Терроризм как стратегия конфликтного взаимодействия является крайней степенью проявления экстремизма. То есть логическая цепочка возникновения и развития терроризма и экстремизма такова, что идеология экстремизма может привести к организации террористической деятельности. Ну а уже их совместная деятельность в свою очередь оказывает негативное психологическое воздействие на население и наносит большой ущерб – как политический, так и экономический. Прямые и косвенные последствия такого рода проявлений затрагивают такие сферы общественной жизни, как политическая, экономическая, социальная, культурная и духовная. Применительно к терроризму и экстремизму нужно отметить важность проведения профилактики и предупреждения данных социально опасных явлений. Чтобы правильно заниматься профилактикой молодежного терроризма и экстремизма, необходимо знать и понимать политические, экономические, правовые, социальные, психологические, географические и демографические факторы, которые могут способствовать их распространению. Главная роль в организации по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде возлагается на органы, реализующие государственную политику в сферах образования, культуры, воспитания молодежи и спорта. Профилактика должна быть комплексной, взаимосвязанной и проводиться в семье, по месту учебы и работы. Молодежная среда это – люди в возрасте от 15 до 30 лет. На основании проведенных многочисленных социологических исследований можно сказать, что членами террористических и экстремистских

организаций в основном являются молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, а нередко и несовершеннолетние 14–18 лет.

Материал и методы исследования. Терроризм и экстремизм стали объектом исследования различных социально-гуманитарных наук: философии, социологии, политологии, психологии, педагогики и юриспруденции. Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – это теория и практика достижения социально-политических, религиозных, национальных целей посредством «крайних», запрещенных способов. Терроризм – это сложное социально-политическое и криминальное явление, обусловленное внутренними и внешними противоречиями общественного развития. Термин «терроризм» (террор) (от франц. *Terreur* – страх, ужас) вошел в употребление в конце XVIII в. для обозначения репрессивной политики, проводившейся якобинцами в период Великой французской революции. В формировании современной молодежи произошло удлинение и усложнение процесса социализации, что привело к изменению критериев социальной зрелости. Они стали определяться с завершением образования, приобретением профессии, реальных политических и гражданских прав. «Ученые считают, что процесс социализации завершается к тридцати годам, к этому возрасту человек приобретает статус зрелого взрослого» [5, с. 77]. Молодежь – поколение людей, проходящее стадию социализации, то есть процесс вовлеченности и приобретения социальных норм и культурных ценностей конкретного общества. В итоге в обществе формируются две взаимосвязанные группы: старшее поколение как группа, передающая опыт (вовлекающая), и молодежь как группа, принимающая (приобретающая) этот опыт.

Социальное расслоение общества, породившее у одних богатство, а у других материальные лишения, вызывает в молодежной среде чувство разочарования, отчаяния и утраты жизненной перспективы. Для успешного противостояния терроризму и экстремизму в молодежной среде необходимо знать и понимать преступную сущность этих явлений. В комплекс основных причин роста терроризма и экстремизма в молодежной среде исследователи склонны включать следующее: социальное неравенство и неопределенность, отсутствие социальных перспектив, недостаточная социальная зрелость, недостаточный профессиональный и

жизненный опыт, безработица, деформация системы ценностей, кризис семейного воспитания, разрыв в доходах, нищета. Одним из ключевых направлений борьбы с террористическими и экстремистскими проявлениями в молодежной среде выступает их профилактика. Профилактика террористической и экстремистской деятельности включает в себя подготовку и реализацию государством и уполномоченными им органами комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, воспитательных, организационных, оперативно-розыскных, правовых и иных мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение террористической и экстремистской деятельности в молодежной среде. К. Маркс называл молодежь «источником жизни народа» [4, с. 332]. С К. Марксом можно согласиться, так как молодежь выступает важным ресурсом социально-экономического развития и является особой социальной демографической группой общества. Меры антитеррористического и антиэкстремистского воспитания молодежи необходимо проводить в звенья каждой цепи образовательной системы: от детского сада до университета. Потому что потенциальные причины и условия терроризма и экстремизма в молодежной среде находятся в основном в сферах формирования и жизнедеятельности молодого человека: семье, школе, университете, досуге и трудовой деятельности. Главным институтом воспитания и привития необходимых идеологических установок, защищающих молодого человека от деструктивного влияния, является семья. По длительности своего воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с семьей. То, что ребенок приобретает в детские годы в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Также важно отметить и то, что, конечно же в меньшей степени, именно в сфере семейного воспитания допустимо зарождение нетерпимости, формирование террористических и экстремистских настроений, приводящих подростка к совершению соответствующего характера преступлений. Следовательно, при выявлении такого рода фактов необходимо уделять особое внимание семейному воспитанию. Еще одним из мест антитеррористического и антиэкстремистского воспитания является школа. Она должна быть заинтересована в сохранении и вовлечении в учебный процесс каждого ученика и стать инструментом

компенсации недостатков семейного воспитания. На наш взгляд, нужно привлекать родителей и саму молодежь к созданию и разработке комплекса мер. А педагогам необходимо активнее пропагандировать в подростковой среде здоровый образ жизни, занятия спортом и физической культурой, посещение кинотеатров, музеев и других социально-культурных заведений. Проводить просветительские работы по вопросам формирования антитеррористического и антиэкстремистского мировоззрения у молодежи с родителями или законными представителями учащихся. Затем наладить взаимодействие школы с представителями религиозных организаций в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде. Заняться повышением правовой грамотности молодежи и обозначить потребность в качественном подъеме до вузовского правового образования, так как система права гарантирует результативность социальной саморегуляции. В этом направлении школа должна взаимодействовать с подразделениями по делам несовершеннолетних. Большинство студентов подвержены внушению и манипуляции из-за неокончательно сложившейся жизненной позиции. «По данным европейских спецслужб, своеобразными центрами идеологической обработки кандидатов в боевики становятся как специализированные образовательные учреждения, так и обычные университеты» [3, с. 17]. На наш взгляд, чтобы избежать всего, этого необходимо:

1) создать в вузах антитеррористическую и антиэкстремистскую среду с целью вовлечения каждого студента в университетское сообщество – и более активных, и менее активных;

2) актуализировать в сознании студентов традиционные духовно-нравственные ценности и чувства межнационального и межрелигиозного уважения;

3) проводить культурно-просветительские и воспитательные мероприятия, круглые столы и семинары по противодействию терроризму и экстремизму и их идеологии;

4) организовывать на постоянной основе научно-практические конференции как противодействие проявлениям терроризма и экстремизма в социуме, ярким примером тому служит ежегодная международная научно-практическая конферен-

ция, проводимая в Грозненском государственном нефтяном техническом университете имени академика М.Д. Миллионщикова;

5) создать в университетах волонтерские движения, призванные интегрировать студентов в социальную активность, что является эффективным направлением по профилактике терроризма и экстремизма, к тому же включение волонтеров в разные виды общественно значимой деятельности существенно расширит сферу их социального общения. Мы считаем, что при возможности целесообразным будет все это освещать в СМИ. «Весьма широко распространена вербовка через сеть “Интернет”, включая тематические сайты, социальные сети, чаты, форумы и блоги» [7, с. 11]. Примером вовлечения молодых людей в экстремистскую деятельность через компьютерные онлайн-игры является проект «Большая игра». В архиве сайта «Большой игры» насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных заданиях, то есть совершенных преступлениях экстремистской направленности. Интернет становится своеобразной площадкой для объединения молодых людей со схожими интересами и взглядами. Именно сеть Интернет является средством быстрой передачи информации на самые дальние расстояния, а это значит, что расстояние перестает быть фактором, тормозящим экономические, социальные и культурные отношения. Во всех случаях использования Интернета для распространения террористических или экстремистских материалов среди молодежи следует поставить вопрос о вынесении предупреждения, отзыве лицензии, закрытии сайта и т.д. Важную роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом в молодежной среде играет просвещение молодежи по вопросам миролюбивых религий, так как значительную угрозу для безопасности этой среды и государства сегодня представляют религиозные проповедники, организации и секты, насаждающие молодежи нетрадиционные течения религий и религиозный фанатизм. Экстремистское поведение всегда содержит субъективное, личностное начало, которое наиболее ярко проявляется в религиозной нетерпимости. «Именно “неудержимая” потребность верующего в изменениях согласно идеологической доктрине и составляет ту основу, которая обеспечивает переход к экстремистской практике» [1 с. 5]. Здесь мы видим, что распространение идей экстремизма и вовлечение молодежи в эту

деятельность преследует политические интересы, а религия выступает в качестве одного из эффективных средств убеждения.

Далее рассмотрим потенциально уязвимые категории молодежи.

1. Молодые люди, употребляющие наркотики или алкоголь. У них замедляется умственное развитие, впоследствии уровень их интеллектуального и нравственного развития падает. Они отвержены обществом, игнорируют и озлоблены на него. Всё это приводит к психологическому дискомфорту, чувству безвыходности и отсутствию жизненных планов. Здесь очевидный вывод таков, что эти молодые люди наркозависимы и не принадлежат самим себе, а их использование в террористических и экстремистских целях характерными организациями не исключено.

2. Молодые люди из семей членов банд подполья (уничтоженных, действующих или осужденных). Эта категория молодых людей с ущемленным чувством собственного достоинства, обиженные, переживающие утрату отца, матери или же других родных и близких. Если они вырастают в такой среде, то, естественно, будут поддерживать семейные традиции и продолжат ненавидеть те силы, на которые им указывали их родственники. Конечно же и на эту категорию молодых людей обратят внимание вербовщики в террористические и экстремистские организации, вовлекая их идеей мести. Профилактическую работу с ними необходимо проводить очень аккуратно и без обособления их. Организовать для них грамотную психологическую помощь и эффективную поддержку центров реабилитации. Эти молодые люди должны жить в обществе, с ними нужно общаться и полностью включать в позитивную среду развития, вовлекая в культурную и спортивную жизнь.

3. Молодые люди из неблагополучных семей. В таких семьях они подвергаются физической и эмоциональной отверженности, чувствуют недостаток родительской заботы и внимания. Из-за нищеты или низкой материальной обеспеченности возрастает количество беспризорных подростков, рассматривающих вступление в ряды террористов и экстремистов как возможность для заработка.

4. Молодые люди из семей трудовых мигрантов. Их тоже легко вовлечь в деятельность террористических и экстремистских

структур, так как социальный статус этой категории молодых людей в обществе определен слабо. «При столкновении представителей различных полей противоположный субъект будет казаться “странным” и непонятным». [2, с. 325]. В работу с такими лицами необходимо вовлекать общественные и религиозные организации, лидеров национальных общин и землячеств. Ознакомить их как с историей, культурой и обычаями этой страны, так и с народами, проживающими на ее территории. Речь идет не о простом познавательном интересе, а о направлении на укрепление и гармонизацию межнациональных и межрелигиозных отношений. Основным посылом данных мероприятий становится принцип культурного многообразия и единства народов для мирного сосуществования во благо государства. В итоге деятельность национальных диаспор должна быть направлена на освещение положительных сторон трудовой миграции и максимальную интеграцию своих представителей в общество страны пребывания. А государство должно контролировать миграционные потоки и вести жесткую борьбу с нелегальной миграцией.

Определив потенциально уязвимую категорию молодых людей, необходимо организовать системную профилактическую работу с ними, что в свою очередь позволит своевременно выявить и предотвратить процесс их радикализации.

Таким образом, можно сказать, что элементы террористического и экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации культурной и социальной жизни общества, а так же на фоне кризиса экономической и социально-политической системы. А это значит, что политические, экономические, духовные и социальные противоречия в обществе будут препятствовать успешной социализации молодежи. Следовательно, широкое распространение терроризма и экстремизма среди молодежи – это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи.

Если терроризм и экстремизм выступают как факторы постоянной дестабилизации и угрозы существующим международным, региональным и национальным системам безопасности, то социализация же в свою очередь выступает важнейшим фактором, противодействующим терроризму и экстремизму в молодежной среде, а также является основным преобразующим и раз-

вивающим источником общества. Процесс социализации носит позитивный характер, так как уменьшает расхождения взглядов и интересов.

Список литературы

1. Гриценко Г. Д., Лукьянцев Е. В. К вопросу о понимании экстремизма в современной науке // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11.

2. Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007. 388 с.

3. Караваев А. Г. Молодёжь и антитеррор: Пособие для учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ, студентов вузов, их родителей, учителей и специалистов различных областей. М., 2013.

4. Маркс К. «Образцовое государство» Бельгия / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Издание второе. Гос. изд-во полит. литерат. Т. 5. М., 1956.

5. Метелев С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: монография. Омск, 2008. 332 с.

6. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма. Методическое пособие для пропагандистов / под общей ред. Л.Н. Панковой, Ю.В. Таранухи. М.: Университетская книга, 2010. 312 с.

7. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. 96 с.

8. Профилактика экстремистского поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: учеб.-метод. пособие / авт.-сост.: А. Г. Большаков, А. М. Межведилов, Е. А. Терешина и др. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 138 с.

9. Силантьев Р. А. Культ // Большая российская энциклопедия: электронное издание.

https://bigenc.ru/religious_studies/text/2120858

10. Сундиев И. Ю. Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 11–21.

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Гусейнова Судаба Новрузали кызы,
ведущий научный сотрудник
Института Кавказоведения НАН Азербайджана,
кандидат психологических наук
(г. Баку)

Ключевые слова: терроризм; террористическая личность; психологическая особенность; политико-психологический анализ; асоциальное поведение.

Keywords: terrorism; terrorist person; psychological feature; political and psychological analysis; antisocial behavior.

Психологические характеристики личности террориста, с одной стороны, включают общие психологические особенности формирования его личности, а с другой – его террористическую психику, отличающуюся от нормальной. Для любого террориста считается естественным иметь определенный темперамент или характер. Тогда возникает вопрос: какие психологические характеристики личности террориста полностью отличают его от других людей, и какие факторы влияют на это?

Эти отличительные черты связаны с его волевыми качествами, с характером, с его эмоциональной сферой, а иногда даже с его типом темперамента. Учитывая общие психологические характеристики, ответить на вопрос определения конкретных психологических характеристик террористического лица становится сложно, поскольку никто не рождается с негативными психологическими характеристиками терроризма. Это связано главным образом с содержанием и направленностью психологических качеств, формируемых у любого человека под воздействием социальной среды и социальных условий. В связи с этим морально-нравственные качества человека, а также характер и волевые качества играют важную роль в психологической характеристике личности. В большинстве случаев эти качества обычно учитываются при поиске ответа на вопрос, подходит ли он для конкретной области деятельности или нет.

Другими словами, эти психологические качества оказывают существенное влияние на направление деятельности личности. Лица, которые способны выполнять сложные задачи и обладают необходимыми моральными качествами и характеристиками в этой области, вовлечены в терроризм. Человек или лица, которые не обладают этими качествами, не могут успешно выполнять задачу. Однако нельзя игнорировать тот факт, что психологические характеристики лиц, причастных к террористической деятельности, необходимы для того, чтобы дополнять и помогать друг другу в команде, это важно для эффективности результатов террора. Возникает вопрос о необходимости групповой сплоченности.

Другими словами, при рассмотрении психологических характеристик террориста существует ряд важных психологических факторов, которые нельзя игнорировать. Эти особенности включают высокую адаптивность, высокую критичность, выносливость, аналитическое мышление для точной оценки меняющихся ситуаций, а также умственную ловкость, полноту восприятия и точность, способность выбирать гибкое поведение в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Когда речь идет о таких психологических особенностях, конечно, это не означает, что они психологически позитивны или негативны. Реальный вопрос заключается в том, как и каким образом эти умственные особенности используются. Это, прежде всего, моральные качества человека, его психологическая направленность, содержание и направленность его действий и целей и т. д.

С этой точки зрения люди с высокими моральными ценностями, характеризующиеся высокой нравственностью, обычно совершают добрые дела, занимаются позитивной и социально значимой деятельностью. Напротив, люди с отрицательными моральными ценностями, с негативной психологической ориентацией используют эти психологические черты для организации социально опасных действий и достижения желаемых целей. В этом случае особое значение имеют только личные качества террориста, его личность, жизнь, система взаимоотношений с людьми, идеалы и образ жизни.

Термин «терроризм» вошел в политический лексикон во время Французской революции 1789–1794 гг. Термин «террор» в буквальном смысле подразумевает страх, чувство опасения. По-

этому трудно определить происхождение терроризма. Убийство Гая Юлия Цезаря в 44 году до н.э. можно рассматривать как первый классический акт террора [4].

В то же время секция Скарлари (от слова «цикари», «сика», что означает короткий меч) появившаяся в 66–72 гг. н.э. на современных палестинских территориях, может считаться первой террористической организацией. В основе этого двойного подхода лежит понятие «терроризм» и «террор». Как видно, оба термина имеют одно и то же происхождение, это означает, что между ними нет существенной разницы. По мнению многих исследователей, «террор» и «терроризм» являются выражениями, дополняющими друг друга. Террор часто интерпретируется как событие, описывающее способ применения насилия. Терроризм рассматривается как процесс применения этого метода. Другой подход заключается в использовании этих терминов в качестве синонимов. Мы можем увидеть эту тенденцию в исследованиях Ю. Кузнецова и М. Иорданова [4].

В последнее время терроризм стал серьезной угрозой на международном уровне. Терроризм – это социальное событие, которое представляет угрозу для жизни всех наций и народов и не может быть легко предотвращено [1].

Террористическая личность всегда привлекала внимание исследователей. Считается, что если его сложная организация будет расследована, все в психологии террориста будет прояснено, а проблема борьбы с ним обретет надежную научную базу. Это самая сложная и до сих пор нерешенная проблема. С. Рошин предложил три психологические модели личности террориста.

1. Первая – это психопат-фанатик. Террористы, принадлежащие к этой модели, считают, что их убеждения верны, и они действительно верят, что их действия полезны для общества, независимо от их конкретного результата. Это человек, чья сфера сознания сужена различными доктринами и чья эмоциональная сфера подчиняется этим доктринам. Поэтому он способен на все. Таких людей называют фанатиками в политике, а психопатами – в психологии. Они считают себя очень важными для общества и считают, что их действия могут принести большую пользу человечеству. Однако если мотивы их действий носят объективный антиобщественный характер, они способны нанести очень серъ-

езный вред. Иногда из непроблемной ситуации они создают проблемы и пытаются решить их профессионально. Каждый психопат может быть фанатичным террористом. Но это только одна часть проблемы.

2. Вторая – это модель разочарованной личности, которая вытекает из бихевиористской теории разочарования и агрессии. Именно депрессия, вызванная разочарованием, является причиной для людей, совершающих теракт. Неспособность человека достичь жизненно важных для него целей по любой причине неизбежно приведет к агрессивным действиям. В этом случае сознание выступает в качестве оправдывающего инструмента. Если эта концепция не абсолютизируется как единственное и универсальное средство для объяснения агрессивного поведения человека, можно утверждать, что в некоторых случаях его можно использовать для понимания склонности человека совершать террористические акты. Это отчасти верно. Таким образом, неудачник в жизни предпринимает шаги, ведущие к массовому убийству как последнему средству агрессивного поведения.

3. Третья модель – ненормальный член семьи. Жестокое обращение с детьми в семье, социальная изоляция ребенка и дефицит хороших отношений приводят к формированию антиобщественной жестокой личности. Человек с такой психологической чертой может легко стать инструментом террористических организаций при определенных условиях. Многие террористы относятся к этой модели. При расследовании жизни многих террористов было обнаружено, что это люди, которые растут в семьях с одним родителем или имеют серьезные проблемы со своими родителями, которые не выполняют их желания, или люди, которые подверглись серьезной психологической травме в раннем возрасте [3, с. 176–177].

С. Эниколопов считает, что, несмотря на наличие ряда общих психологических характеристик, нет оснований говорить о существовании единого террористического комплекса личности. Он выделяет два относительно распространенных психологических типа среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, попыткой самоактуализации, другие – неудачники, неуверенные в себе, со слабой самооценкой».

И первый тип, и второй очень агрессивны, всегда готовы защищать свое «я», пытаются утвердиться, чрезмерно заботятся о себе, уделяют мало внимания чувствам и желаниям других людей. Для большинства террористов характерна тенденция поиска источника их собственных проблем во внешней среде. Они проецируют низкое содержание своего «я» в цель, воспринимаемый как источник опасности [2].

На основе этих примеров можно сказать, что существует огромная потребность в формировании личности молодых людей, которые хорошо образованы, общительны и способны свободно выражать свои мысли. В настоящее время психологические знания расширяются, растет роль психологов в нашем обществе. В результате наше общество приобретает достаточно знаний и опыта по психологическим знаниям, правильной реализации межличностных отношений, правильному воспитанию детей и поиску выхода из проблемных ситуаций. Только благодаря этому знанию мы можем предотвратить терроризм и другие социально-политические явления и девиантное поведение.

Список литературы

1. Байрамов А., Алиев Б. Правовая психология (учебник). Баку: Образование, 2012. 423 с.
2. Гарифуллин Р. Психология терроризма. <http://psyfactor.org/lib/terror21.htm>
3. Пириева Е., Мамедли И. Политическая психология (учебник). Баку: Экопринт, 2016. С. 176–177.
4. Турал М. Искандаров Терроризм и его формы, 9 января 2011 г. <http://turalisgandarov.wordpress.com/2011/01/09/terrorism/>

THE INTERNATIONAL TERRORISM AND THE COOPERATION FOR FIGHTING AGAINST IT

Dadashova Ramila,

Associate Professor, Deputy Director for Scientific Affairs,
Institute of Caucasus Studies,
Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS)

The study of terrorism is proven difficult by the fact that there is no universally accepted definition of terrorism in international relations. However, for the purposes of this article, we can use the definition of “terrorism” and “terror” provided by Meriam-Webster, a well-known English-language dictionary: “Terrorism: the systematic use of terror especially as a means of coercion,” [“Terrorism,” Merriam-Webster, accessed: September 29, 2017, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/terror>]. “Terror: violent or destructive acts (such as bombing) committed by groups in order to intimidate a population or government into granting their demands” [Ibid]. It should be stated at the beginning that there is no international consensus on the definition of terrorism, which hampers international efforts to combat it [Boaz Ganor, “MIA: An International Definition for Terrorism,” *The Arena - Diplomacy and Foreign Relations Magazine*, September 28, 2018, <https://www.eng.arenajournal.org.il/single-post/Ganor-Terrorism-ENG>]. Taking a look at the wording of a document listed at the website of the United Nations Office of Counter-Terrorism reveals the lack of consensus on this issue; “Definitions of ‘terrorism’ and ‘violent extremism’ are the prerogative of Member States and must be consistent with their obligations under international law, in particular international human rights law.” [“Plan of Action to Prevent Violent Extremism, Report of the Secretary-General,” *United Nations General Assembly*, Document No: A/70/674, December 24, 2015, <https://undocs.org/en/A/70/674>].

However, there are actions which are frequently associated with terrorism, such as: aggression, genocide, racism, illegal experiments upon people, torture, slavery, brigandage, piracy against sea vessels, hijacking of airplanes, the kidnapping of diplomats, civilian hostage taking, deliberate harming of the environment, and the violation of human rights. Terrorism is the deliberate use specific kinds of illegal

violence. The purpose of terrorism is to create panic in public. Terrorism is not a security issue for the individual, it is also a matter of economic, psycho-social, political, and especially cultural dimensions [Seydali Ekici, “Kureselleşme ve Türkiye’de Narkoteror,” *ResearchGate* (Temmuz 2016): p.7, https://www.researchgate.net/publication/304014144_Kuresellesme_ve_Turkiye'de_narkoteror]. The threats and “modalities of terror” have been identified. These include ecoterrorism, narco-terrorism, agro-terrorism, biological, chemical and nuclear terrorism, cyber-terrorism, as well as suicide terrorism [Sarah V. Marsden and Alex P. Schmid, “Typologies Of Terrorism And Political Violence,” in *The Routledge Handbook of Terrorism Research*, ed. Alex P. Schmid (London: Routledge, 2011), p.188.].

The concept of environmental terrorism has been explained, in one conceptualization, as the threat of environmental destruction, in peace or wartime, designed to create fear over the ecological consequences of the act. Agro-terrorism may be considered to be poised between so-called bioterrorism and environmental terrorism. It has been described as deliberately introducing a disease agent into the food chain, including directly into livestock. Cyber-terrorism entails deliberately subjecting civilians to panic or fear through the use of disruptive cyber-attacks. The first type of attack is information attacks, where electronically stored information, or computer systems, are damaged, altered, or destroyed. Such attacks are considered the most common and are the subject of most analysis. The second type is described as infrastructure attacks which aim to impact upon computer hardware or programming. Finally, the use of cyber-communications can assist fundraising and the promotion of terrorism as a mode of waging conflict [Marsden and Schmid, “Typologies Of Terrorism And Political Violence...,” pp.188-189.]. Dutch researcher Willem Schinkel writes: “Terrorism is perpetrated by nonstate actors, works ‘bottom up’ to create, from the outside, a shock in institutions that induces fear.” [Willem Schinkel, “On The Concept Of Terrorism,” *Contemporary Political Theory* 8, no. 2 (May 2009): 183.].

John Alan Cohan, the researcher at the University of California writes: “terrorism is the first form of violence that emerges when conflicts escalate, and for many, it is an efficient way of rectifying grievances.” [John Alan Cohan, “Necessity, Political Violence And Terror-

ism,” *Stetson Law Review* 35, no. 3 (Spring 2006), [https:// www. stetson. edu/ law/lawreview/media/necessity-political-violence-and-terrorism.pdf](https://www.stetson.edu/law/lawreview/media/necessity-political-violence-and-terrorism.pdf)]. Alexander Spencer, the researcher at the University of Munich writes: “Related to the religious motivation, many in the ‘new terrorism’ supporters point out that another of the main features of ‘new terrorism’ is the increasing willingness to use excessive indiscriminate violence.” [Alexander Spencer, “Questioning the Concept of ‘New Terrorism’,” *Peace Conflict & Development*, no. 8 (January 2006): 9, [https:// epub. ub.uni-muenchen. de/13769/1/ Feb%2006%20 SPENCER% 20 version% 202.pdf](https://epub.ub.uni-muenchen.de/13769/1/Feb%2006%20SPENCER%20version%202.pdf)]. Brian M. Jenkins, the American expert on terrorism and transportation security writes: “Apart from the problem of distinguishing it from guerrilla warfare, crime or mad serial killers, the well-known phrase ‘one man’s terrorist is another man’s freedom fighter’, is often used to highlight the problem of implying a moral judgment when classifying the term ‘terrorism’. If one identifies with the victim of the attack, then it is considered terrorism, but if one can identify with the perpetrator it is not.” [Spencer, “Questioning the Concept of ‘New Terrorism’ . . .,” p.2.].

As alluded to earlier in reference to the UN, with the lack of an international consensus, it is up to each country to define terrorism. In Turkey, terrorism is defined as follows at Article 1 of the Law on Fight Against Terrorism (No. 3713), dated 12 April 1991: “Any criminal action conducted by one or more persons belonging to an organization with the aim of changing the attributes of the Republic as specified in the Constitution, the political, legal, social, secular or economic system, affecting the indivisible unity of the State with its territory and nation, jeopardizing the existence of the Turkish State and the Republic, enfeebling, destroying or seizing the State authority, eliminating basic rights and freedoms, threatening the internal and external security of the State, the public order or general health, is defined as terrorism.” [Law On Fight Against Terrorism Of Turkey, Act Nr. 3713 (1991, as amended: 1995, 1999, 2003, 2006, 2010)]. As an example of another country experiencing similar problems in defining terrorism, the United States Department of Defense has defined terrorism as follows: “The calculated use of unlawful violence or the threat of violence to inculcate fear; intended to coerce or to intimidate governments or societies in the pursuit of goals that are generally political, religious, or ideological.” [Erik Mannik, “Terrorism: Its Past, Present

And Future Prospects,” *Kaitsevae Uhendatud Oppeasutused*, no. 12 (2009): 152, https://www.ksk.edu.ee/wp-content/uploads/2011/03/KVUOA_Toimetised_12-M%C3%A4nnik.pdf]. Meanwhile, UN offers the following comments about terrorism: “Terrorism is international. The command and control of terrorist groups, the recruitment, training, active operations and the target audience can all be located in different countries and so counter-terrorist measures will not be effective unless all nations cooperate in agreeing to the characteristics of terrorist groups and their activities. Agreement on a common definition would be a step towards universal cooperation in the prevention of terrorism.” [Gregor Bruce, “Definition of Terrorism,” *Journal of Military and Veterans’ Health - A peer reviewed journal published by the Australasian Military Medicine Association* 21, no. 2 (May 2013): p.27, <https://jmvh.org/wp-content/uploads/2013/05/JMVH-May-2013.pdf>]. Moreover it can be stated that aggression, war crimes, genocide, racism, making illegal experiments upon people, torture, turning people into slaves, brigandage, illegal actions against seafaring, vessels, the hijacking of airplanes, the kidnapping of the diplomats, taking civilians as hostages, harming the environment, and the general violation of human rights can all serve as the elements of acts of terror [Аль-Обейд А.С. Угрозы терроризма и борьба с ним // Азия и Африка, 2004, № 4, p.43.].

When one looks at the examples to be given below, the reader can see the merits of designating some of Armenia’s and various Armenian groups’ actions against Azerbaijanis as terrorism. Russian researcher and lawyer Oleg Kusnetsov states that, from the perspective of Russian norms of crime law, 1988-1994 Karabakh war is a terrorist war merging different forms of terroristic crimes. The crime codex of Russia Federation considers below mentioned illegal actions: terrorist acts, hostage taking, forming illegal armed groups or being part of those groups, seizure of sea, air and railways, assassination of state or public figures, armed revolt, calls for implementation of extremist activity, attacks to internationally protected persons or enterprises [О. Кузнецов, “Война в Карабахе – первая террористическая война в истории человечества,” *Qarabag Dunen, Bu gun ve Sabah 16-ci elmi-emeli konfransin materialları* (Baki: QAT. 2017), p.218.]. The author notes that, the massive destruction of people and the harm inflicted to their livelihood Khodjali shows the execution of at least 3

actions: taking hostages, taking part in the illegal armed groups, and armed revolts. These actions confirm that the Khodjaly events committed in 25-26 February 1992 as an act of international terror [Ibid]. First, it should be noted that thousands of Azerbaijanis were expelled from their own lands through acts of terror were perpetrated in Nagorno-Karabakh. At the same time, the profit obtained from narcotics after occupation of the NK was directed to control the occupied territory and to fund mercenaries. The US State Department noted this in its report titled “About The Strategy Of International Control Upon The Narcotics” in March 2000. Parliamentary Assembly of the Council of Europe also noted on this fact in its report [Письмо представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 28 февраля 2005 года на имя Генерального Секретаря Приложение 1 письму космические снимки оккупированных территорий Азербайджанской Республики // *Diplomatiya Alemi Jurnalı*, 2005, №10, p.110.]

Taking advantage of the Armenian origin separatist citizens, the Azerbaijan committee of “Karabakh” with the leadership of Levon Ter-Petrosyan organized a separatist movement. With the establishment of terrorist groups, Azerbaijani inhabitants were expelled from Armenia through terror tactics and many acts of terror were committed in NK. Within only the last 10 years, 4 act of terror were committed in transportation alone where 68 people died and 132 injured. 8 acts of terror were committed on passenger and freight trains. 14 people were killed and 125 were wounded. 3 acts of terror were recorded in the metro system of Baku, tens of people died as a result of these attacks and hundreds were wounded. The terrorist organization ASALA’s members Davidyan and Melkonyan, actively participating in the carrying out of explosions in “20 January”, “28 May-Ganjlik”, “Ulduz-Narimanov” stations of Baku Metro, were designated to the desert commander rank by R. Kocharyan in Karabakh. 3 acts of terror were committed in air transportation, were 104 people were killed. 25 people were killed and 88 were severely wounded during a terrorist act in Krasnovodsk-Baku passenger ferry. In total, in the 337 acts of terror on civilian targets carried out by Armenian groups, 881 people died, 1239 people were wounded. 8 acts of terror were committed to civilian and state targets. As a result of these attacks 10 people died and 30 people were wounded. Due to such attacks, the economy of

Azerbaijan was exposed to large scale losses. Using factual information, the tragic consequences of terrorism perpetrated by Armenian groups were reflected in the book titled “Armenian Crimes (Based on Documents)” prepared by Ministry of National Security of the Republic of Azerbaijan [Ermenistan-Azerbaycan münaqishesı senedler bolmesi // Diplomatiya Alemi Jurnalı, 2005, № 13, pp.128-159.], Acts of terror perpetrated by Armenian groups against Azerbaijan people and constitutional order, sabotage, military encroachment and armed separatism were demonstrated in detail in the book titled “Nagorno-Karabakh: the Chronicle of the Events (1988-1994)” published by the Ministry of the Internal Affairs of the Republic of Azerbaijan [Dagliq Qarabag: hadiselerin xronikasi (1988-1994-cü iller). Bakı: Vetən, 2005, 108p.]. The extremist “Dashnaksutun” Party, the culprit of many violent and terroristic acts in late nineteenth and twentieth century, currently acts under the name of “Armenian Revolution Federation” and is part of the coalition government in Armenia [Ermenistan Respublikası (melumat-sorgu kitabçası). Qafqaz Etno-siyasi Arashdirmalar Merkezi, Bakı, 2006, 77p.]. The Armenian investigator A. Enokyan states that the Nagorno-Karabakh conflict is used as a tool for furthering domestic politics in Armenia. Enokyan notes that, currently, the main aim of the nationalist-socialists of the “Dashnaksutun” in Armenia is to “return back all Armenian lands” by force and to punish designated historical enemies. Additionally, Enokyan considers R. Kocharyan having obtained political power in Armenia to be illegal due to him being a Karabakh citizen [Енокян А. Армения: противоречивые подходы к урегулированию Карабахского конфликта // Центральная Азия и Кавказ, 2002, № 1, pp.115-121].

According to the UN Security Council Resolution Number 1373 adopted on

28 September 2001, Article 7 of this resolution indicates that all states have to take necessary actions against terrorists, stop the funding of terroristic organizations, conduct an operative information exchange among the relevant

institutions of the countries (related to terroristic network, weapon sales, seizure of weapons of mass destruction) to prevent terrorism. In the resolution notifying the relation between international terrorism and transnational crimes such as illegal narcotics, weapons, dirty money laundering, nuclear, chemical and biological weapon sales, the

Security Council called upon all states to fight against this global problem in a national, sub-regional, regional, and international level. Based on the Resolution 1373, a Counter-Terrorism Committee was established by all members of the Security Council. Each state must report to this experts' organization about its fight against terrorism, control over borders, and prevention of the funding of terrorism. In the session of the General Assembly held in 2001, all states were called upon for fighting against terrorism and join the international conventions and protocols of anti-terrorism. The Security Council again made a call towards states to avoid supporting terrorist acts in an active or passive way by its Resolution 1370 adopted on 12 November. It should be noted that since that time, no measure has been taken against terrorism despite its increased occurrence in many different countries.

Besides the mentioned resolutions and decisions, 13 international conventions were adopted related to fighting against international terror within the UN.

They are as listed below:

- Convention on offences and certain other acts committed on board aircraft, signed at Tokyo, on 63 (Tokyo convention)
- Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft on
- Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of civil aviation (with Final Act of the International Conference on Air Law held under the auspices of the International Civil Aviation Organization at Montreal in September 1971 - Montreal convention)
- Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents (1973)
- International Convention against the taking of hostages (1979)
- Convention on the Physical Protection of Nuclear Material (1980)
- Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports Serving International Civil Aviation, Supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (Montreal,)
- Convention for the Suppression of Unlawful Acts of violence at sea against the Safety of Maritime Navigation (1988)

- Protocol for the Suppression of Unlawful Acts of Violence at Airports Serving International Civil Aviation, supplementary to the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Civil Aviation (Montreal,)
- Convention on the Marking of Plastic Explosives for the Purpose of Detection (1991) International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (1997)
- International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (1999)
- International Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism (2005) [Ramila Bahlul Dadashova. Measures of The UN Security Council against International Terrorism and Globally Threatening Armenian Terrorism. Review of Armenian Studies 109 Issue 39, 2019, p.109-110.]

Despite all these conventions, not every state follows international norms and principles or complies with the official documents adopted by the world community. As a result of the support of terrorism at Armenia in a state level, which has been left without sanctions, staying Azerbaijanis and Turks have been exposed to Armenian terrorism and hundreds of thousands of Azerbaijanis have been expelled from their own lands.

СОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Дикаева Милана Салмановна,
старший преподаватель
кафедры уголовного права РГПУ им. Герцена,
кандидат юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

Проблема преступности и реагирования на нее со стороны общества во все времена была актуальной. Росла ли численно преступность, повышалась ли степень опасности для общества отдельных преступлений или лиц, их совершающих, государство относилось к этому однозначно – как к социально вредному явлению. Соответственно этому видению вырабатывалась и госу-

дарственная политика реагирования на преступность. Если в прошлом в основу этой политики ставилась идея возможности полного искоренения преступности, то в современный период она строится на основе концепции относительно терпимого к преступности отношения, то есть необходимости сосуществования с ней.

В зарубежной научной литературе 1970-х гг. стали публиковать результаты исследований, указывающие на негативные последствия наказания в виде лишения свободы. Эти работы показали, что лишение свободы оказывает существенное влияние на психологическое и психическое состояние осужденных, включая эмоциональную опустошенность¹, депрессию², развитие суицидальных наклонностей³, повышенный уровень враждебности⁴. Современные исследования относят лишение свободы к наиболее деструктивным факторам, влияющим на осужденных (лишение привычного образа жизни на свободе, разрыв связей с семьей, тяжелые последствия после отбывания наказания)⁵. Особенно негативным является длительное лишение свободы, которое приводит к большим затруднениям в поддержании социально полезных связей за пределами тюрьмы (колонии), а также к утрате че-

¹ *Clements C.B.* Crowded Prisons: A Review of Psychological and Environmental Effects // *Law and Human Behaviour*. № 3 (3). 1979. Pp. 217–225.

² *Walker N.* Side-Effects of Incarceration // *British Journal of Criminology*. № 23 (1). 1983. Pp. 61–71; *Cooper H.H.A.* The All-Pervading Depression and Violence of Prison Life // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. №18 (3). 1974. Pp. 217–226.

³ *Flanagan T.J.* The Pains of Long-Term Imprisonment // *British Journal of Criminology*. № 20 (2). 1980. Pp. 148–156.

⁴ *Bolton N., Smith V., Heskin K.J. & Banister P.A.* Psychological Correlates of Long-Term Imprisonment: Longitudinal Analysis // *British Journal of Criminology*. № 16 (1). 1976. Pp. 38–47.

⁵ *Yang S., Kadouri A., Revah-Levy A., Mulvey E.P. & Falissard B.* Doing Time: A Qualitative Study of Long-Term Incarceration and the Impact of Mental Illness // *International Journal of Law and Psychiatry*. № 32. 2009. Pp. 294–303; *MacKenzie D.L. & Mitchell F.N.* Inmates' Experiences in Prison // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. № 21 (4). 2005. Pp. 309–313.

ловеком чувства собственного достоинства, а в дальнейшем к трудностям в адаптации к жизни на свободе¹.

Эти обстоятельства заставили международное и научное сообщество искать пути оптимизации назначения и исполнения уголовных наказаний, повышения их эффективности. Начиная с середины XX в. вырабатываются принципы и правила отправления правосудия, исполнения наказаний, закрепленные в международно-правовых актах, регулирующие межгосударственные и межнациональные вопросы в сфере уголовных наказаний: Всеобщая декларация прав человека (1948)²; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955)³; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985)⁴; Европейские пенитенциарные правила⁵ и др.

Перечисленные документы направлены на защиту прав человека, в том числе лиц, подозреваемых или осужденных за совершение преступления. Эти документы провозглашают необходимость гуманизации условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, определяют стандарты обращения с осужденными, предусматривают повышение гарантий соблюдения их прав и законных инте-

¹ *Flanagan T.J. Dealing with Long-term Confinement: Adaptive Strategies and Perspectives Among Long-Term Prisoners // Criminal Justice and Behavior. № 8 (2). 1981. Pp. 201–222.*

² Всеобщая декларация прав человека (от 10 декабря 1948 г.) // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юрид. лит., 1990.

³ Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (утверждены ООН 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-м пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // Советская юстиция. 1992. № 2.

⁴ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г.) // Советская юстиция. 1991. № 12–14.

⁵ Рекомендация N Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила» (принята 11.01.2006 на 952-м заседании представителей министров) // СПС «КонсультантПлюс».

ресов, призывают к применению наказаний, не связанных с тюремным заключением.

В связи с отказом большинства стран мира от смертной казни, о которой речь пойдет ниже, лишение свободы признается наиболее строгим видом наказания. Поэтому в ряде зарубежных стран наблюдается тенденция его ограниченного применения, определяемого невозможностью применения альтернативных мер реагирования на преступное поведение.

Присоединение России к международно-правовым актам в сфере защиты прав человека, в сфере исполнения уголовных наказаний оказывает определенное влияние на развитие внутреннего законодательства, в том числе определяющего основные направления развития уголовной и как ее части пенитенциарной политики государства.

Позиционирование России как части международного сообщества, его активного члена обязывает ее соблюдать нормы международного права. Государство стремится к созданию условий отбывания наказаний, соответствующих международным стандартам.

Но, как отмечает Я. И. Гилинский, недавнее тоталитарное прошлое страны не могло не наложить отпечаток на отечественную пенитенциарную политику¹. Активное использование труда осужденных, его экономическая выгодность в советский период предопределили заинтересованность государства в широкомасштабном применении наказания в виде лишения свободы. СССР в период 1960–1990-х годов стабильно занимал первое место в мире по числу заключенных на 100 тыс. населения². Россия продолжила эту традицию и также занимает лидирующие позиции по уровню заключенных.

Основным трендом современной российской уголовной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний можно обозначить ужесточение наказания, увеличение сроков

¹ Гилинский Я. И. Кризис системы уголовных наказаний // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 72, 73.

² Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. С. 23.

лишения свободы, неэффективную реализация альтернативных наказаний.

Так, например, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ были повышены максимальные сроки лишения свободы за отдельные виды преступлений экстремистской (террористической) направленности (ст.ст. 205, 205¹, 205, 205³, 205.4, 205.5, ч. 3-4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст.ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360) по совокупности преступлений до 30 лет, а по совокупности приговоров до 35 лет¹, вместо 25 и 30 лет соответственно.

Не оспаривая тот факт, что к лицам, совершающим особо тяжкие преступления и представляющим повышенную опасность для общества, должно применяться строгое наказание, отметим, что позиция законодателя, усилившего наказание до 35 лет лишения свободы, не имеет криминологического обоснования. С точки зрения общей превенции увеличение сроков лишения свободы за некоторые преступления с 25 до 30 лет и с 30 до 35 лет, очевидно, не окажет устрашающего воздействия на потенциальных преступников. 25 лет и 30 лет лишения свободы, предусматривавшиеся за эти преступления ранее, и так являлись неоправданно длительными. В таком случае разница в пять лет не играет роли в деле предупреждения преступлений. Необходимо понимать, что люди, оказавшиеся в местах лишения свободы, рано или поздно вновь вернутся в общество, и чем длительнее их пребывание в условиях изоляции, тем более усугубляются негативные последствия лишения свободы (отрыв от семьи, трудности в постпенитенциарной адаптации, деструктивные изменения психики, неспособность самостоятельно решать возникшие трудности в связи с устоявшейся привычкой выполнять приказы начальства исправительных учреждений). А потому такие сверхдлительные сроки наказания способны лишь изолировать особо опасных лиц от общества, не оказывая при этом на них исправительного воздействия. Предположение о том, что, отбыв наказание сроком не в 30, а в 35 лет, осужденный вернется из мест лишения свободы исправившимся, утопично. А значит, не прихо-

¹ Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014.7 мая.

дится говорить и о специальной превенции. Считаем, что советское законодательство (УК РСФСР 1960 г.), предусматривавшее максимальный срок лишения свободы в виде 15 лет, за которым следовала высшая мера (в современной России высшей мерой фактически является пожизненное лишение свободы), было оптимальным. При наличии в УК России пожизненного лишения свободы такой максимальный срок лишения свободы представляется оправданным.

При этом стоит отметить, что сфера возможного применения пожизненного лишения свободы за годы действия УК РФ 1996 г. была значительно расширена, такое наказание содержится в санкциях 20 статей УК РФ.

В период становления Советского государства пожизненное лишение свободы было отменено как не выполняющее исправительной цели уголовного наказания, поэтому УК 1922, 1926 и 1960 гг. не предусматривали этого наказания, оно было введено лишь в 1992 г. Указом Президента России¹, в соответствии с которым Президент России мог применять при помиловании осужденных к смертной казни замену ее на пожизненное лишение свободы.

Принятый в 1996 г. УК РФ предусматривал пожизненное лишение свободы только как альтернативу смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь. А значит, в первоначальной редакции пожизненное лишение свободы могло применяться лишь за пять составов преступлений (квалифицированное убийство, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, геноцид).

Однако уголовная и пенитенциарная политика новой России шла в сторону ужесточения наказаний за отдельные виды преступлений, и в 2004 г. в статью были внесены изменения, в которых наказанию в виде пожизненного лишения свободы был придан новый, самостоятельный статус, независимый от смертной

¹ Рыбников В. В., Некрасов А. П. Пожизненное лишение свободы в Российской Федерации. Самара, 2009. С. 82.

казни. Такое наказание может назначаться за преступления террористической направленности, а также за некоторые преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Пожизненное лишение свободы может применяться также и для ненасильственных преступлений (например, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности – ст. 205³ УК РФ), что противоречит современным международным стандартам.

Необходимо иметь в виду, что и пожизненно лишенные свободы лица имеют возможность условно-досрочного освобождения от наказания после фактического отбытия не менее двадцати пяти лет лишения свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ). О том, что это законодательное установление на данный момент является очень актуальным и требующим обсуждения, говорит то, что осужденные, приговоренные к этому наказанию в 1992 г. (с того момента, когда пожизненное лишение свободы стало применяться), с 2017 г. могут подавать ходатайства об условно-досрочном освобождении. Требуется детальный анализ возможности такого освобождения как с точки зрения готовности самих осужденных, так и с точки зрения готовности общества принять таких лиц.

Отсутствие реабилитационных программ, должных программ психологической помощи и поддержки, воспитательной работы, а также отсутствие возможности общения с окружающими (общение осужденных друг с другом не допускается) делают практически невозможным шанс покинуть исправительное учреждение в связи с неготовностью осужденного к жизни на свободе.

Говоря о лицах, пожизненно лишенных свободы, крайне важно понимать современный темп жизни и присущие обществу постмодерна свойства¹. Глобализация, виртуализация жизни, стремительное развитие новых технологий создают более комфортные и удобные условия для жизни современного человека, при этом делая возможность адаптации человека, лишенного

¹ См.: *Гилинский Я. И.* Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Тезисы к размышлению // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 36–40.

свободы на долгие годы, крайне затруднительной. Человек, осужденный к пожизненному лишению свободы в 1992 г. (как первый, кто может претендовать на УДО), жил в совершенно ином обществе, с иным укладом жизни. Очевидно, что ему потребуются годы, чтобы адаптироваться к новому миру. Поэтому чрезвычайно важно разработать механизм постепенной подготовки осужденных к жизни на свободе. Кроме того, возможна критика УДО для пожизненно осужденных в той части, в какой освобожденные от отбывания наказания лица возвращаются вновь в ту же социальную среду. Поэтому, как видится, к данной категории лиц возможно применение меры в виде ссылки в отдаленные районы страны.

Ссылкой, согласно ст. 25 УК РСФСР 1960 г., назывался вид уголовного наказания, связанный с удалением осужденного из места жительства с обязательным поселением в определенной местности. Срок ссылки составлял от 2 до 5 лет, при этом на ссыльных возлагалась обязанность поселения в определенной местности с их обязательным трудоустройством.

Стоит согласиться с мнением С. Ф. Милюкова, уже давно указывавшего на необходимость возвращения ссылки в отечественную систему наказаний¹. Возможность и необходимость возрождения такого наказания обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, ссылка в отдаленные районы страны (Сибирь, Дальний Восток) позволяет изъять осужденного из криминогенной среды, спровоцировавшей его на совершение преступления, что особенно важно для лиц, совершивших преступление террористической направленности. При этом человек не изолируется от общества, а значит, это во многом предотвратит проявление негативных последствий, характерных для лишения свободы в исправительных учреждениях. Во-вторых, такая категория осужденных может обзавестись хозяйством (возможно, при поддержке государства) и иметь собственность, что является не только серьезным фактором, удерживающим человека от необдуманных действий и поступков, но и обуславливает возможность произво-

¹ Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство... С. 154–155.

дить выплаты по исполнительным листам. В-третьих, данная категория осужденных постепенно по мере развития своего хозяйства перейдет из режима государственного содержания и обеспечения в режим самообеспечения, вследствие чего произойдет сокращение численности органов и учреждений, задействованных в отправлении правосудия. Возможно предусмотреть субсидирование государством на первоначальном этапе с целью поддержания ссыльных в организации собственного хозяйства. Такое положение соответствует принятой государством федеральной целевой программе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»¹, призванной повысить роль региона в экономике страны, страдающего от депопуляции и плохо развитого хозяйства при наличии огромного природно-ресурсного потенциала. Поэтому ссылка осужденных в указанный регион будет отвечать потребностям государства в развитии сельского, лесного хозяйства, рыболовства, животноводства. Такое наказание в конечном итоге внесло бы свой вклад в возрождение деревень.

Введение ссылки способно преодолеть негативные свойства уголовного наказания, которое, по мнению профессора А. Э. Жалинского, является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения².

Как представляется, на первоначальном этапе в качестве эксперимента ссылку под постоянным надзором правоохранительных органов можно было бы применять в отношении лиц, условно-досрочно освободившихся от отбывания пожизненного лишения свободы. Их согласие на освобождение с условием пожизненного проживания в отдаленной местности может быть дополнительным основанием для положительного решения вопроса об условно-досрочном освобождении.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. 5 апреля. № 18 (часть I). Ст. 2154.

² Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009. С. 56, 68.

В дальнейшем это положение могло бы стать шагом для возрождения ссылки как вида уголовного наказания. Представляется, что ссылка допустима за преступления террористической и экстремистской направленности (ст.ст. 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 282¹, 282², 282³ УК РФ). Срок отбывания ссылки должен быть достаточно длительным, чтобы у осужденного была возможность обосноваться и развивать свое хозяйство. Максимальный срок ссылки должен соответствовать максимальному сроку лишения свободы, т.е. 15 лет. Контроль над ссылными могли бы осуществлять уголовно-исполнительные инспекции.

Как видится, такое направление развития уголовной политики является более перспективным, чем постоянное ужесточение наказания и расширение сферы применения длительных сроков лишения свободы.

Таким образом, совершенствование политики в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний за преступления террористической направленности должно идти в сторону существенного сокращения максимального срока лишения свободы до 15 лет. Необходимо изменение требований к условно-досрочному освобождению осужденных к пожизненному лишению свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ), в частности, путем сокращения фактического отбытия лишения свободы с 25 лет до 15 лет. Перспективным видится возвращение к практике применения ссылки как вида уголовного наказания, назначаемого за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе и преступления террористической направленности.

УДК: 347.1.

О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

Дикаев Салман Умарович,
заведующий кафедрой
уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена,
доктор юридических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург)

Дикаева Динара Мидхатовна,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Юридического института
(г. Санкт-Петербург)

Аннотация. Неопределенность механизма реализации права народа на самоопределение рассматривается как причина сепаратистских и экстремистских настроений. Предложен каркас возможного механизма реализации международного принципа – права народа на самоопределение.

Ключевые слова: механизм; народ; право; реализация; самоопределение; сопротивление; суверенитет.

Право народов на самоопределение (наряду с правом на существование, равноправие, самоидентификацию) относится к группе прав, внутренне присущих каждому народу. Сутью этого права является генетическое стремление народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой, в условиях полной свободы, по собственному желанию определять свой внутренний и внешний политический статус, по своему усмотрению осуществлять свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Признание наличия глубинных основ для стремления народов к самоопределению позволило говорить о праве на самоопределение как о естественном праве народа, его закреплению в ряде международных документов и превращению в один из принципов международного права.

Так, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960) признает за всеми народами право на самоопределение; права свободно устанавливать свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие¹.

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) устанавливает, что все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования².

К настоящему времени в той или иной степени активности о своем желании воспользоваться правом на самоопределение заявляют: Бавария от Германии; голландскоязычная Фландрия и франкоязычная Валлония вместе составляют Бельгию; Шотландия от Великобритании; Каталония и Страна Басков от Испании; Гренландия от Дании; Нагорно-Карабахская Республика от Азербайджана; Южная Осетия и Абхазия от Грузии; Приднестровская Республика от Молдовы; Донецкая и Луганская республики, Закарпатская и Одесская области от Украины и др. Создания своего государства добивается курдский народ, компактно проживающий на территории Турции, Ирака, Сирии. В течение 70 лет добивается своей государственности Палестина, народ которой изолирован от внешнего мира, лишен доступа к пресной воде, электричеству, то есть поставлен на грань физического уничтожения.

Это далеко не полный перечень территорий и народов, стремящихся к самоопределению. Однако в одних случаях право на самоопределение доминанты международных отношений ста-

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Принята 14.12.1960 Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

вят под сомнение (Палестина, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, теперь ещё и Крым, Донецкая и Луганская народные республики, Каталония), заявляя, что это право вступает в противоречие с принципом нерушимости границ и территориальной целостности государства. В других случаях такое право не только признаётся, но и поощряется (государства бывшей Югославии). Соответственно, в зависимости от политических интересов мировых игроков приоритет отдается то принципу территориальной целостности, то праву народов на самоопределение.

Ставя право на самоопределение под сомнение и отказывая в этом праве народу, компактно проживающему на части его территории, государство стремится сохранить государственную целостность, не допустить изменения государственной границы. Обычно это достигается путем изменения внутреннего законодательства, признавая такие устремления части народа экстремистскими, террористическими, поддерживающими терроризм и прочее (например, Грузия, Украина, Испания и др.). Стремление к сохранению территориальной целостности государства является прагматическим, поскольку отделение от государства какой-либо территории наносит не только политический или экономический ущерб и влечет нарушение прав тех, кто хочет жить в едином государстве.

Расчленение существующих государств не в интересах и ООН, поскольку дробление и образование новых государств ведет к нестабильности международных отношений. Это мысль еще в 1992 г. была изложена в докладе Генерального секретаря ООН, в котором говорится, что «если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью».¹

Для Российской Федерации, где, согласно данным переписи населения 2010 г., в России проживают представители более 180

¹ См.: Повестка дня для мира: превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 года на заседании Совета Безопасности на высшем уровне. Документы ООН A/47/277; S/24111. П. 17.

национальностей (этнических групп), вопрос права народа на самоопределение представляет особую проблему.

У старшего поколения еще свежи в памяти события «лихих» 90-х, когда не только республики и области, но и деревни объявляли о своей независимости. Такого рода движения основывались на идее, согласно которой: «Всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район путем свободного плебисцита дает знать, что оно больше не желает находиться в государстве, к которому принадлежит в настоящее время, а хочет либо образовать новое государство, либо присоединиться к какому-либо другому государству, его желание следует уважать и удовлетворять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и международных войн»¹.

С чем можно согласиться с такой постановке вопроса, так это в том, что вопрос права на самоопределение имеет серьезный криминогенный потенциал, способный породить не только экстремистские и сепаратистские настроения и действия, но и продолжительные военные столкновения, влекущие большие жертвы и разрушения. Представляется очевидным тот факт, что даже в отдельной деревне найдутся люди, не согласные с принятым большинством решением об отделении, не говоря уже о лицах, замещающих политические должности.

Несмотря на принятые за последние годы серьезные решения по созданию в России единого политико-правового, социально-экономического и культурного пространства, в котором мирно уживаются и развиваются разные народы, сферу межнационального общения нельзя назвать благополучной. Свидетельством этому являются такие резонансные межнациональные конфликты, которые были в г. Кондопоге Республики Карелия в 2006 г., в г. Ростове-на-Дону в 2010 г., в районе Бирюлево г. Москвы в 2013 г., в г. Пугачеве Саратовской области в 2013 г., в г. Твери в 2013 г., в г. Ставрополе и г. Минеральные Воды в 2013, 2014 и 2015 гг. и др.

¹ *Карпетян Л. М.* Грани суверенитета и самоопределения народов // Государство и право. 1993. № 1.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2015 г. было зафиксировано 1503 проявления этноконфессиональной напряженности, в результате которых из-за национальной и религиозной вражды пострадали 222 человека, из них 30 убиты и 192 ранены. Наиболее проблемными субъектами РФ по числу локальных конфликтов стали Ставропольский край (155), Республика Татарстан (137) и г. Санкт-Петербург (130)¹.

Если к сказанному добавить то, что право народа на самоопределение в международной политике используется в качестве инструмента дестабилизации политических основ суверенных государств путем поощрения экстремистских и сепаратистских движений, то становится понятным степень уязвимости России. Это отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации², в которой отмечено, что практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение. Наряду с сохраняющимися очагами напряженности появляются новые «горячие точки»; расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма.

В научных работах авторы тоже выделяют внутренние и внешние угрозы России. При этом к числу внутренних угроз наравне с демографией, организованной преступностью, коррупцией относят протестную активность и экстремистскую деятельность структурных звеньев радикальной оппозиции. А к числу внешних угроз – деятельность координируемых из-за рубежа экстремистских объединений и террористических организаций, направленную на: нарушение территориальной целостности; создание сепаратистских анклавов; формирование этнически и конфессионально однородных регионов; ликвидацию конститу-

¹ Красинский В. В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 506.

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, (часть II), ст. 212.

ционных органов власти правления; дестабилизацию социально-политической обстановки в стране¹.

Поэтому укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности Стратегия рассматривает в числе самых важных национальных интересов на долгосрочную перспективу. Не должно быть никаких сомнений в том, что в случае ослабления федеральной власти и утери ею способности противодействовать внешней поддержке (моральной, материальной) сепаратизма и экстремизма право наций на самоопределение будет козырной картой в геополитической игре по развалу России. Проблему усугубляет то, что при наличии права народа на самоопределение в международном праве отсутствует механизм его реализации, что приводит как к произвольному толкованию этого права, так и произвольному выбору средств его реализации. Из сказанного следует, что выработка надежного, всеми признаваемого и закрепленного в международном праве механизма реализации права народа на самоопределения является жизненно необходимым для сохранения внутренней стабильности, целостности и суверенитета государства. Этот механизм должен включать в себя ряд условий, которые обязаны соблюдать стороны при реализации этого права. Какими бы могли быть эти условия?

Во-первых, волеизъявление компактно проживающего населения, выраженное на референдуме, проведенном с соблюдением всех требований международного права. При этом нужно учитывать возможность противодействия проведению такого референдума со стороны государства (или государств), не заинтересованного в этом. Вероятны провокации, дискредитация, аресты или даже убийства лидеров – инициаторов референдума.

Так, в ходе референдума в Каталонии 1 октября 2017 г. за независимость Каталонии высказались 90% участников референдума. Постановлением Конституционного суда Испании он был объявлен незаконным. Премьер Испании Мариано Рахой заявил, что никакого референдума не было, а была «инсценировка».

¹ Красинский В. В. Указ. соч. С. 78.

В столкновениях с полицией пострадали 844 человека, в том числе ранения получили 12 полицейских. Ответственность за беспорядки и насильственные действия в Каталонии Рахой возложил на правительство автономии. А власти Каталонии обратились к Евросоюзу с призывом вмешаться в ситуацию. Призыв был проигнорирован, что позволило властям Испании арестовать 8 бывших членов правительства автономии, которых обвинили в мятеже, антиправительственной агитации и растрате госсредств. А позже арестовали и главу Каталонии Карлеса Пучдемона, которому вменяют государственную измену и попытку государственного переворота. В соответствии с испанским законодательством наказанием за эти преступления может быть до 30 лет лишения свободы.

Избежать такого сценария можно, если в механизме реализации права народа на самоопределение предусмотреть возможность подачи заявки в ООН с указанием всех подробностей предполагаемого плебисцита, в том числе с указанием численности населения, его национального, языкового, культурного состава, границ проживания, экономического, ресурсного, природного потенциала, лиц, уполномоченных организовывать референдум и прочее. Эти лица должны получить международную защиту и поддержку, в том числе и финансовую, в проведении референдума.

Всякое отделение части территории всегда сопряжено с нарушением производственных циклов, разрывом экономических связей, поражением социальных, экономических и политических прав части населения, особенно тех, кто не согласен с результатами референдума об отделении.

Например, в Каталонии против отделения от Испании проголосовали 176 тыс. человек; в Черногории против независимости проголосовали 44,5% жителей; в Шотландии против отделения от Великобритании проголосовали 55,3%; в Татарстане в ходе референдума, который состоялся 22 марта 1992 г., против отделения от России проголосовали 38,6% жителей.

Возникает вопрос, как быть несогласным с результатами плебисцита?

Полагаю, что несогласные жить в новом государстве должны иметь не только право выбора, где жить, но и время, и воз-

возможности, в том числе (а может, и прежде всего) материальные, реализовать свое право выбора: оставаться ли им в новом государстве или изменить место жительства.

Решение большинства населения об отделении еще не означает, что государство может существовать как самостоятельный субъект международного права. Поэтому вторым неизменным условием должно быть установление периода времени, достаточного для цивилизованного решения всех вопросов, которые возникают на пути обретения суверенитета. Представляется, что 20-летний период был бы оптимальным сроком, с учетом того, что и детям по мере достижения ими совершеннолетия должно быть предоставлено право самим определиться с гражданством, чтобы они не стали заложниками тех решений, которые за них приняли их родители (опекуны, попечители). Этого времени достаточно и для того, чтобы новое государство апробировало свои возможности не просто существовать как субъект международного права, но и обеспечить достойный уровень жизни населения. За это время и титульная нация будет иметь возможность скорректировать свою политику относительно населения отделяемой территории и предпринять реальные шаги по созданию ему благоприятных условий автономного существования в рамках единого государства.

Например, по результатам плебисцита о независимости Шотландии, который прошел 18 сентября 2014 г., когда 55,3% шотландцев при явке 84,5% проголосовали против выхода страны из состава Великобритании. Власти королевства признали, что процент сторонников независимости тоже большой (44,7%), и приняли решение серьезно расширить полномочия Шотландии в рамках Великобритании.

Поэтому третьим условием должно быть проведение повторного референдума спустя 20 лет после первого референдума с вынесением на голосование уже двух вопросов: о желании отделиться или о желании существовать в едином государстве с политическим статусом автономии. Если на втором референдуме население повторно проголосует за отделение, тогда ООН создаст комиссию (или другой орган), которая непосредственно решает вопрос отделения, создания и международного признания нового субъекта международного права.

Надо оговориться, сказав, что возможны случаи, когда нужны немедленные решения по реализации права на самоопределение.

Например, геноцид в Руанде 1994 г., когда представители народа хуту истребили народность тутси. За три месяца (с 6 апреля по 18 июля 1994 г.) по приказу правительства хуту, по разным оценкам, было убито от 500 000 до 1 000 000 человек (20% населения страны), среди которых тутси насчитывали около 70%. Геноцид был спланирован руандийской политической элитой и непосредственно осуществлялся армией, жандармерией, группировками, которые поддерживались властями и гражданскими лицами. При попустительстве ООН, США, Бельгии, и при активной поддержке Францией властей Руанды.

Для подобных случаев механизм должен быть иной. Он должен предполагать возможность немедленного разделения народов и запуск механизма создания самостоятельного государства. Геноцид является наиболее веским основанием для выхода из состава государства, а образование нового независимого государства является важнейшим условием для выживания нации перед угрозой геноцида. Данная аргументация лежала в основе признания Россией республик Абхазия и Южная Осетия после этнических чисток и попыток насильственного удержания или присоединения Грузией данных регионов.

На уровне международного права должны быть признаны абсолютно неприемлемыми любые попытки как насильственного отделения, так и насильственного удержания в составе единого государства. Любые такие попытки должны быть предметом расследования Международного уголовного суда. Такое же отношение должно быть и к случаям любого вмешательства иностранных государств в процесс становления нового суверенного государства. Даже помощь с их стороны должна быть санкционирована ООН.

Соблюдение этих условий позволит обеспечить полноту прав и свобод всех людей, проживающих на обеих территориях. Но главное, что наличие международного механизма реализации права на самоопределение народов позволит минимизировать сепаратистские движения и их использование в международных отношениях для ограничения суверенитета.

ВОЗДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРНЫХ, РЕЛИГИОЗНЫХ, РЕЛИГИОЗНО-РАДИКАЛИСТСКИХ ИННОВАЦИЙ КАК ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Дохаева Асет Баудиновна,
доцент кафедры философии
ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова,
кандидат философских наук
(г. Грозный)

В условиях современной российской модернизации и глобализационных процессов народы Северного Кавказа испытывают вызовы времени, прежде всего, воздействие культурных, религиозных, религиозно-радикалистских инноваций, которое далеко не всегда позитивно. Встречаются попытки ревизии традиционных этнических культур народов Северного Кавказа, очищения их от языческих компонентов, придания им стерильного характера на основе религиозной унификации.

Этноконфессиональная культура представляет собой единство этнического и религиозного компонентов. От собственно религиозной культуры она отличается относительной самостоятельностью, тесной взаимосвязью с этнической культурой и доминированием в духовной сфере религиозных ценностей, присущих этносу. Этноконфессиональная культура формируется через взаимодействие религиозной и светской сторон культуры.

Особое место в этнической культуре чеченцев занимает традиционный ислам, представленный в виде суфизма, формирующий определенный тип религиозного мировидения, духовно-нравственные ценности, специфические взаимоотношения между верующими.

Современная этническая культура чеченцев в значительной мере основана на исламе, адаптировавшемся к их особенностям, образу жизни и поведению.

Суфийские ценности в этнической культуре чеченцев ориентируют верующего на духовное, нравственное совершенство, поиск пути, ведущего к Богу, бережное отношение к природе, не-

агрессивные отношения между людьми, справедливое устройство общества.

Опора этнической культуры чеченцев на суфийские ценности – явление уникальное для Северокавказского региона и в целом для России. Это дает новый импульс для духовного развития чеченцев, позволяет противодействовать различным формам этнического и религиозного экстремизма. Суфийская культура, получившая широкое распространение среди чеченцев и некоторых дагестанских народов, сегодня представляет собой духовно-религиозный феномен, формирующий нравственные, гуманистические, толерантные качества человека, социальной группы, этноса. Особое внимание этому уделяется в Чеченской Республике, где при поддержке ее главы Р. А. Кадырова регулярно проводятся исламские конференции, на которых обсуждаются проблемы сущности суфизма, его нравственно-гуманистического и миротворческого потенциала, свободы и открытости к цивилизационным сдвигам.

Цивилизационный процесс способствует разрешению противоречий между различными этническими и культурными группами населения, между развитыми и неразвитыми этносами, проживающими в одной стране и находящимися в тесном культурном взаимодействии.

Осмысление культурного прошлого и настоящего этноса важно для его будущего, успешной адаптации к современным глобализационным переменам. Но при этом важно сохранить и не допустить растворения ядровых компонентов (религиозных, нравственных ценностей, обычаев и традиций, языковых и поведенческих установок) этнической культуры.

В современной Чеченской Республике большое внимание уделяется поддержке суфийского ислама, тарикатов кадирийя и накшбандийя, поощряется почитание местных святых, особенно шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Открыт и успешно функционирует Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи Кишиева, который в 2014 г. осуществил первый выпуск квалифицированных специалистов по исламской догматике.

Начиная с 2008 г. в Чеченской Республике ежегодно проводятся исламские конференции, на которых значительное внимание уделяется необходимости укрепления традиционного ислама,

противодействия религиозному радикализму и экстремизму, необходимости изучения суфизма. 28–30 августа 2014 г. в г. Грозный состоялась Международная исламская конференция на тему «Суфизм: безопасность для человека и стабильность для государств», посвященная 63-летию первого Президента Чеченской Республики, героя России Ахмата-Хаджи Кадырова.

В ее работе принимали участие видные богословы из Египта, Йемена, Кувейта, Марокко, Иордании, Сирии, Ливана, Индонезии и других стран. Докладчики в своих выступлениях обсуждали сущность суфизма, формы проявления, его принципы, кораническую основу, актуальные проблемы современного исламского общества. Изучение фундаментальных проблем суфизма, традиционных религиозных ценностей, имеющих миротворческий потенциал, способствующих формированию стабилизации поликонфессионального, полиэтнического общества, очень важно для мусульман Чеченской Республики, а также всей для России.

В годы становления советской власти в Чечне начался процесс вытеснения религиозных представлений у населения и утверждения коммунистических, атеистических ценностей. Этот противоречивый процесс был связан сначала с заигрыванием с духовенством, а затем постепенным усилением борьбы против ислама и его носителей. Советская власть навязывала обществу коммунистические и атеистические идеи, готовила национальные кадры, идеологически ориентированные на борьбу с местными обычаями, традициями, адатами и суфийскими ценностями.

В 30-х годах XX столетия репрессивными органами уничтожены 4 % населения Чечни, значительную часть которого составляло традиционное духовенство. Эта цифра выводится на основе высказывания А. Авторханова, очевидца репрессий против чеченского этноса в 30-е годы XX в. Абсолютное большинство из них не знали светской грамоты и не понимали, за что их истребляют. Чеченцы в изгнании сохраняли свои культурные традиции, обычаи, веру, в самых сложных условиях выстояли физически и духовно. Благодаря вирдовым братствам и их антикоммунистической деятельности депортированным чеченцам удалось сохранить свои обычаи, традиции, духовно-культурные ценности. Очень часто в условиях депортации мнение религиозного автори-

тета для многих из них было значительнее, чем мнение чиновника, видевшего в них врагов государства.

Принадлежность к вирдовым братствам, а в целом и к исламу для чеченцев маркирует их этническую идентичность. Отношение власти к вирдовым братствам было сложным, более того, она усматривала в их деятельности скрытую религиозно-политическую.

Философские исследования, осуществляемые чеченцами в годы советской власти, в основном были посвящены анализу путей преодоления националистических и религиозных пережитков, описанию опыта атеистической работы, раскрытию атеистических мотивов в чеченском и ингушском фольклоре, литературе. Под рубрикой в «Помощь атеистам» в Грозном издавались различного рода брошюры местных авторов, осуществляющих по заданию власти идеологическое противодействие религиозным «сектантам», представителям мюридизма.

В духовной жизни чеченцев, как в прошлом, так и сегодня значительную религиозную роль играют накшбандийские и кадирийские вирды шейхов Ташу-Хаджи, Кунта-Хаджи, Баммат-Гирей Хаджи, Дени Арсанова, Сугаипа-муллы, Али Митаева, Солса-Хаджи, Докку-шайха и др. Их влияние на различные стороны духовно-культурной, политической жизни чеченцев достаточно ощутимо. Уважаемые в народе потомки некоторых чеченских устазов и шейхов нередко принимают участие в разрешении конфликтов между верующими, примирении кровников, поддерживают того или иного политического деятеля.

Многие вирдовые братства были заметны в политических событиях в 90-х годов XX столетия. Несмотря на вирдовую сегментацию мусульман Чечни, ислам здесь все-таки един. Мусульмане Чечни это – сунниты, придерживающиеся шафиитского мазхаба, рассматривающие Коран и Сунну как единый религиозный источник.

В современном чеченском обществе религиозные традиции сыграли очень важную роль, сопряженную с противодействием радикалистским и экстремистским проявлениям. И этот факт до сих пор не осмыслен в должной мере в духовно-культурной жизни чеченского социума.

При определении этнической идентичности религиозный фактор играет значительную, но не определяющую роль. Этничность в чеченской идентичности все-таки остается определяющей, доминантной. Это характерно и для многих народов Северного Кавказа и России.

Специфика ислама в Чечне, равно как и на Северном Кавказе в целом, определяется степенью влияния его базисных принципов на местные этнические культуры. В ходе такого взаимодействия у чеченцев сложилась симбиозная, синкретическая культура, опирающаяся на два компонента – этнический и исламский.

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ НАРОДОВ

Залибекова Айгуль Залибековна,
начальник учебного отдела
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
филиал в г. Махачкале,
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье рассмотрено содержательное становление этнического и религиозного аспектов в российском образовании как выработка у учащихся все обновляющихся понятий о ключевых человеческих добродетелях и качествах. Этот процесс предстает как фактор консолидации и единения народов. У дагестанских народов рассмотренные в статье качества подчеркивают их коллективистский менталитет, что особо значимо в условиях, когда емким и интегральным свойством современного человека предстает межэтническая, межнациональная и межконфессиональная толерантность. Процесс этот продолжается, несмотря на то что реализация этноконфессионального потенциала народов в воспитании молодежи с каждым годом усложняется, встречает на своем пути не только объективные преграды глобализационных тенденций.

Ключевые слова: образование; этнос; ислам; межэтническая и межконфессиональная толерантность; этнокультурный потенциал; противодействие; экстремизм.

Эффективность межнационального и межрелигиозного диалога как важнейшего фактора профилактики религиозно-политического экстремизма зависит от воспитания и образования.

Какова современная картина становления этнического и религиозного аспектов в российском образовании как фактора консолидации народов? На ценностное многообразие этнической культуры обращено внимание в рекомендациях Всероссийской научной конференции «Образование в культуре и культура в образовании» – особо выделен пункт, подчеркивающий, что «общечеловеческие ценности гуманитарного образования существуют в различных формах конкретных культур народов». Но содержательное богатство этнокультуры не освобождает личность от его освоения, одновременно взаимодействуя в духовной жизни с другими культурами и религиями – «это обуславливает необходимость позитивной ориентации, с одной стороны, на культурную идентичность, с другой – на толерантность, необходимость сочетания поликультурного воспитания и этнокультурного образования» [1, с. 231].

В то же время реализация этноконфессионального потенциала народов в воспитании молодежи с каждым годом усложняется, встречает на своем пути не только объективные преграды глобализационных тенденций. Требование времени в образовательной политике – решительный отказ от технологически ориентированного образования, узкого детерминизма и механицизма мышления классического этапа развития науки. В этих объективных условиях ошибочная, непродуманная образовательная политика – основной субъективный фактор игнорирования этнического потенциала в духовной жизни общества. Теоретически осмысливая современные образовательные системы Запада и Востока, С. Жаров основательно критикует европейские и американские модели за отречение от своих смысловых истоков, в том числе нравственных, безудержное стремление к «предпринимательской академической модели». «Мы живем в переломную эпоху. За-

падное образование, кажется, готово навсегда проститься со старыми смысловыми скрепами и устремиться в будущее, не имея надежной духовной опоры. Стоит ли нам идти по пути, в конце которого старые идеалы разбиваются вдребезги, оставляя после себя ни к чему не годные осколки? Конечно, нет» [2, с. 25].

Обратим внимание на этнические и религиозные обычаи и традиции как наиболее значимые для массового обыденного сознания в российских регионах, традиционно заселенных мусульманами. Здесь историческое наследие, исконные традиции на стороне общинных, джамаатских и иных коллективистских тенденций. Хорошо известны из истории Дагестана такие традиции и обычаи народов, как куначество, гостеприимство, побратимство... Эти качества дагестанцев не только подчеркивают их коллективистский менталитет, но и значимы в условиях, когда емким и интегральным качеством современного человека предстает межэтническая, межнациональная и межконфессиональная толерантность.

Этот исторически унаследованный этнокультурный потенциал должен работать для противодействия и профилактики экстремизма. Эта система ценностей должна закладываться в фундамент воспитания личности уже со школьной скамьи. Сегодня становится ясно, что общее образование – не просто звено, предшествующее вузовскому и среднеспециальному образованию, но вполне самостоятельная база для дальнейшей социализации человека. В процессе становления личности подросток осуществляет общественную, коммуникативную и ценностно-ориентировочную деятельность, в которой и происходит формирование мировоззренческих принципов и идеалов. Автоматизма здесь нет – результат может оказаться и отрицательным, привести к формированию интолерантной личности. Нужно целенаправленное управление процессом. Определенные целенаправленные меры, принятые своевременно против общественно-политических угроз, в дагестанской образовательной политике принесли свои плоды в духовном оздоровлении дагестанского общества. Так, предпринятые 10–15 лет назад Министерством образования и науки РД меры, как писал тогдашний его руководитель, по профилактике преступлений среди учащихся, по созданию атмосферы всеобщего осуждения и нетерпимости к идео-

логии экстремизма и терроризма привели к положительным изменениям. Уроки-лекции и классные часы «Когда мы едины, мы непобедимы», «Патриотизм и мужество народов Дагестана в борьбе с терроризмом», «Нет плохих народов, есть плохие люди» и т.п., соответствующая работа учреждений дополнительного образования дали свои позитивные результаты [3].

Религия и образование – две родственные сферы общественного сознания – имеют немало общего в своих социальных функциях. При этом и религия и образование апеллируют к некоему абсолюту – богу или объективированной системе знаний, из которых черпается мирозерцание, мировоззрение и миропонимание. Традиционно утверждается также, что оба института призваны духовно формировать личность, обогащать ее системой нравственных ценностей.

История образования и религии прошла через этап их органической связи. В России секуляризация образования началась с XVIII в., а с начала XIX и в Дагестане появились государственные светские школы, функционировавшие наряду с религиозными школами. Эта политика была обусловлена присоединением Дагестана к России, в которой уже был накоплен опыт светского образования европейского толка. Конечно, вполне понятно, что Российская империя стремилась к созданию единого образовательного пространства, в котором Дагестан значительно больше приобрел, чем потерял.

Анализируя трактат ученого и исламского богослова Абу ал-Фараджа ад-Дербенди «Базилик истин и сад тонкостей», известный исследователь суфизма В. Акаев обращает внимание на самую основную функцию средневекового образования и науки (в представлении мусульманского богослова): «получили знания, но не действовали по ним», «мало пользы от тех, кто не учился, и от тех, кто не стремится быть мягким и терпеливым». Ад-Дербенди наделяет «людей истины» нравственностью, этикетом, обходительностью, силой воли, искренностью в деяниях, справедливостью, воздержанием от пороков, благочестием, скромностью, смирением, свободой, щедростью и великодушием, наблюдательностью, состраданием, безмолвием, правдивостью и искренностью, товариществом, дружбой, рыцарством, сопротивлением плотской прихоти и многими другими добродетелями... [4,

с. 60]. Дагестанский богослов в этих рассуждениях реализует религиозную функцию суфизма по реинтерпретации, по переистолкованию историко-этнических смыслов многих человеческих известных добродетелей, а также перечисляет то специфически новое, что привносится исламом в нравственность.

Особый акцент в исламе сделан на толковании важнейшей для человека добродетели – справедливости. «Когда вы будете судить людей, – говорится в Коране, – то решения надлежит выносить правосудно» [5]. Т. Кафаров отмечает благотворное влияние на моральное поведение предков дагестанцев исламского осмысления общечеловеческого этического принципа «не делайте другим того, чего не хотите себе» – «золотого правила нравственности». По его мнению, очень значимым для формирующихся этносов Дагестана оказалось исламское толкование справедливости – важнейшего социально-нравственного регулятора и ориентира в жизнедеятельности людей, наиболее подробно разработанного в Коране [6, 171]. Шариатское требование «судить справедливо» охватывает и материальные отношения, и возмездие за убитых, и отношение в вере и т.п.

Содержательное становление этнического и религиозного аспектов в российском образовании как выработка у учащихся все обновляющихся понятий о ключевых человеческих добродетелях и качествах предстает как фактор консолидации и единения народов. У дагестанских народов рассмотренные в статье качества подчеркивают их коллективистский менталитет, что особо значимо в условиях, когда важнейшим свойством современного человека предстает межэтническая, межнациональная и межконфессиональная толерантность. Процесс этот продолжается несмотря на то что реализация этноконфессионального потенциала народов в воспитании молодежи с каждым годом усложняется, встречая на своем пути не только объективные преграды глобализационных тенденций.

Список литературы

1. Всероссийская научная конференция «Образование в культуре и культура в образовании» // Философия образования, № 6, 2003. С. 230–231.

2. Жаров С. Н. Образование и образ будущего // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 21–27.
3. Гасанов А. П. Современные тенденции и актуальные проблемы школьного образования // Ежегодник. Региональные аспекты социальной политики. Вып. 11. Махачкала: ДГУ, 2009. С. 22–24.
4. Акаев В. Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты / отв.ред. Г.В. Драч. Изд. 2-е, перераб. и доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. 208 с.
5. Коран. II, 173 / пер. Крачковского И. Ю. Душанбе, 1999.
6. Кафаров Т. Э. Нравственная культура народов Дагестана: Историко-философский анализ. Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2016. 320 с.

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Ибрагимова Аида Ибрагимовна,
магистрант 1-го года обучения

кафедры философии и социально-политических наук
Дагестанского государственного университета
(г. Махачкала)

Аннотация. Современный экстремизм, направленный на дестабилизацию общественных отношений, социальное напряжение и конфликты, – одна из острых и актуальных проблем в мире. Рассматриваются особенности его проявления в молодежной среде, характеризуются его сущностные аспекты, условия проявления, часто формирующие девиантные настроения и соответствующее поведение в обществе. Также определены меры, направленные на их предупреждение.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; экстремальность; идеология.

Молодежь – активная социально-демографическая группа, становящийся субъект общественного воспроизводства, ее соци-

альное положение не является прочным, отсюда неполный ее социальный статус, маргинальность социальной позиции и неопределенность социальной идентификации. Это в определенной мере служит основанием крайней ее восприимчивости к радикальным идеям, а поэтому в среде молодежи всегда были и будут крайне благоприятные условия для развития различных идеологий экстремизма. Некоторые исследователи экстремизм считают формой «радикального отрицания существующих в государстве общественных норм и правил» [1. С. 17] или формой «отчуждения общечеловеческих, общекультурных ценностей»¹ [с. 45]. Под экстремизмом многие исследователи понимают идеологию и практику некоторых течений, групп и отдельных личностей, отрицающих существующие социальные, религиозные порядки. Таким образом, экстремизм представляет собой социально обусловленные формы отклонения от развития экстремального типа сознания и нарушения меры в выборе адекватных моделей поведения, что выражается в приверженности к крайним взглядам и действиям в процессе самореализации [2. С. 19]. Порождается это явление самыми различными факторами: социально-экономическими, деформацией политических институтов, тоталитарным режимом правления, подавлением властями оппозиционных проявлений, стремлением различных общественных групп ускорить и силовыми методами осуществить выдвигаемые ими идеи.

Что касается понятия «экстремальность», то ее «отличает природный, стихийный характер, что проявляется не только в активности человека, но и в активности внешней среды (стихийные бедствия, природные катаклизмы), а также такое поведение, которое в критических ситуациях исходит из единственно возможных решений, обеспечивающих выживание и спасение» [3. С. 85]. Таким образом, под экстремальностью как сущностной характеристикой молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. В форме об-

¹ Некрасова Е. В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 3. С. 93.

щественного настроения экстремальность становится силой, способной захватить и объединить их для достижения определенной цели. Уровень и направленность настроений связаны с изменением социального положения молодежи. Спонтанность, вспыльчивость, эмоциональная неуравновешенность еще не сформированной личности делает молодежь легкой мишенью для лиц, которые желают организовать насильственные действия в отношении власти. Выбор молодежи как основного объекта влияния обусловлен тем, что человека, имеющего жизненный опыт и устоявшиеся взгляды, вряд ли заинтересуют утопические идеи. Однако молодые люди, пытающиеся найти свое место в жизни, всегда ищут возможность реализовать себя. Для них это способ приобрести новые жизненные цели, единомышленников. У них формируется общие ценности, идеи, убеждения, стереотипы поведения. Молодежь, состоящая в экстремистских или террористических группах религиозного характера, представляет собой сплоченную, закрытую от влияния извне социальную группу, каналы коммуникации с обществом у нее ограничены и находятся под жестким критическим контролем. Это значительно осложняет информационную работу в данной среде и требует более четкого знания не только теологии, но и социальной психологии. Можно назвать следующие причины формирования молодежного экстремизма.

- Во-первых, данный феномен объясняется сущностными чертами этого возраста, так, Холл С. определил юность как период «бури и натиска». В это время молодые люди ищут разнообразных новых ощущений.

- Во-вторых, это проблемы поиска идентичности – молодежь начинает игнорировать социальные нормы и ценности и общепризнанные модели поведения в обществе, что ведет к неприязни, перерастающей во враждебность, истоки которой следуют искать в самооценке индивида и оценке социальных групп.

- В-третьих, возможность ухудшения материального положения, проявление социальной несправедливости, отсутствие возможностей для самореализации (например, найти работу, повысить квалификацию или заработную плату).

После начала трудовой деятельности, принятия на себя различных социальных ролей молодым человеком: работника, мужа, отца, – то есть после завершения процесса социализации, экстремальность снижается к тридцати годам, маргинальное поведение присуще в основном лицам, фактически не состоявшимся как личности в обществе, не нашедшим себя в нем. При этом человек может быть вполне успешным бизнесменом, уважаемым членом общества, но подсознательно чувствовать, что он не добился того, чего хотел, не реализовал себя полностью как личность. В этом случае любое значимое для него внешнее событие может послужить толчком к проявлению скрытой экстремальности. А также стоит отметить, что в отличие от экстремальности экстремизм всегда несет с собой личностное начало [4. С. 86].

Огромную роль играет распространенность экстремистских идей в текстах песен, в литературе, в материалах Интернета. Для понимания причин экстремизма стоит изучить причины принятия молодыми людьми таких крайних идей и способов поведения. Трансляция без цензуры современной продукции западной культуры (кинофильмы, музыка, видеоигры и т. д.), в которой пропагандируются насилие, жестокость, культ грубой физической силы и вседозволенности, пренебрежение общепринятыми нормами морали, формирует у подрастающего поколения определенные криминогенные установки, в частности готовность совершить преступления экстремистской направленности.

Сегодня обществу необходимо не допустить распространения молодежного экстремизма. Для этого следует информировать молодежь о наличии учреждений, оказывающих социальную и психологическую поддержку. Особенно важным является создание и распространение системы убеждений и ценностей, которая должна быть нацелена на формирование здорового общественного сознания, в котором бы полностью искоренилась мысль о возможности использования насильственных методов для достижения определенных целей. Следует обратить внимание на то, что работа по формированию толерантности должна проводиться на уровне вуза. В учебных заведениях различных стран показала свою эффективность концепция поликультурного образования. В основе поликультурного образования лежит осознание личностью своей культурной принадлежности и глубокое освоение и

присвоение своей культуры. Поликультурное образование призвано формировать у студентов культуру межнационального общения. Она является органической частью духовной жизни общества, а также общечеловеческой культуры. Формирование культуры межнационального общения в вузе требует решения проблем мировоззренческого и поведенческого уровня. Учеба в вузе составляет основу духовного становления человека, выступая важнейшим условием овладения им человеческой культурой. Поэтому огромная роль в нем принадлежит организации учебно-воспитательной работы по развитию соответствующего миропонимания, развёртыванию толерантных отношений, формированию многонационального коллектива и созданию условий для самореализации личности в нем [5].

Для построения эффективного комплекса профилактических мер молодежного экстремизма необходимо определиться с причинным комплексом и условиями, которые формируют у молодого поколения экстремистские настроения. Исходя из того, что экстремизм вообще и молодежный в частности – это сложное и многоаспектное явление, невозможно определенно и объективно точно назвать исчерпывающий перечень причин и условий, порождающих экстремизм в молодежной среде, поскольку они носят взаимообусловленный и комплексный характер. Комплекс мер должен носить системный и всеобъемлющий характер, помимо грамотной социально-экономической государственной политики, которая должна быть направлена на стабилизацию экономической ситуации в стране, создание условий самореализации молодежи, улучшение условий и рост уровня жизни, необходимо использовать ряд точечных мер, непосредственно воздействующих на молодое поколение, в целях формирования у них идей патриотизма, общекультурных ценностей, толерантности к другим религиям и национальностям.

Список литературы

1. Тишков В. А. О толерантности. Толерантность и согласие. М., 1997.

2. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
3. Томалинцев В. Н., Козлов А. А. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. 220 с.
4. Борисова У. С. Особенности этнокультурной идентификации студентов Саха // Социальные и гуманитарные исследования на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (33).
5. Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 1–10; 2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 1–10.
6. Павлинов А. В. Современные проблемы борьбы с экстремизмом в России // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А. И. Долговой. М., 2010.
7. Ещенко С. А. Меры противодействия проявлению экстремизма в России: постановка проблемы // Общество и право. 2009. № 2.
8. Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
9. Володина Н. В. Особенности экстремизма на религиозной почве // Безопасность Евразии. № 3.
10. Глухарев Д. С. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 135.

**ПОСТРОЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРОФИЛЕЙ НА ОСНОВЕ
ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЦЕЛЬЮ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА
В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Кузнецова Валентина Юрьевна,
ассистент кафедры информационной безопасности
Астраханского государственного университета
(г. Астрахань)

Аннотация. В статье обозначена проблема распространения экстремистских идей в социальных сетях. Рассматривается методика построения цифровых профилей пользователей социальных сетей с целью профилактики воздействия на личность в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: экстремизм; социальные сети; цифровой профиль.

В эру тотальной цифровизации Интернет выступает как неотъемлемая часть жизни общества, становясь основной площадкой для высказывания своей точки зрения по любым вопросам и проблемам, в том числе и общественно значимым, благодаря сохранению анонимности участников информационного обмена, которая в свою очередь также способствует распространению деструктивной информации. Существующие способы распространения идеологии терроризма (статьи, брошюры, семинары по вербовке и т.д.) вытесняются вербовкой в виртуальной среде, особенно в социальных сетях, где о потенциальной жертве можно получить исчерпывающую информацию [6]. Пользователи социальных сетей размещают личные фотографии и видео, описывают сферу интересов, места, которые чаще всего посещают, указывают место работы, образование, делятся и комментируют контент. По всем этим поведенческим маркерам распространители экстремистских идей подбирают потенциальную аудиторию для вербовки, выбирая наиболее подверженных убеждению с точки зрения особенностей их характера.

Аналогичным образом предлагается проводить противодействующую работу: определять среди аудитории тех лиц, которые могут быть подвержены влиянию деструктивной информации и более тщательно с учетом специфики черт характера препятствовать вербовке. Сознательно или нет, пользователи социальных сетей предоставляют данные для оценки их психологического состояния, сообщая достаточный объем информации – начиная от

кулинарных предпочтений и заканчивая проблемами в личной жизни.

Учитывая данный факт, возникает задача выявления таких источников данных, которые позволят определять склонность пользователя к вербовке экстремистскими группировками. Этот вопрос позволяет решить методика распознавания характера [5].

Методика определения характера «7 радикалов» служит для выявления уровня акцентуированности личности. Акцентуацию определяют как дисгармоничность развития характера, гипертрофированную выраженность отдельных его черт, обуславливающих повышенную уязвимость личности в отношении отдельного рода воздействий и затрудняющих ее адаптацию в некоторых ситуациях [3].

Анализ любой активности пользователя страницы социальной сети, будь то комментарии, лайки, репосты или обновление статусов позволяет определить характер личности и его предрасположенность к восприятию деструктивного контента [4]. Для определения акцентуации по каждому типу личности (каждому из семи радикалов) вычисляется итоговый балл:

$$B = \sum_1^n q_n \alpha_n \quad (1),$$

где q_n – показатели активности,

α_n – коэффициент важности показателя.

Для определения характера по поведению личности в социальной сети в расчете учитывается, указаны ли, к примеру, следующие характеристики – дата рождения, номер телефона, образование, члены семьи, предпочтения в музыке, литературе, фильмах. По каждой характеристике имеется показатель ее важности, который находится в интервале от 1 до 2.

При оценке характеристики в социальной сети используется процентная оценка, где 0% – пункт не заполнен, 100% – заполнен максимально подробно и/или оригинально. Остальные параметры (например, отношение к алкоголю и курению, работа, цитаты, а также контент на странице – лайки, репосты, комментарии, подписки) оцениваются в результате семантического анализа. По указанным характеристикам строится цифровой профиль пользователя: иерархическая последовательность расположенных по степени влияния на его поведение радикалов.

Анализ методики позволяет составить перечень наблюдаемых признаков, а также сформировать матрицу, отражающую влияние указанных признаков на степень выраженности в психологическом профиле человека определенного радикала [2]:

$$M = \{m_{ij}\},$$

где $m_{ij} \in [0;1]$ – отражает влияние наличия i -го признака S_i ($S_i \in \{0; 1\}$) на уровень присутствия в психологическом профиле радикала R_j .

Исходя из этого, интенсивность проявления в психологическом профиле j -го радикала предложено определять по формуле:

$$R_j = \frac{1}{N_j} \sum_{i=1}^{N_j} m_{ij} S_i,$$

где N_j – количество признаков, характерных для j -го радикала.

Величина R_j , изменяясь в диапазоне от 0 до 1, количественно отражает интенсивность проявления в психологическом профиле j -го радикала, а при построении цифрового профиля – характеризует степень проявления черт характера, свойственных j -му радикалу [1].

Данная математическая модель была проверена на достоверность. Для этого была собрана экспериментальная группа из 44 студентов в возрасте от 20 до 25 лет, которые представили для анализа свои страницы в социальной сети «ВКонтакте». Данная группа была сформирована из студентов разных специальностей Астраханского государственного университета. Далее психологи, специализирующиеся на методике «7 радикалов», провели индивидуальные собеседования с каждым анализируемым студентом для определения преобладающего радикала в психологическом портрете.

Точность машинного анализа психологического портрета относительно анализа специалистом отражена в таблице.

Радикал	Кол-во испытуемых, по мнению психологов	Кол-во испытуемых по данным системы	Точность
Истероид	7	7	100%
Эпилептоид	6	5	83,3%

Шизоид	5	5	100%
Эмотив	7	6	85,7%
Гипертим	7	7	100%
Паранойял	6	5	83,3%
Тревожный	6	4	66,66%

Допустимая точность идентификации была определена как 80%, и ее удалось преодолеть по 6 радикалам из 7. Сложность с определением тревожного радикала возникла в связи с тем, что представители данного характера более скрытны в соцсетях, и данных для идентификации бывает недостаточно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что методика построения цифрового портрета с помощью данных из социальных сетей достаточно адекватна, но требует корректировок для увеличения точности идентификаций.

Общая идея разработки методики построения цифрового профиля с использованием информации из социальных сетей предполагает: выявление маркеров поведения пользователей в социальных сетях («ВКонтакте», Instagram, Facebook как наиболее популярных в России), позволяющих сформировать психологический профиль с учетом типа характера, и определение значения наборов признаков (например, материальное состояние, общительность, суицидальные наклонности), характерных для людей, склонных к вербовке. Далее с помощью машинного обучения модель в автоматическом режиме будет выявлять, склонна ли исследуемая личность к экстремистской идеологии или нет, и на основании этих данных принимать решение, нуждается ли она в психологической помощи для противодействия экстремистской идеологии.

Список литературы

1. Ажмухамедов А. И. Нечеткая когнитивная модель оценки эффективности работы персонала // [Электронный ресурс]. URL: <http://science.spb.ru/files/IzvetiyaTI/2016/33/articles>

</22/files/assets/common/downloads/publication.pdf> (дата обращения 26.10.2019).

2. Ажмухамедов И. М., Проталинский О. М. Методология моделирования слабоформализуемых социотехнических систем // Искусственный интеллект и принятие решений. – Москва: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», 2014. С. 145–150.

3. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Медицина, 1983. 255 с.

4. Лядова А. С. Противодействие распространению криминальной субкультуры в молодежной среде как составляющая профилактики экстремизма. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rasprostraneniyu-kriminalnoy-subkultury-v-molodezhnoy-srede-kak-sostavlyayushaya-profilaktiki-ekstremizma> (дата обращения 26.10.2019.)

5. Пономаренко В. В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов»). Ростов н/Д : Феникс, 2006. 252 с.

6. Ярмоленко Л. В., Киселева Е. Е., Зубова О. Г., Бочарникова И. С., Миронова Ю. Г. Механизм рекрутирования молодежи в экстремизм: монография / под общей ред. Л. В. Ярмоленко. Астрахань: Издатель Сорокин Р. В., 2016. 310 с.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ЛИЦ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ВИДЕОПОТОКА

Кузнецова Елена Олеговна,
специалист отдела планирования и реализации
образовательных программ Астраханского госуниверситета

Приходько Александр Александрович,
студент факультета цифровых технологий и кибербезопасности
Астраханского госуниверситета
(г. Астрахань)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема использования систем видеонаблюдения в общественных местах. Описан подход для автоматизации выявления потенциально опасных лиц на основе анализа видеопотока. Предложена методика по выявлению признаков потенциально опасного поведения на основе методов профайлинга. Приведены результаты обучения системы по выявлению потенциально опасных лиц в общественных местах. Рассмотрены ограничения применения данного подхода в реальных условиях, сделаны выводы о применимости полученных результатов на практике.

Ключевые слова: распознавание; профайлинг; видеонаблюдение; определение движения.

На современном этапе развития общества, в связи с усилением экстремистской и террористической угрозы, напряженной обстановкой в политической, экономической и социальной сферах жизни обеспечение безопасности является одной из важнейших задач. В частности, целью террористов нередко становятся вокзалы, площади, крупные торговые центры и другие места, где одновременно может находиться большое количество людей. Таким образом, повышение эффективности мер по обеспечению охранных функций в местах большого скопления людей является актуальной задачей.

Одним из самых распространенных способов обеспечения безопасности на объектах стало повсеместное внедрение систем видеонаблюдения. Данные системы позволяют круглосуточно контролировать обстановку в зонах, где они установлены, а также сохранять видеопотоки в архивах на внешних носителях, если понадобится восстановить ход событий уже произошедшего инцидента. Несмотря на все преимущества, которые дают системы видеонаблюдения при обеспечении безопасности на объекте, они все еще обладают рядом существенных недостатков. Один из таких недостатков заключается в том, что количество информации, поступающей с камер видеонаблюдения, – это огромный поток данных, который необходимо анализировать сотрудникам охраны объекта. Возникает проблема полноценной и своевременной обработки и анализа постоянно поступающего потока информации, что существенно повышает риск принятия неверных реше-

ний, а также понижает скорость реагирования на реальные угрозы.

В качестве решения данной проблемы могут быть использованы алгоритмы компьютерного зрения, которые бы позволили автоматизировать процесс обработки и анализа поступающих с видеокамер данных, тем самым снизив нагрузку на операторов. В настоящее время уже используются камеры, способные распознавать в кадре забытые предметы, оружие, проход людей в запретную зону (например, выход на железнодорожные пути), драки и т.п. [1]. Однако практически все рассмотренные ситуации демонстрируют уже начавшуюся нежелательную ситуацию и могут лишь увеличить скорость реакции службы безопасности на инцидент, но не предотвратить его.

В данной работе предлагается методика, основанная на анализе поведения человека в кадре [2]. Также предприняты попытки распознать в его поведении признаки, которые могут быть свидетельством готовящегося противоправного действия со стороны данного лица. Для этого были проанализированы существующие подходы выявления подозрительных лиц из толпы невербальным способом. В качестве такой методики был выбран профайлинг. Данной методикой пользуются правоохранительные органы с целью выявления подозрительных лиц в местах скопления людей.

В ходе выполнения работы решалась задача поиска «выделяющихся» из толпы людей на изображениях с камер видеонаблюдения для сотрудников охранных служб путем автоматической обработки данных из видеопотока. Для этого были проанализированы техники выявления потенциально опасных лиц в профайлинге, выявлены те признаки, которые могут быть определены с помощью камер (шаткая походка, размахивание руками, резкая смена положения тела, удары и прочее [3]), и предприняты попытки обучить систему распознавать данные признаки в автоматическом режиме.

На сегодняшний день имеется система, которая частично может облегчить работу по анализу видеопотока. Работа системы идёт в два этапа:

1) поиск человека на видео и построение графа точек по структуре тела (ноги, руки, плечи, голова) с помощью библиотеки OpenPose [4];

2) анализ графа точек для определения действий человека при помощи модели, которая основывается на библиотеке SciKit-Learn [5].

Этап 1.

Изначально версия библиотеки OpenPose, представленная разработчиками, не подходила для данной работы по причине чрезмерного использования компьютерных ресурсов. Чтобы применить библиотеку в поставленных целях, было принято решение использовать предобученную модель OpenPose под мобильные устройства. Также производилась конвертация изображения до 152 пикселей в ширину и 120 пикселей в высоту для стабилизации изображения видеопотока на выходе со скоростью 15 кадров в секунду против 3 в изначальном состоянии.

Этап 2.

Далее было решено составить датасет из видео, которые используются при обучении рекуррентных нейронных сетей.

Итоговая выборка для обучения выглядела следующим образом:

- 1) 799 кадров с ударами рукой;
- 2) 1220 кадров с обычной ходьбой;
- 3) 1162 кадра с ударами ногой;
- 4) 1033 кадра с бегом;
- 5) 1239 кадров с размахиваниями руками;
- 6) 1703 кадра, где человек стоял.

Рис.1. Построение графа точек человека (этап 1)

В итоге удалось получить видео со скоростью 12–14 кадров в секунду.

Далее было решено убрать демонстрацию графа «скелета» человека для упрощения визуального восприятия, так как постоянные движения многочисленных графов могли запутать наблюдающего.

Упрощение свелось к созданию рамок определенного цвета вокруг человека, изображенного на видео. С помощью библиотеки SciKit-Learn производится анализ графа движения человека, который был получен на этапе 1. Было определено несколько типов действий и их отображений в виде разноцветных рамок:

1) синяя рамка означает, что действия, совершенные человеком на видео, не распознаются;

2) зелёная рамка – действия, которые были распознаны и считаются безопасными;

3) красная рамка – действия, которые были распознаны как подозрительные или потенциально опасные (шаткая походка, размахивание руками, резкая смена положения тела, удары и прочее).

Рис. 2. Отображение различных типов действий (этап 2)

Также было замечено, что на данный момент распознавание действий не всегда корректно. Сильно оказывают влияние на конечный результат пропорции человека, изображенного на видео, и расстояние, на котором расположена камера. При чрезмерно близком расположении камеры увеличивается количество ложных распознаваний допустимых действий, в то время как при слишком далеком расположении камеры система не способна распознать человека на изображении).

Представленная в работе система по выявлению потенциально опасных лиц в общественных местах на основе анализа видеопотока позволяет повысить вероятность обнаружения потенциально опасного субъекта с противоправными намерениями. Использование системы позволит выявить ряд прецедентных состояний и форм поведения, которые рассматриваются как идентификаторы девиантного поведения. В ходе выполнения работы была создана собственная программа для выявления признаков опасного субъекта с использованием совокупности оптимальных решений, ориентированных конкретно на камеры видеонаблюдения. В дальнейшем планируется перейти от модели на базе библиотеки SciKit-Learn к обучению модели на базе нейронных сетей для пространственно-временных систем графов. Применение

данной модели поможет избежать зависимости от пропорций человека при выявлении девиантного поведения, а также повысить точность вычислений.

Список литературы

1. Попов В. Л. Видеонаблюдение в метро как гарант безопасности в транспорте. Транспортное средство и безопасность, Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II, ISSN: 2500-1868

2. Марьенков А. Н. Идентификация пользователя на основе анализа поведенческих характеристик. Вестник СевКавГТИ. 2017. № 4 (31). С. 233–236.

3. Рунаев Р. Ю. Профайлинг как метод выявления лиц, вынашивающих террористические замыслы суицидальной направленности. Вестник ВИ МВД России. 2018. №4.

4. Официальный ресурс библиотеки OpenPose // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://github.com/CMU-Perceptual-Computing-Lab/openpose>

5. Официальный ресурс библиотеки SciKit-Learn // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scikit-learn.org/stable/supervised_learning.html#supervised-learning

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АХМАТ-ХАДЖИ КАДЫРОВА

Курбанов Суньян Хамидович,
руководитель Аппарата ДУМ ЧР
Централизованная религиозная организация
«Духовное управление мусульман
Чеченской Республики» (г. Грозный, Россия)

Акаев Вахит Хумидович,
академик АН ЧР

Религиозная и политическая деятельность Ахмат-Хаджи Кадырова особо проявилась в самый критический период для че-

ченского народа. Группа сепаратистов, возглавляемых Д. Дудаевым, З. Яндарбиевым и др., ориентировала политические силы в Чечне на отделение от России, что привело к политическому конфликту между Грозным и Москвой. Со временем этот конфликт перерос в настоящую войну с использованием бронетехники, самолетов, наносивших артиллерийские, ракетно-бомбовые удары. Все это приводило к гибели не только боевиков, солдат и офицеров, но и мирного населения. В ходе двух военных компаний в Чечне погибли десятки тысяч комбатантов, солдат и офицеров, мирных людей, произошли колоссальные разрушения, на восстановление которых затрачены колоссальные материальные и финансовые средства.

В первой войне в Чечне А.-Х. Кадыров, как религиозный деятель, придерживающийся традиционных для региона суфийских ценностей, был восприимчив позиции свободного развития чеченского народа, который в XX столетии испытал несколько трагедий (гражданскую войну и 13-летнюю депортацию 23 февраля 1944 года). В этот период он отстаивал идею независимости от России, самостоятельного социально-экономического и политического развития, создания независимого Чеченского государства. Однако конкретная практическая деятельность «чеченских революционеров» продемонстрировала их неспособность решать самые простые экономические, социокультурные задачи. Власть, взявшая на себя обязательства, преодолевать все сложности, которые возникали на пути к независимому «светлому будущему», успешно проваливалась. За три года независимости Чечни её население лишилось пенсий, детских пособий, зарплаты, различных социальных льгот, экономического развития. Сложились законы дикого рынка, где честный, порядочный человек не мог выжить, а человек труда, совести подавлялся, в обществе стало доминировать беззаконие, похищались люди, часто совершались грабежи. В дудаевский период представители многих народов, жившие в ЧИАССР не уверенные в своем будущем, покидали республику, уезжали и сами чеченцы в поисках лучших условий для работы, учебы и карьеры.

После второй войны в Чечне широкое распространение получает такое религиозно-политическое течение, как ваххабизм. Были созданы шариатские суды, укомплектованные из числа сто-

ронников ваххабизма, редко сторонники традиционного для региона ислама находились в их составе. Сторонники ваххабизма стали вытеснять из официальной духовно-культурной и политической жизни представителей традиционного ислама, они секулярному обществу настойчиво навязывали шариат и исламские порядки, которые существовали в странах, живших по законам шариата. Против такой позиции выступал муфтий Чечни А.-Х. Кадыров, считавший такие революционные меры преждевременными, не учитывающими социальные, культурные и духовные условия, в которых сформировались и живут чеченцы. А сам такой переход, по его мнению, должен быть постепенным, создавая при этом соответствующие условия. Для этого нужно было строить мечети, организовывать широкое исламское образование, учить мусульман к правильному соблюдению религиозных обрядов, а в целом формировать культуру мусульманского вероисповедания.

Однако религиозные реформаторы в Чечне обвиняли традиционное духовенство в заблуждении, незнании ислама, они предлагали отказаться от традиций и принять «новый ислам», под которым считали ислам, отрицающий мазхабы, суфийские и этнокультурные ценности. Порою дело доходило до того, что они предлагали разрушать святые места - зияраты, посещаемые верующими региона. Настойчивое распространение ваххабитской идеологии и практики, попытки масштабной «реисламизации» чеченского общества детерминировали религиозно-политический конфликт между традиционалистами и сторонниками «нового ислама». В этом вопросе разумная деятельность муфтия Чечни А.-Х. Кадырова воспринималась ваххабитами негативно, а их лидеры, пользуясь своей приближенностью к власти А. Масхадова, все делали, чтобы изолировать его от религиозно-политического влияния в республике и даже осуществляли целенаправленное преследования, совершая покушения на него, в ходе которых гибли близкие ему люди.

Политическое обострение между федеральным центром и Грозным усиливало экстремистскую деятельность исламистов, вынашивавших задачу построения Кавказского халифата, изгнания России с Кавказа военным путем, а для этих целей в Чечню прибыли Фатхи, Хаттаб, Абдурахман, Г. Шашани, которые не

только идейно обосновывали необходимость его построения, но и принимали участие в жестоких военных действиях. Ваххабиты А. Бараев, М. Цагараев, братья Ахмадовы известны как грабители, похитители, убийцы людей. «В Урус-Мартане был создан ваххабитский центр, пользующийся покровительством Басаева и Хаттаба», где молодые люди, чаще всего из неблагополучных семей, ощущающие большие материальные затруднения, подверженные экстремистским идеям, проходили религиозную и военную подготовку¹.

В период правления А. Масхадова, отношение между сторонниками шариатизации Чечни и традиционалистами постепенно обостряются. Критического состояния оно приобрело в 1998 году, когда в г. Гудермес происходит военное столкновение между ваххабитами Б. Кебедова, лидера ваххабизма в Дагестане, и сторонниками традиционных ценностей. В ходе этого погибли десятки молодых людей с обеих сторон. С точки зрения М. Вачагаева, который был пресс-секретарем А. Масхадова, это событие было направлено против масхадовской власти, которую ваххабиты игнорировали, считая самого Масхадова временной фигурой². В начале 1999 года под давлением ваххабитов А. Масхадов своим указом вводит шариатское правление в Чечне, высшим органом власти он объявляет Шуру, во главу которой он поставил себя. А. Масхадов вопреки Конституции Ичкерии сам себя лишает должности президента, совершает государственный переворот³. Тем временем, Ш. Басаев, демонстрируя свою претензию на власть, создает собственную Шуру, таким образом, эти «реформы» привели к двоевластию в Чечне.

А.-Х. Кадыров, отстаивая свою традиционалистскую, а стало быть и антиваххабитскую позицию, обоснованно раскрывал угрозу, исходящую от экстремистов, укрепившихся в Чечне без поддержки З. Яндарбиева. С его точки зрения, было необхо-

¹ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 291.

² Вачагаев М.М. Радикальный ислам в Чечне // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. – М., 2017. - С. 262.

³ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 186.

димо решительно ограничить их влияние на чеченцев, однако масхадовская власть не смогла этого сделать. Навязывание чеченскому обществу исламистской идеологии и практики, постепенное превращение Чечни в центр «северокавказского ваххабизма» и международного терроризма, по мнению А.-Х. Кадырова, представляли угрозу для самих чеченцев, их историко-культурным традициям, мировоззрению, общественному устройству. Более того, хорошо понимая опасность очередной войны для своего народа, он искал пути примирения с Россией. Но политические и религиозные экстремисты в этот период все делали, чтобы этого не допустить.

А.-Х. Кадыров решительно осудил провокационный поход Басаева и Хаттаба во главе ваххабитов в начале августа 1999 года в горный Дагестан. И требовал от Масхадова осуждения этой провокации, не допустить возвращения в Чечню тех, кто напал на Дагестан. Но Масхадов снимает А.-Х. Кадырова с должности муфтия, обвинив его «врагом чеченского народа»¹, а также приказывает подготовить все больницы Грозного для принятия раненных боевиков. Получалось, что А. Масхадов и провокаторы, напавшие на горный Дагестан, находились на одной и той же позиции, на что указывал А.-Х. Кадыров. Понимая, что очередной военный конфликт с Россией неизбежен и будет жестоким, Кадыров пытался все сделать, чтобы его не допустить. Для этих целей им были начаты переговоры с военными, выполнявшие боевые задачи в восточной части Чечни. Тем самым, ему удавалось сохранить от разрушения многие села, что позитивно воспринималось населением, которое давно не видело в режиме Масхадова выразителя своих коренных интересов. Вторая война в Чечне, которую, с нашей точки зрения, можно было бы избежать, оказалась ожесточенной, кровопролитной, разрушительной. Полностью был истреблен г. Грозный, были разрушены многие села, погибли мирные жители и военные. И в этой ситуации для чеченцев, испытывавших насилие, нарушение прав человека, социально-экономический, духовный кризис, потребовался лидер, ко-

¹ Кисриев Э.Ф. Исламские движения и власть на Северном Кавказе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. – М., 2017. - С. 193.

торый выражал бы его национальные и интересы, отстаивал бы их перед лицом военной опасности, от произвола федеральных чиновников. Эти качества в полной мере проявились в характере чеченского муфтия А.-Х. Кадырова.

Став Главой Чеченской Республики, он добился прекращения насилия и незаконных «зачисток» над гражданским населением, нарушения прав человека, добивался возвращения к мирной жизни молодых людей, попавших к НВФ, восстановления экономики и социальной сферы. По истине важной вехой в его политической, государственной деятельности является проведение 23 марта 2003 года Референдума по принятию Конституции Чеченской Республики и возвращении её в правовое пространство России, а также принятия законов о выборах президента и парламента республики. Накануне выборов Президента Чеченской Республики в 2003 году в своей предвыборной программе А.-Х. Кадыров заявлял, что в Чечне будет мир, стабильность и безопасность, сделаем так, чтобы через 50-100 лет война снова не вернулась в Чечню¹. Итоги этого важнейшего политико-правового процесса, безусловно, позитивно отразились на жизнь граждан республики, испытывавших резкое ограничение их конституционных, гражданских прав.

Государственная деятельность А.-Х. Кадырова была сопряжена с решением сложных социально-экономических, политических, культурных, международных задач. В то же самое время он добивался объединения, консолидации разрозненного чеченского народа, нацеливая его на решение общенациональных задач. Прежде всего, нужно было перевести ситуацию в Чечне от военных зачисток к решению гражданских задач, на восстановление предприятий, построение разрушенных школ, вузов, построение больниц, театров, парков и пр.

¹ Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Ахмат-Хаджи Кадыров – основоположник современной государственной власти в Чечне // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность (2-е Кадыровские чтения). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики (г. Грозный, 20 марта 2013 г.). – Грозный: ФГУП «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2014. - С. 8.

Одновременно решалась задача возрождения духовной и этнической культуры чеченцев, осуществлялось противодействие проявлениям религиозно-политического экстремизма, принимались настойчивые меры возвращения к мирной жизни заблудшей части молодежи, оказавшейся с оружием в руках среди комбатантов. Многие из этих задач решались успешно, а потому и явились основой для развития современной Чеченской Республики. А.-Х. Кадырова отличало от других политиков, государственных деятелей то, что ему было чуждо двуличие. Уникальное сочетание религиозного знания и светских наук способствовали формированию у него стойкости, целостного мышления, необходимые для спасения своего народа. Ему удалось вырвать из мясорубки войны чеченцев, и тем самым наметил путь на его мирное и перспективное развитие. Эта максима всегда была путеводной нитью его жизни. Президент Российской Федерации В. В. Путин во время его встречи с Рамзаном Кадыровым 9 мая 2004 года в Кремле дал ему такую характеристику: «Это был по-настоящему героический человек. Всей своей деятельностью он самым убедительным образом доказывал, что нет и не может быть никакого знака равенства между бандитами, террористами и целым народом. Фактически все эти годы он прикрывал собой и Чечню, и чеченцев. И уверенно вел свою республику к мирной жизни. Ахмат-хаджи Кадыров ушел из жизни 9 мая – в день нашего общенационального праздника, в День Победы. И ушел непобежденным»¹.

Ахмат-Хаджи Кадыров, основательно впитавший в себя фундаментальные ценности этнической культуры народа, дух традиционного ислама, являлся глубоко справедливым человеком, а потому из его уст часто звучало – «Дала бакъо толайойла!» («Да утвердит Всевышний справедливость!»).

¹ Заявление на встрече с Рамзаном Кадыровым // Президент России: официальный сайт. 09.05.2004. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22454>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Мамадиева Мадина Хожяхметовна,
старший преподаватель кафедры философии
ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионрщикова
(г. Грозный)

Северный Кавказ – *географический* регион, представляющий собой многообразие этносов, культур и религий, образовавшееся в глубокой древности в силу разных географических и социокультурных обстоятельств.

Любое государство, общество и регион, имеющие этническую и религиозную неоднородность, в целях обеспечения мира и своей безопасности нуждается в достижении толерантности в обществе. Данная проблема особенно актуальна для региона Северного Кавказа, где проживает разное по этническому и религиозному составу население, имеет место межэтническая напряженность и сложная религиозная ситуация.

Этнокультурные процессы, радикально меняя мировое общество, задают новые парадигмы его развития, по-новому высвечивают и проблемы безопасности в силу меняющегося характера вызовов и угроз, с которыми сталкивается человечество, требуют изменения сущности безопасности в нашу эпоху.

В передовых государствах вопросы «жесткой» военной безопасности, сохраняя свою значимость, тем не менее все больше перемещаются из плоскости военного противостояния в сферу соревнования в области высоких технологий. Одновременно увеличивается роль проблем «мягкой безопасности», связанных с экономикой, финансами, вопросами бедности, экологии, межкультурными противоречиями, происходит изменение содержания и самой сути понятия безопасности.

Долгое время в качестве объекта политики безопасности рассматривались лишь военные и военно-политические отношения, а субъекта – государство. Этнокультурное, социальное, экологическое, экономическое, информационное развитие государств и народов, рост количества агентов безопасности обусло-

вили появление новых нетрадиционных параметров безопасности, диктуют необходимость расширительного толкования данного понятия.

Сложившаяся социокультурная ситуация на всем Кавказе получила название «кавказской цивилизации». В кавказоведении часто применяется данный термин. Выявлению сущности кавказской цивилизации в свое время были посвящены статьи В.В. Черноуса, А.В. Лубского, А.Ю. Шадже, Х.Г. Тхагапсоева [1].

В целом эти авторы признают наличие феномена «кавказская цивилизация» и пытаются выявить его социально-экономические, культурные, духовные особенности, связь с востоком и западом, влияние русской культуры.

Россия тратит только на поддержание регионов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа (Чечня, Ингушетия, Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия), миллиарды рублей в год.

Регионы Северного Кавказа отличаются высокой демографической активностью, выделяющейся на фоне общей демографически депрессивной картины в Российской Федерации. За последние 20 лет на Северном Кавказе, в том числе в результате двух войн в Чечне, в значительной мере оказалась разрушена социальная инфраструктура и нарушены сферы социализации молодежи. Миграционный поток, который обладает резкой культурной отличительностью от коренного населения принимающих регионов, является источником конфликтности в регионах. Это ведет к межэтническим конфликтам уже за пределами Северного Кавказа и постепенному формированию социального отделения Северного Кавказа. Рост конфликтности между населением Северного Кавказа и остальной части Российской Федерации, внутри которой формируется социальный заказ на отделение Кавказа, – на сегодняшний день главная проблема российской кавказской политики, носящая общенациональный, а не локальный характер.

Следующий существенный вызов – это обеспечение стабильности и безопасности на самом Северном Кавказе, с чем у федерального правительства из года в год сохраняются проблемы. Наиболее важными для региона являются такие проблемы:

- разделенные российско-азербайджанской границей этносы Дагестана;

- территориальные разногласия между Чечней и Дагестаном, между Ингушетией и Чечней;

- осетино-ингушский территориальный конфликт.

Составной частью кавказской цивилизации является Северный Кавказ с его народами и культурами, которые несколько веков развиваются под влиянием славянской цивилизации, русской культуры, превратившаяся в важнейший компонент социокультурного развития чеченцев, дагестанцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, адыгейцев, ногайцев и т.д.

Нельзя не признать тот факт, что кавказская цивилизация, не являющаяся гомогенной, будучи изначально мозаичной, синкретичной, формировалась под влиянием и религиозных факторов: прежде всего ислама, иудаизма и христианства, что придало ей свои особенности. Понятно, что формирование культуры кавказцев, в том числе духовной, в силу описанных выше обстоятельств не может быть осуществлено только на одной идейной, духовной основе.

Руководство страны старается найти системное решение для Северного Кавказа в рамках стратегии, которую условно можно было бы назвать «стратегия достижения стабильности через благосостояние». Принята стратегия развития Северного Кавказа до 2025 года, обсуждается ее смета, создаются масштабные инвестиционные проекты с иностранным участием, призванные создать дополнительные рабочие места на Северном Кавказе, заинтересовать его жителей в долгосрочной стабильности и изменить общий имидж Кавказа и в глазах местных жителей, и в глазах мировой общественности.

Проблема, однако, в том, что существующая система институтов на самом Кавказе и в Москве создает массу возможностей для коррупции. Поэтому велик риск, что проекты, связанные с широкомасштабным финансированием, в итоге создадут лишь питательную среду для расхищения вложенных средств и такого их перераспределения, которое будет означать косвенное финансирование существующих очагов нестабильности.

Сегодня в молодежной среде проявляются черты, расходящиеся с сущностью, соответствующей кавказскому типу личности, а в целом и культуры, являющейся общей для всех кавказ-

ских этносов. Совершаются поступки, дискредитирующие высокую культуру кавказца, который издревле стремился к совершенству, гармоничному развитию, духовно-культурному возвышению. Не допустить культурной коррозии молодежи – важнейшая задача кавказских этносов.

Невозможно не согласиться со словами Х.Г. Тхагапсоева, полагающего, что «культурный (социокультурный) мир Кавказа в процессах своего исторического развития разработал некие черты “внутренней” (сугубо кавказской) общности, которые позволяют говорить о существовании кавказской (но не евразийской) локальной цивилизации» [2, с. 58].

На основе подобной позиции, а также на основе системы продуманных мер, осуществления постоянно действующего культурного диалога можно и нужно сохранить лучшие этнические и конфессиональные традиции кавказцев. Это позволит укрепить единство народов Кавказа, сформировать кавказскую идентичность, осознать себя как цивилизацию, возникшую на основе материальных и духовных ценностей, длительного, сложного, а порою и трагического исторического пути развития.

Список литературы

1. См.: Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
2. Тхагапсоев Х. Г. Евразийство как методологический принцип и идеологическая доктрина // Евразийский проект: кавказский вектор. Ростов н/Д, 2005.

О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРЫ ПЕРИОДА АББАСИДОВ НА РАЗВИТИЕ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Мамедова Кенуль Абульфаз кызы,
доцент кафедры арабского языка
Бакинского государственного университета
(г. Баку)

Аннотация. С формированием большой группы интеллигенции в лице арабов и неарабов в период Аббаса II в литературной жизни произошло большое оживление, было создано много

ценных научных и художественных произведений. В этот период наиболее важные образцы зарубежной культуры были переведены учеными на арабский язык, что, в свою очередь, привело к формированию новых областей науки. Неарабы, особенно персы и турки, благодаря своему влиянию на политическую власть выдвинулись на первый план в управлении эмиратом, министерствами, халифатом и особенно в военных делах; следует также отметить их культурное и научное влияние. Ряд внешних факторов, включая греческую философию и особенно перевод произведений Аристотеля на арабский язык, оказал значительное влияние на развитие арабской литературы. Таким образом, влияние иностранной культуры на такие направления языка и литературы, как формирование теоретических основ арабской литературы, определение норм и правил для средств литературного выражения в поэзии и прозе, а также развитие арабской лингвистики и так далее, было очевидным.

Ключевые слова: арабская лингвистика; влияние греческой культуры на арабский язык; арабская интеллигенция.

Известно, что появление многочисленных культур в исламском халифате и их взаимодействие с арабской культурой способствовало развитию арабской литературы, и это ощущалось во многих сферах жизни. Филологи проанализировали это влияние [1] в следующих аспектах. В поэзии влияние греков проявилось в следующих направлениях.

1. Арабы, которые в той или иной степени были знакомы с теоретическими идеями и поэтическими примерами греческой литературы из произведений Аристотеля, попали под влияние новой для них культуры, а греческий образ мышления в значительной степени повлиял на содержание, рифмы и размеры их стихотворных произведений. В результате этого некоторые арабские поэты были не склонны использовать слова, которые устарели и были удалены из активного словарного запаса, и вместо этого предпочитали использовать новые, принятые членами общества, слова, понятные всем.

По этой причине истинный арабский стиль и вкус в написании стихов заменяется логикой, рациональным мышлением и философским мировоззрением и побуждает авторов писать стихи с

греческим смыслом. Появились такие известные поэты, как Абу Нувас, Башар ибн Бурд, Ибн аль-Руми и другие [5]. В их поэзии властвуют греческий стиль и образ мышления, и потому в стихах больше отдается места умозрительным рассуждениям.

2. Введение новых греческих выражений и значений в арабскую поэзию, использование притч и слов в поэтических текстах, а также опора на логическое и интеллектуальное мышление значительно повлияли на арабский стиль и структуру изложения, а широкое использование вековых художественных средств отошло на второй план. Вот почему эпоха Аббасидов была похожа на образец стихотворения, исходящего из определенного цвета и оформления, далекого от чувств и переживаний арабской касыды. Абу Таммам добавил философию и логику к своим творениям и затем воплотил это в прозаических стихах. Такой подход уже стал традицией и повлиял на творчество многих арабских поэтов, в том числе Ибн аль-Руми [4]. Все это нашло отражение в теоретических основах арабской литературы и, в частности, привело к развитию «художественной критики», как одного из разделов стилистики.

3. Таким образом, усовершенствование и дальнейшее развитие арабской поэзии привело к изменению формы и содержания поэтических жанров. При написании касыд за основу брались формы песен, исторические летописи, письма-ответы на религиозную тему (рисале), а также молитвы (хутба). В целом влияние иностранных культур привело к возникновению и развитию новых образцов поэзии касыд как по форме, так и по содержанию, что привело к развитию арабской поэзии в новом направлении и стиле.

б) Влияние иностранной, особенно греческой литературы, на прозу включает в себя следующее.

1. Широкое распространение сказаний в виде романтических грез, говоря иначе, сказаний, связанных с суевериями (устными преданиями). Среди произведений, написанных в этом стиле, есть работа «Рисала аль-Гуфран» Абул-Ала аль-Маарри.

2. Появление новой формы прозы, с соблюдением определенной последовательности и регулярности в структуре, на основе применения греческой политической мысли, логических и философских рассуждений к анализу этапов развития общества.

Примером этого являются письмо Аристотеля к Александру Македонскому, трактат, написанный Абдул-Хамидом аль-Кабиби во время войны, и переписка между хатимитами и Аристотелем.

3. Роль греческой политической мысли и поучительных притч в формировании основы нового жанра в арабской литературе.

Нет сомнений, что изменения во многих сферах жизни – в общественном мнении, политике, науке и культуре, и особенно в литературной среде – не могли не повлиять на литературную критику арабов, причем в отличительной по сравнению с более ранними временами (джахилийя, Амавиты и времена Аббаса I) форме, что привело к ее развитию в новом направлении на определенной теоретической основе. Проведенные исследования дают возможность прийти к выводу о том, что литературная критика периода до Аббаса II не была тщательно изучена известными филологами и учеными, не анализировалась на определенных теоретических посылах, и сравнения проводились в устной форме в соответствии с широко распространенными тогда правилами. Во времена Аббаса II философские и логические идеи развивались наряду с древними арабскими правилами и нормами, и ученые уже начали тщательно и строго изучать такие разделы стилистики, как правила, нормы и литературная критика арабского языка.

Благодаря всему этому «литературная критика» периода Аббаса II сформировалась на определенной теоретической основе, и это справедливо считается периодом возникновения арабской литературной критики. Создали, сформировали и развили арабскую литературную критику, которая оказала влияние на развитие арабской литературы и мусульманской культуры в целом периода Аббаса II, Джахиз, Ибн Кутайбе, Аль-Мабрид, Ибн Аль-Мутацца и другие выдающиеся личности. Они усвоили периодическую литературу, культуру, историю, идеологию и художественный стиль Джахилийя, Садри-Ислам, Амавитов и Аббаса I, сравнивая их с греческой, индийской и персидской культурами и тем самым суммировали многовековые художественные взгляды народов мира.

Стабилизация теоретических основ арабской литературной критики, определение ее размеров и норм и ее становление как

науки напрямую связаны с именами Ибн Табатаба аль-Алави, Аль-Амиди, Аль-Кади аль-Джурджанини.

Различные события в общественной жизни Аббасидов способствовали быстрому развитию общества и разделению его на отдельные социальные прослойки. В течение короткого периода времени члены сообщества были разделены на две группы – на тех, кто жил в достатке, и тех, кто жил в страданиях, и которые радикально отличались друг от друга с точки зрения социального, культурного и научного мышления. Рассматривая литературу как зеркало общества, мы можем сказать, что, как и в случае с другими событиями того времени, эти противоречивые, противоположные полярности были широко и ясно описаны в литературе.

Список литературы

1. ابن الأثير. المثل السائر. تحقيق: دكتور أحمد الحوفي ودكتور بدوي. مكتبة نهضة مصر، 2008
2. ابن خلدون ، عبد الرحمن بن محمد : المقدمة ، تحقيق : درويش جويدي دار القلم ببيروت ، 1986
3. آدم ميتز : الحضارة الإسلامية في القرن الرابع ، بيروت ، 1967 .
4. ادريس الناقورى : المصطلح النقدي في كتاب " نقد الشعر " دراسة لغوية وتاريخية ونقدية ، المنشأة العامة للنشر بطرابلس – ليبيا ، 1984
5. ضياء الدين : الكامل في التاريخ ، نشر دار الكتب العلمية ببيروت ، 1987
6. محمد خفاجى : الحياة الأدبية في العصر العباسي ، مكتبة دار الوفاء بالإسكندرية ، 2004

1. Ибн аль-Атир. Расследование: доктор Ахмед Аль-Хофи и доктор Бадави. Библиотека Нахдет Миср, 2008 (на арабском языке).

2. Ибн Халдун, Абдул Рахман бин Мухаммед: Введение, расследование: Дарвиш Джоуиди Дар аль-Калам, Бейрут, 1986 (на арабском языке).

3. Адам Мец: Исламская цивилизация в четвертом веке. Бейрут, 1967 (на арабском языке).

4. Дрисс Накури: Критические термины в книге «Критика поэзии», лингвистическое, историческое и критическое исследование. Государственное учреждение по издательскому делу. Триполи, Ливия, 1984 (на арабском языке).

5. Зиауддин: Полная история, изданная Домом научных книг. Бейрут, 1987 (на арабском языке).

6. Мохамед Хафаги: литературная жизнь в эпоху Аббасидов, Библиотека Дар Аль Вафа. Александрия, 2004 (на арабском языке).

ПРОБЛЕМА НЕКОРРЕКТНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ИСЛАМА С НАСИЛИЕМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Мирзаде Лилия,
заведующая Отделом «Северный Кавказ»
Института кавказоведения
Национальной академии наук Азербайджана,
доктор философии по экономическим наукам
(г. Баку)

Ядром исламской традиции является Коран, в котором наглядно через посланников и пророков проявляются напутствия Аллаха быть сострадательными и милосердными: «Кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям...» [2]

В последние годы многие информационные источники представляют мировой общественности проявления экстремизма и фундаментализма как сопутствующие атрибуты ислама. Тогда как ислам не имеет ничего общего с насилием. Он не может быть причиной возникновения конфликтов, преследований и убийств. В его истории не было терроризма, жестокого обращения с врагами, издевательств и бесчинств, которые совершаются в последние годы «во имя Аллаха».

В реалиях даже половина террористов-смертников, по свидетельствам, были нерелигиозны и совершали злодеяния исключительно из политических или социальных соображений. Такие террористические организации, как Аль-Каида и ИГИЛ (запрещенная в России организация), являются порождением уродливой стороны глобализации. Об этом говорит и нарратив псевдо-

мусульман: «Мы против них. Мы (мусульмане) подвергаемся нападениям», – к которому они обращаются, когда вербуют людей.

Но истинные мусульмане, как физические, так и юридические лица, в разных странах борются за права человека (мужчин, женщин, детей), занимаются благотворительностью, помощью в образовании, проведением различных гуманитарных кампаний, направленных на помощь не только людям, но и животным; вносят свой вклад в развитие общества и прогресс науки. Амина Вадуд – афроамериканский ученый, была одной из первых, кто опубликовал специально предназначенную для женщин экзегетическую работу, в которой утверждается равенство женщин с мужчинами во время создания и с точки зрения религиозных обязательств, в качестве основы для решения гендерных ролей как продукта культуры, а не религии [7, 144 p.]. Эта работа обеспечила существенную поддержку Священных Писаний. В Малайзии она совместно с организацией «Сестры в Исламе», основанной в 1988 г. и зарегистрированной в качестве неправительственной организации в 1993 г., с целью повышения осведомленности о принципах достоинства, равенства, справедливости и свободы, создает общество, которое поддерживает демократические принципы путем более гуманного обращения и защиты женщин. Пакистанско-американская писательница и ученый Асма Барлас сосредоточилась на устранении патриархата из механизмов толкования в пользу эгалитаризма [Barlas A. *Believing Women in Islam: Unreading Patriarchal Interpretations of the Qur'an*. Austin: University of Texas Press, 2002, 254 p.], в то время как иранско-американский ученый Лалех Бахтияр стала первой женщиной, опубликовавшей английский перевод Корана в 2007 г. [4, 768 p.].

26 сентября 2019 г. появился пресс-релиз о том, что ЮНИСЕФ и Исламский банк развития (ИБР) создали инновационный фонд, который откроет новые возможности для мусульманской благотворительности, чтобы охватить миллионы детей, в настоящее время нуждающихся в гуманитарной поддержке, и помочь в достижении целей в области устойчивого развития (ЦУР). Финансирование будет выделено на программы ЮНИСЕФ и ИБР в 57 странах – членах Организации исламского сотрудничества (ОИК), которые были определены как имеющие право на получение

ние пожертвований мусульман, отстаивание основных ценностей ЮНИСЕФ и оказание наибольшего стратегического воздействия на детей и молодежь. Это будет включать поддержку детей в сфере образования, здравоохранения и питания, водоснабжения и санитарии, развития детей в раннем возрасте, защиты и расширения прав и возможностей молодежи.

Будучи ведущим инвестором Фонда, Абдул Азиз Абдулла Аль Гураир, председатель Фонда Абдуллы Аль Гурайра по образованию, сегодня обязался внести в Фонд 10 миллионов долларов США в течение трехлетнего периода. Это обязательство поддержит образовательные программы для беженцев в регионе Ближнего Востока и Северной Африки [6].

Каждый год мусульмане жертвуют миллионы долларов благотворительным исламским организациям, в том числе в Соединенных Штатах, во время священного месяца Рамадан.

Религия предусматривает, что мусульмане должны жертвовать 2,5% своего богатства один раз в год, чтобы помочь бедным и нуждающимся, так называемый закят, арабский термин, означающий «то, что очищает». Хотя закят может быть предоставлен любой благотворительной организации, в том числе немусульманской, три крупнейшие некоммерческие исламские благотворительные группы в Соединенных Штатах получают значительную сумму пожертвований. «Идея состоит в том, что богатые дадут бедным. Это способ приблизиться к всемогущему Богу», – пояснил Белкасем Нахи, региональный менеджер Исламской помощи США в Александрии, штат Вирджиния, крупнейшей некоммерческой мусульманской благотворительной организации в Соединенных Штатах [5]. Подобной деятельностью занимаются Международная исламская благотворительная организация (Кувейт), Всемирная мусульманская лига (международная неправительственная исламская организация, базирующаяся в священном городе Мекка). Примеры исламского гуманизма можно долго еще продолжать, однако данная информация не имеет широкого распространения среди мировой общественности. Духовные практики, являющиеся частью повседневной жизни верующего, имеют такое влияние на мозг, при котором активизируется работа зон мозга, отвечающих за сострадание, эмпатию, сотрудничество, и подавляется работа миндалевидного тела, побуждающего к гневу и

страху. Размышления о Боге, вечной жизни, истории сотворения и знамениях Всевышнего развивают «социальную осведомленность» и подавляют деструктивные эмоции и реакции. Знания о Судном дне, о весах деяний, о воздаянии за совершенное и осознание, что каждое дело записывается, побуждают к нравственному поведению, проявлению ответственности, милосердия и терпеливости. Множество исследований подтверждают, что религия оказывает либо благотворное, либо «нулевое» влияние на верующего. Гуманистические ценности ислама исследованы не полностью, но уже этих результатов достаточно, чтобы понять, что религия не имеет прямого отношения к антиобщественному, деструктивному поведению. Наиболее этот аспект разработан на Западе. Так, американские исследователи Эндрю Ньюберг и Марк Роберт Уолдман представили свою точку зрения на причины фундаментализма. По их мнению, проблема заключается не в религиозном фундаментализме, а в авторитаризме и стремлении диктовать свои идеалы как можно большему количеству людей. Как продемонстрировал другой американец – психолог Ф.Д. Зимбардо – в своем известном эксперименте, с социальной и нейробиологической точек зрения опасно ставить себя в положение ничем не ограниченной власти. Зимбардо произвольно разделит группу здоровых людей на «заклученных» и авторитарных «тюремщиков» и поместил их в воображаемую тюремную камеру. От «тюремщиков» требовалось поддерживать дисциплину и контролировать «заклученных» [1]. Менее чем через 24 часа эксперимент вышел из-под контроля. Происходящее стало напоминать тип поведения, который солдаты США допустили в Абу Грейб, американской военной тюрьме в Ираке. «Таким образом, – утверждает автор, – когда речь заходит о фундаментализме, проблему представляют не религии, даже не авторитарные идеологии, образующие их основу, не являются источником проблем, которые мы видим сегодня в мире. Все дело в агрессивности». Врагами, по мнению автора, которое мы разделяем, является не религия, а гнев, враждебность, нетерпимость, сепаратизм, крайние проявления идеализма, предубежденность, вызванная страхом, будь она мирской, политической или религиозной [1].

Таким образом, в очередной раз напрашивается вывод, что причиной религиозного фундаментализма является вовсе не сле-

дование религии, а личные черты или характер самого человека. Совершение преступлений во имя того или иного блага – это лишь попытка оформить свой гнев в рамку благородства и героизма. Подтверждением данной точки зрения является также и тот факт, что из полутора миллиардов мусульман лишь мизерное число принимает участие в террористической деятельности [1].

Не зря ряд экспертов и религиозных деятелей говорят о неправомерности употребления таких терминов, как «религиозный экстремизм» или «исламский терроризм», как явления, которые в своей сущности противоречат религиозным ценностям. Например, официальные представители религиозных общин России в своих публичных выступлениях стремятся избегать подобных терминов, на употребление которых в некотором смысле наложено табу, заменяя их такими понятиями, как «псевдорелигиозный экстремизм», «экстремизм под религиозными лозунгами» или «экстремистская идеология, использующая религиозную риторику» [3].

Список литературы

1. Гагиева А. К. Истинная причина экстремизма, или Почему ислам не имеет отношения к насилию? https://islam-today.ru/blogi/asya_gagieva/istinnaa-pricina-ekstremizma-ili-pocemu-islam-ne-imeet-otnosenia-k-nasiliu/ 28 июня 2016
2. Коран. Сура 5, 32-й аят.
3. Мельник С. В. Религия, насилие и религиозный экстремизм: актуальные направления исследований. <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-nasilie-i-religioznyy-ekstremizm-aktualnye-napravleniya-issledovaniy-na-materialah-bazy-dissertatsiy-proquest-obzor/> 02.02.2018
4. Laleh B. The Sublime Quran. Chicago: Kazi Publications, 2007. 768 pp.
5. Muslims Give Millions to Islam Charity Organizations in US During Ramadan/ <https://www.voanews.com/usa/muslims-give-millions-islam-charity-organizati-ons-us-during-ramadan/> By Deborah Block June 13, 2018
6. UNICEF and the Islamic Development Bank launc first global Muslim philanthropy found for chidren/ <https://www.google.com/search?source=hp&ei=VBDbXf7hG-SpggfXz6DACg&q>

=unicef+and +Islamic +develop-ment+ bank&oq=UNISEF
+and+Islamik &gs_l=psy-ab.1.0.0i19.18900.66999..
75732...6.0..0.262.5882.1j1j25.....0....1..gws-wiz..... 0..0j0i131 j0i10
j0i13j0i 13 I 30j0i 22i30j0i8i13i3 0j0i10i30j0i22i 10i30j
0i22i30i19j0i22i1 0i30i 1 9 j 3 3i160. 6 Ei9C vqe3p0/ NEW YORK,
26 September 2019

7. Wadud A. Qur'an and Woman: Rereading the Sacred Text from a Woman's Perspective. New York: Oxford University Press, 1999, 144 pp.

ЭКСТРЕМИЗМ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Нанаева Барет Баудиновна,
профессор кафедры философии,
политологии и социологии ЧГПУ,
профессор кафедры философии
ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова,
доктор философских наук
(г. Грозный)

На протяжении всей истории своего существования человечество сталкивалось с разными проявлениями экстремизма и терроризма. Особого размаха это явление достигло в конце XX – начале XXI века. Беспрецедентные по своему проявлению, масштабам и жестокости террористические акты и диверсии получают широкий резонанс во всем мире, вызывая не только справедливое возмущение общественности, но и серьезное опасение за безопасность на планете.

Актуальность проблемы экстремизма обусловлена целым рядом факторов. Один из них – особенности экстремизма как общественно-политического феномена, его способность проявляться в различных исторических формах и под различными лозунгами. Так, в период укрепления царской администрации в России его инициатором выступал сам царизм, в период советской власти – государственный терроризм как тотальная агрессия

власти по запугиванию населения, в период перестройки, начиная с 1985 г., – это уже многообразные формы частного экстремизма и терроризма, вроде рэкета и других форм вымогательства и разбоя, в 90-е годы – организованные преступные группировки и бандформирования.

В соответствии с формой терроризма менялось и отношение к его проявлениям. Так, в период царизма борцов за свободу своего народа никто не называл террористами, так как в большинстве своем это была наиболее активная часть, лидеры народа, доведенного до отчаяния различного рода притеснениями: этнического, социального, экономического характера, и вообще бесчеловечными условиями существования. Они были бескорыстны в своих стремлениях, и в основе их действий лежали мотивы чисто идеологического характера. Поэтому в массовом сознании как своих соотечественников у себя на родине, так и за ее пределами, они ассоциировались с романтическим идеалом своего времени. Таковы были образы Шамиля, абрека Зелимхана и др.

Кроме того, изучение этого явления приобретает не только научное, но и важное практическое значение. Так, понятие «терроризм» стало самым эксплуатируемым в политологии, конфликтологии, социологии, психологии. Но все же научное направление, которое получило название террологии [9], находится в стадии формирования и, к сожалению, не стало самостоятельной научной дисциплиной, хотя могло бы стать востребованным учебным курсом.

Актуальность проблемы определила цель исследования: на основе сравнительного анализа исторических событий XIX – начала XX в. рассмотреть некоторые аспекты генезиса экстремизма и терроризма в России и дать им по возможности научно обоснованную оценку.

В этих целях нами решаются следующие задачи:

- рассматривается политика царизма по установлению российской администрации на территории Кавказа как импульс зарождения экстремистских и террористических настроений;

- обосновывается экстремистская и террористическая сущность политики царизма по покорению народов Кавказа;

- рассматриваются различные средства и методы 100-летнего противостояния народов Кавказа царизму как радикальные формы проявления политического экстремизма.

Проблема экстремизма и терроризма в царской России популярна среди отечественных и западных ученых. Этой проблеме посвящены научные работы как российских, так и зарубежных авторов, рассматривающих данное явление с различных позиций: от воспоминаний бывших революционеров и их современников до солидных монографий, посвященных революционным движениям в России XIX – начала XX в.

Есть точки зрения, которые полярно расходятся. Так, как специфическое явление, свойственное сугубо российскому революционному движению, рассматривается воздействие терроризма на российское общество и власть в монографии О. В. Будницкого – «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.)» [2, с. 383].

В монографии впервые в отечественной историографии предпринимается попытка выработать концепцию истории терроризма в российском освободительном движении этого периода.

Роль терроризма в первой русской революции раскрывается и в работе профессора Бостонского университета историка Анны Гейфман «Революционный террор в России, 1894–1917» [6, с. 448]. Но в ней с тенденциозной подачи автора российские революционеры предстают некими уголовниками с радикальными взглядами.

Формируя общую концепцию истории терроризма в России, несколько преувеличивает роль и влияние терроризма на развитие российского общества и американский ученый Н. Неймарк в своей работе «Терроризм и падение императорской России».

Концептуальное значение для изучения идеологической и пропагандистской деятельности радикальных кругов второй половины XIX в. имеет документальная публикация «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый» под редакцией Е.Л. Рудницкой [13, с. 576].

С точки зрения выявления закономерностей становления и развития терроризма в России XIX в. важны работы Ю. М. Антонян, А. И. Гушер, А. Г. Сидоренко, А. И. Долгова, С. А. Денисова

[1, с. 320, 118, 106–116]. Вопросам политического терроризма посвящены работы Е. Г. Ляхова, П. А. Кабанова, А. С. Грачева [10, с. 37–42, 192].

В целом, посвящая свои работы изучению феномена политического экстремизма и терроризма в России XIX в., многие исследователи обходят проблему генезиса терроризма как феномена формирования российского многонационального государства. А между тем Россия сегодня – это мозаика из более чем 130 народностей – этнических лоскутков, некоторые из которых насчитывают несколько миллионов, а другие – всего несколько тысяч человек, образовавшаяся в результате 400-летней экспансионистской политики, проводившейся царизмом на территории от Тихого океана до Кавказа.

Выбор темы статьи потребовал внимательного отношения к трактовке самого понятия «терроризм». Понятие «terror» – ужас – можно найти еще у Аристотеля, он определяет его как особый вид ужаса, который овладевает зрителями трагедии в греческом театре. А первые террористические группы появились в Палестине в 66–73 гг. н.э. Это были секты сикариев, которые ножами или маленькими кинжалами (сиками), носимыми под одеждой, убивали членов династии Иродов. Причем делали это исключительно днем, в толпе, во время праздника. Кроме убийств, сикарии жгли зернохранилища, дворцы, разрушали водопроводы и т.д.

В современном понимании понятие «террор» стали употреблять в эпоху Просвещения. Оно происходит от французского «la terreur» – страх, ужас. Во время Французской революции 1791–1794 гг. якобинцы первоначально применили этот термин по отношению к себе с положительным оттенком, но затем, когда это слово приобрело отрицательный смысл, стали называть таковыми своих политических противников.

В русской лексике оно дано в толковом словаре В. И. Даля как «...устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [7, с. 401], а у С. И. Ожегова как «физическое насилие вплоть до физического уничтожения по отношению к политическому противнику» [11, с. 691].

Как мы видим, в современной политологии не существует единого определения феномена терроризма в силу его сложности

и неоднозначности. В литературе существует более 100 определений терроризма и два подхода к его исследованию. Первый подход, биологический, связывает терроризм с «насильственной» природой самого человека, «естественным» стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства. С точки зрения второго, социального подхода, определяющее значение имеют общественные процессы и политические цели.

Но во всех определениях ключевым остается понятие «насилие» или угрозы его применения для достижения своих целей. В контексте поставленной проблемы – многолетнего противостояния российских вооруженных сил и народного движения теоретическое осмысление понятия «терроризм» имеет важное концептуальное значение. При всем многообразии предложенных трактовок, его ключевыми характеристиками является «угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания» [14, с. 6–7]. Актуальны также следующие высказывания: «Терроризм – это синтез войны и действий с эффектом театра, драматизирующих наиболее запрещенные виды насилия, которые совершаются на невинных жертвах перед массовой аудиторией в надежде создания всеобщего ощущения опасности в политических или социальных целях» [5, с. 8]; «не существует “общей научной теории” терроризма. Общая теория а priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений» [15, с. 5].

Различия заключаются в основном в конечных целях терроризма: в разрешении или социально-политических, или национальных, или религиозных, или экономических, или этнических конфликтов. Причины также зависят от конкретной ситуации. Поэтому важно отметить, что, независимо от формулировок терроризма, некоторые из них позволяют провести параллели между терроризмом и различными формами политических выступлений, таких как революции, политический протест, национально-освободительное движение, восстание, массовые беспорядки, а также целенаправленная экспансионистская политика, проводимая государством по отношению к своему или другому народу.

Кроме того, деяния, которые оцениваются как экстремистские и террористические, зависят от политического режима в конкретной стране. В связи с этим допускается, что каждый исследователь вправе решать сам, «что следует считать террором» исходя из изучаемого явления и опираясь на собственную научную интуицию. Так, если в одних государствах политическая оппозиция – это условие его успешного функционирования, то в странах с тоталитарным режимом любая критика политического режима, официальной идеологии и тем более создание оппозиции считается политическим преступлением, покушением на власть с экстремистскими намерениями.

Но в любом допустимом случае ключевым понятием в характеристике терроризма, как мы уже отмечали, неизменно остается насилие. Поэтому, не принимая за основу исследования универсальные дефиниции терроризма, здесь наиболее допустимо использование критериев, наиболее адекватно отражающих сущность социально-политических событий на Кавказе в XIX в., – социальный, политический, этнонациональный и религиозный протест горцев насильственному установлению российской администрации на Кавказе. Эти исторически обусловленные события сопровождалось противостоянием субъектов конфликта по принципу взаимного устрашения – насилием, коварством, подкупом и т.д., то есть всеми средствами, которые находятся в арсенале терроризма. Квалифицированной российской армии, использовавшей опытные средства и методы ведения военных действий для защиты интересов государства, противостояли разрозненные этнические группы, вооруженные идеологией ислама и борющиеся за свободу и независимость, защиту родной земли и социокультурную идентичность.

Непримиримость в борьбе царизма и горцев Кавказа объяснялась тем, что каждая из сторон защищала ценности экзистенциального значения, то есть являющиеся условием их дальнейшего существования. Это противостояние, меняя лидеров, масштабы и формы проявления, казалось бесконечным, пока проблему решила, точнее сказать, «закрыла», революция 1917 г. Но, судя по затяжному характеру, масштабности и глубине противостояния борющихся сторон, сила действия вызывала равную силу противодействия.

Этнический фактор противостояния стал мощной защитной реакцией на проникновение российского владычества на Кавказ. Он был основан на глубоком чувстве национальной гордости за все то, что составляет понятие «Родина». А катализатором этих движений выступил религиозный фактор, углубляя остроту противостояния, максимально ограничивая возможности примирения сторон, расширяя его масштабы и переводя в затяжной конфликт, втягивая в его орбиту многие народы и многие поколения этих народов. Идеологической основой выступлений стала идея суверена национальной идентичности, которая понималась в неразрывном единстве этнического и религиозного в самосознании горцев. Она придавала этим движениям героический, особо притягательный ореол борьбы за свободу и независимость.

Кроме этих факторов, важную деструктивную роль в обострении противостояния России и народов Кавказа сыграли следующие обстоятельства:

- отсутствие взвешенной национально-культурной политики царизма, учитывающей особенности и специфику менталитета этносов, ограничение прав и свобод народов, населяющих Кавказ;

- неопределенность и неустойчивость политического курса, периодически сменявшегося с централизма на регионализм, и наоборот;

- восприятие самобытности этих народов как цивилизационной «недоразвитости» и стремление приобщить эти народы к чуждой им культуре.

Но при всей значимости этих факторов начало вооруженного столкновения и его углубление изначально было обусловлено агрессивностью, бескомпромиссностью и жестокостью средств и методов «диалога» царизма с народами Кавказа по поводу их «добровольного» вхождения в состав России.

В этих условиях раскол общества – вполне закономерное явление. Определенная часть населения Северного Кавказа, принимавшая непосредственное участие в военных действиях, а также их семьи, не могли смириться с поражением и решились покинуть землю, ставшую, как они считали, достоянием «неверных», то есть становились **мухаджирами**. Другая, немногочисленная по составу, но наиболее агрессивная часть населения Кавказа про-

должила свой социальный и политический протест российской экспансии на Кавказе в форме абречества. Несомненно, многие из них, чтобы найти сочувствие и поддержку среди населения, прикрывали этой оболочкой свои истинные грабительские намерения и действия. Еще менее значительная часть населения Кавказа формирует этнические элиты в лице купечества, промышленников, деятелей просвещения и культуры, офицерства, которые с удовлетворением отнеслись к российскому владычеству на Кавказе, как к единственно возможному пути дальнейшего развития народов. А основная масса населения постепенно адаптировалась к новым реалиям.

Своеобразной формой политического и социального протеста, принесшего физическую гибель и моральные страдания многим кавказцам мусульманской веры, стало **мухаджирство**. Логическое продолжение и завершение социально-политическое и этническое противостояние на Кавказе нашло в абречестве.

Слово «абрек» иранского происхождения: персидское *aparak* – бродяга. Но в кавказские языки оно вошло как «абрег» на осетинском языке, в чеченской и ингушской лексике – «обург» и т.д. В некоторых языках Кавказа оно даже не утратило свою изначальную форму. Так, в Дагестане апарагами называли простых переселенцев. У народов Северо-Западного Кавказа так называли дворян и князей, которые были изгнаны из общества за какой-либо проступок и нашли пристанище за пределами своей общины.

Во время и после Кавказской войны, попав в русский язык, оно обрело свой современный негативный смысл. Так, в словаре В. Даля 1880 г. издания это слово утратило свой изначальный смысл «бродяга» и определялось как «разбойник, беглец, грабитель». Хотя справедливости ради следует отметить, что в начале XX в. значение этого социального явления обретает романтический оттенок. Абреками стали называть «кавказских мстителей», защищающих честь и достоинство своего народа.

Неоднозначен подход к абречеству и у обществоведов. Первое слово в его оценке принадлежит чеченскому революционеру Асланбеку Шерипову, который в начале XX в. писал: «Особенную окраску абречество приняло после окончательного утверждения царской власти на Кавказе. Несоответствие русского суда

и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставляли многих сильных личностей из... кавказцев становиться на нелегальное положение... Их продолжали преследовать, и для успешной борьбы с вредным элементом ввели систему круговой поруки. От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или даже просто односельчанами “преступника”... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решившихся на все... Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях» [16, с. 151].

А.И. Хасбулатов и А.К. Джанаев определили абречество как разновидность крестьянского движения, направленного против социального и национального угнетения: абреки выступали против произвола беков, князей, царской администрации, защищали бедных крестьян.

В советской историографии, особенно раннего советского периода, абречество рассматривается как одна из форм классовой борьбы, как явление прогрессивное. Представители этого направления видят в абречестве разновидность национально-освободительной борьбы горцев. Его сторонники доказывают, что абречество – это вынужденные ответные действия горцев на колониальную политику России на Кавказе. Эту точку зрения, конечно, в разной ее интерпретации, развивали Н. И. Покровский, В. К. Гарданов [12, с. 188, 56, 245–249]. Солидарность с ними проявляется у западных исследователей-кавказоведов. Наиболее убедительно эта позиция прослеживается в работах А. Беннигсена [3], который рассматривает кавказское абречество как прогрессивное антиколониальное движение, поддержанное всем горским обществом.

Позднее это отношение к абречеству изменилось. Учитывая криминальный характер действий абреков – убийства, вооруженные грабежи, захват заложников с целью получения выкупа и т.д., сторонники этого отношения считали абречество профессиональным бандитизмом, присущим «примитивному горскому

обществу». Этот подход стал господствовать в середине XX в. и возродился в работах осетинского историка М. М. Блиева в 80-е годы, который увидел в этом явлении отсталость горцев, стоящих на первобытной стадии «военной демократии» [4, с. 37–109].

Как мы видим, противоречивость оценок исследователей напрямую зависит от политических предпочтений исследователя. Большинство современных кавказоведов придерживаются точки зрения, что абречество на Северном Кавказе стало защитной реакцией горцев против колониальной экспансии России, грубого вмешательства в их традиционный быт, культуру и религию, являющиеся неприкосновенной ценностью этносов, бесцеремонное попрание их ментальных ценностей.

На наш взгляд, если мы позволим себе дискутировать с известными специалистами в изучении этой проблемы, абречество нельзя сводить ни к одной из этих моделей социального протеста. Вряд ли его следует отнести и к какой-либо форме политической или классовой борьбы. Абрек – это продукт, как говорится, «штучный». Действительно, абреками называли мстителей за нанесенные обиды, борцов за народное счастье, которые действовали по принципу «отними у богатого, отдай бедному», отверженных обществом за какую-либо провинность, ожесточившихся на весь мир. Но все же жизненный выбор абречества определял мотив личной, ничем не восполнимой обиды. Отчаявшись добиться справедливости, человек становился одиноким мстителем. Облик абрека формировала специфика его индивидуальных психологических и физиологических качеств, нравственных, социальных и политических пристрастий. Ведь не каждый обиженный член общества становился абреком.

В период Кавказской войны деятельность ряда абреческих групп обрела протестный характер – по отношению к политике и идеологии царизма по колонизации их родины, эскалации военной силы, против угрозы потери этнической и религиозной идентичности. В отличие от участников Кавказской войны, вступивших в открытый бой с вооруженными силами России, абречество не имело ни организованности, ни стратегической цели, ни определенной тактики.

Поэтому политическое абречество, в отличие от грабительского, или абречества мщения и др., если брать за основу его мо-

тивы, скорее всего, следует называть «бунтарством». Но следует заметить, что методы их мало чем отличались. Их бунтарство привлекало как Шамиля, так и российское командование, которые в любом удобном случае пользовались их услугами. Так, «по заказу» они жестоко выжигали непокорные для той или для другой стороны селения, уводили в плен их жителей, крали или уничтожали их имущество. Политические взгляды вряд ли имели значение. Несмотря на мотивы, цели и жизненные позиции, действуя в одиночку или небольшими группами, вставшие на этот путь убивали и грабили. Поскольку часть отобранного имущества они распределяли среди бедных крестьян, последние помогали абрекам скрываться, отчего те становились неуловимыми. Поэтому в представлениях горцев сформировался образ абрека-героя – защитника простого народа, воплощение веками сложившегося стереотипа достойного члена общества, который не забывает оскорбления и не прощает унижения.

Таким образом, истоки современного терроризма и экстремизма в Чечне и Северном Кавказе уходят в прошлое: к опыту решения социальных и межнациональных проблем, в котором немало политических ошибок и промахов, к исторической памяти, которая хранит обиды на невозполнимые потери.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Этнорелигиозный терроризм М.: Аспект Пресс, 2006. 320 с.; Гушер А. И., Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества http://www.e-journal.ru/p_euro-st3-3.html; Сидоренко, А. Г. Терроризм и анти-террористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики / А. Г. Сидоренко, Ю. В. Тихомиров. М.: Кучково поле, 2011; Долгова А. И. Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом. Монография. М.: РКА, 2006. 118 с.; Денисов С. А. Реставрация административной социальной системы в России. Россия и современный мир. 2005. № 4(49). С. 106–116.

2. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2016. 383 с.

3. См.: Bennigsen A., Lemerrier-Quellejays Ch. Le soufi et le commissaire. Les confreries musulmanes en URSS. Paris, 1986.

4. См.: Блиев М. М. Кавказская война, социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2; Блиев М. М., Дегоев В. Кавказская война. М., 1994. С. 37–109.

5. Василенко В. И. Терроризм как социально-политический феномен / В. И. Василенко; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2002. 218 с.

6. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с. (Серия «Экспресс»).

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. С. 401.

8. Демин В. А. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства / В. А. Демин. Екатеринбург: УЮИ МВД России, 2001. 41 с.; Литвинов Н. Д. Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк / Н. Литвинов, А. Литвинова // Новый мир. 2003. № 11. С. 12; он же: Самодержавная власть и антигосударственный террор в Российской Империи / Н. Д. Литвинов // История государства и права. 2000. № 1. С. 8–11; Панова Н. Ю. Терроризм и террор в России XIX – начала XX века: Понятие и сущность / Н. Ю. Панова // История государства и права. 2001. № 1. С. 4–8; Смирнов М. А. Политическая полиция и политический терроризм в России. (Вторая половина XIX – начало XX веков) / М. А. Смирнов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. С. 26; Хлобустов О. М. Из истории борьбы с терроризмом в России в XIX – начале XX веков. Историко-криминологический аспект борьбы с терроризмом / О. М. Хлобустов // Оперативник (сыщик). 2006. № 1. С. 28–35; Цуканов В. Н. Некоторые причины, способствующие развитию терроризма в России / В. Н. Цуканов // Российская система противодействия терроризму: проблемы, механизмы реализации и перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2005. Ч. 1. С. 20; Митяев Е. А. Зарождение терроризма в России во второй половине XIX века // Общество и право. 2008. № 3.

9. Которое исследует явление терроризма, его специфику, детерминанты и систему борьбы с ним.

10. Ляхов Е. Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М.: Международные отношения, 1987. 181 с.; Кабанов П. А. Политический терроризм как разновидность криминального политического экстремизма: понятие, сущность, виды, перспективы познания // Следователь. Федеральное издание. М., 2006, № 9. С. 37–42; Грачёв А. С. Тупики политического насилия: Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М.: Международные отношения, 1982. 192 с.

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 691.

12. Покровский Н. И. Обзор источников по истории имама-та. М., 1939. С. 188; Гарданов В. К. Общественный строй... С. 56; он же: Национально-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Материалы конференции. Махачкала, 1994. С. 245–249.

13. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Ред. Рудницкая Е.Л. Документальная публикация: М.: Археографический центр, 1997 г. 576 с.

14. Цит. по: Terrorism: Theory and Practice // Там же. С. 6–7.

15. Цит. по: The Terrorism Reader: A Historical Anthology. // Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. С. 5

16. Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1990. С. 151.

ПРАВСТВЕННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Рамазанова Саида Ракиповна,
старший преподаватель
кафедры онтологии и теории познания ДГУ,
кандидат философских наук
(г. Махачкала)

Аннотация. В данной статье выявлено, что информационное общество характеризуется интенсивными трансформациями, обусловленными широкой экспансией информации, симулякризацией и виртуализацией информационного пространства, изме-

нением нравственных норм коммуникации. Одновременно происходит снижение ценности личности за счет доминирования утилитарных и прагматичных аспектов в сфере коммуникации и обладания информацией. Отмечается, что критерием позитивного содержания и направленности нравственных императивов являются высшие ценности, которые, будучи по сути «вечными», в разные периоды развития общества претерпевают своеобразную трансформацию.

Ключевые слова: информационное общество; нравственные императивы; манипуляция сознанием; информационные технологии; современная личность.

Abstracts. This article reveals that the information society is characterized by intensive transformations caused by wide expansion of information, simulation and virtualization of the information space, change of moral norms of communication. At the same time, the value of the individual is reduced by the dominance of utilitarian and pragmatic aspects in the sphere of communication and possession of information. We noted that the criterion of positive content and orientation of moral imperatives is higher values, which, being in fact "eternal," undergo a kind of transformation during different periods of society development.

Keywords: information society; moral imperatives; manipulation of consciousness; information technology; modern personality.

В современном обществе происходят глобальные изменения, связанные с усилением роли информатизации, созданием новых информационных и коммуникационных технологий, способных открыть человеку перспективу для осуществления различных видов деятельности.

Исследователями констатируется, что современная цивилизация вступает в новое качественное состояние – информационное общество. Существующие разнообразные подходы, оценки и прогнозы становления информационного общества в основном отражают общую идею: с одной стороны, появляются дополнительные возможности для социального и экономического прогресса, а с другой – наблюдается обострение проблем, связанных с зависимостью человека и общества от информационных технологий. В условиях свободного доступа к информации личность

получает неограниченные возможности для самореализации и раскрытия собственного творческого потенциала. Вместе с тем дистанцированность информации от ее потребителей, доминирование сетевой коммуникации повышают степень негативного влияния на личность со стороны информационных технологий.

В работах современных исследователей информационного общества указывается на глубокие нравственные проблемы, возникшие в связи с информационно-технологическими вызовами, внимание акцентируется на том, что информационная насыщенность общества пагубно влияет на его духовно-нравственное состояние. Данное обстоятельство настоятельно требует обращения к изучению общечеловеческих нравственных ценностей, которые всегда воспринимались человеком как императивы и выступали в качестве нравственных регуляторов социализации личности. В контексте вышеизложенного особую актуальность приобретает социально-философское исследование ценностных оснований нравственных императивов и их трансформации в условиях информационного общества.

В ситуации перехода к информационному обществу не менее важным является изучение вопросов, связанных с влиянием информационных технологий на духовный мир личности, исследование противоречий между традиционными нравственными ценностями и ценностями информационного общества. Обращение к проблеме нравственных императивов продиктовано не только научными интересами, но и потребностями практического характера. Информационная среда формирует определенные мировоззренческие приоритеты и инициирует переоценку ценностей, что в результате приводит к изменению нравственных характеристик личности. Современная личность подвергается манипулированию со стороны информационных технологий, оказывается перед угрозой утраты смысло-жизненных ценностей, остается наедине со своими сомнениями и противоречиями. В данной ситуации нравственные императивы превращаются в мощный фактор преодоления все более углубляющихся нравственных проблем. Нравственные императивы представляют собой культурно-исторические феномены, выражающие систему смыслообразующих характеристик и ориентаций личности на выбор приоритетных нравственных ценностей и целей, превра-

щение их в регуляторы социокультурного бытия человека. Именно высшие нравственные ценности должны выступать в качестве регулятора информационного взаимодействия, наполняя коммуникационные процессы нравственным смыслом.

О негативном влиянии информационных технологий на сознание и психику человека также пишет С. Г. Кара-Мурза в работе «Манипуляция сознанием», где он характеризует базовые механизмы манипуляции, посредством которых разрушаются традиционные ценности, личность теряет способность к диалогу, нивелируется возможность контролировать волю и самосознание.

Манипуляция определяется автором как «способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении» [1, с. 34]. Исходя из этого очевидно, что процесс манипулирования сознанием относится к явлениям социального порядка, в котором информация рассматривается в качестве базовой субстанции. В обществе, в котором манипулятивные технологии достигли гигантских масштабов и стали неотъемлемой частью существования ничего не подозревающих людей, информация – далеко не безобидная вещь. С. Г. Кара-Мурза отмечает, что манипуляция сознанием и поведением человека как технология используется различными профессиональными работниками, невзирая на их нравственные принципы, идеологию, эстетический вкус. Проникновение манипуляции во все сферы жизни разрушает нравственные основы личности, делает общество морально дефектным, что способствует культурному кризису, преодоление которого «возможно лишь в том случае, если мы вновь обретем культурную идентичность, овладеем новой ситуацией в нашем духовном пространстве и восстановим присущие нашей национальной культуре координаты для ориентации в вопросах добра и зла» [2, с. 34].

Примечательно, что на негативные свойства информации, которую можно использовать как орудие манипулирования сознанием, впервые указывает К. Ясперс: «...если исчерпывающие сведения вначале давали людям духовное освобождение, то теперь распространение информации обратилось в господство над

людьми посредством контролируемых сведений» [4, с. 138]. Здесь важно сфокусировать внимание на следующих моментах. С одной стороны, благодаря интенсивному развитию информационных технологий формируется новая социальная система с высоким уровнем социальной мобильности. Преимущество состоит в том, что данный вид социума способствует быстрой адаптации личности к информационным реалиям. Е. В. Поликарпова считает, что современные информационные технологии, в том числе электронные массмедиа, формируют совершенно новый тип личности, который можно охарактеризовать «как Homogelius – человек желеобразный» [3, с. 62].

С другой стороны, в недрах информационного общества рождаются нравственные проблемы, которые негативно влияют на моральное самочувствие личности. Таким образом, проблемы информационного общества можно охарактеризовать как своеобразный вызов традиционной нравственности и культуре, который вскрывает главное противоречие: между техническим развитием и нравственностью. В сложившейся ситуации необходимо актуализировать этические проблемы, которые затрагивают нравственное состояние и духовные запросы современной личности.

Проблемы, которые характеризуют нравственную сторону современного информационного общества, могут быть представлены в виде следующих противоречий: между высокой степенью информированности людей и недостоверностью информации; между избыточностью информации и ее бессмысленностью; между доступностью и недоступностью информации; между свободой слова и манипуляцией сознанием.

Проблема, которую можно назвать одной из болевых и в связи с этим на передний план должна выступать этика ответственности, – это проблема недостоверности информации. Сложность состоит в том, что она не может быть решена только с помощью каких бы то ни было информационных технологий, эта проблема укоренена в нравственной природе человека. Здесь должна быть проявлена нравственная личная ответственность за достоверность информации, поскольку недобросовестность распространителей информации может негативно повлиять на душевное и нравственное состояние миллионов ее потребителей.

Ответственность как философская категория отражает объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. В истории философии проблема ответственности рассматривалась в трудах Платона и Аристотеля, Т. Гоббса и Дж. Локка, марксистских учениях, советских и постсоветских теориях. Социальная ответственность как категория социальной философии отражает базовые нормы и принципы взаимодействия личности и общества. Также это понятие отражает степень понимания личностью и обществом возможности выступать в качестве причины личных и общественных трансформаций. Находясь в единстве и взаимозависимости, личность и общество взаимодействуют через деятельность человека, основу которой составляет взаимная ответственность. Социальная ответственность может проявляться на уровне личности (микроуровень), социальной группы (мезоуровень), конкретного общества (макроуровень), человечества в целом (мегауровень).

Главным системообразующим фактором системы социальной ответственности выступают интересы, цель и результат деятельности субъекта. Особое место в системе социальной ответственности принадлежит моральной ответственности, императивность которой состоит в осознании личностью нравственных требований, предъявляемых к ней на определенном этапе развития общества и готовности реализовать эти требования с учетом последствий не только для себя, но и для других членов общества. Условиями ценностной регуляции социальной ответственности являются, во-первых, способность личности оставлять открытыми к трансформации и диалогу выбранные ею смыслы и ценности, во-вторых, формирование на базе принятых личностью принципов, убеждений, норм и т.п. личностных стереотипов, на основе которых человек осуществляет свои действия. Это составляет основу понятия нравственной регуляции, которое в свою очередь является ключевым в рассмотрении императивного характера социальной ответственности.

Список литературы

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004.
2. Поликарпова Е. В. Аксиологические функции массмедиа в современном обществе. Ростов-на-Дону, 2012. С. 62.
3. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 138.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Рушанзаде Рушан,

доктор философии по политическим наукам,
старший научный сотрудник
Института философии и права НАНА,
член Союза писателей Азербайджана
(г. Баку)

Аннотация. В статье объясняется, что экстремизм и терроризм – это прежде всего психические состояния. Борьба с экстремизмом и терроризмом крайне важна как в глобальном масштабе, так и в конкретном деле политической стабилизации общества. Система ценностей играет важную роль в преодолении морального кризиса, порождаемого экстремизмом и терроризмом. «Общественное воспитание» считается наиболее эффективным средством предотвращения нетерпимости. В духе терпимости необходимо просвещать людей об общих правах и свободах. Проблема терпимости описана в Коране как единый компонент понятий веры, праведности, истины и терпения. Феномен политической справедливости представлен как право, достоинство, равенство, закон, конструктивные политические отношения выглядят как политическое управление. Особо отмечается, что осознание государственности устраняет тенденции экстремизма и терроризма как морально-этические события.

XXI век поставил мировое сообщество лицом к лицу с такой общечеловеческой проблемой как террор. Экстремизм и терро-

ризм достигли такой степени, что вызвали напряженную обстановку во всем мире, независимо от страны, региона и континента.

В результате углубления тенденций экстремизма и терроризма в современном мировом сообществе наблюдается широко-масштабное распространение психических заболеваний (по различным видам). Отметим, что З. Фрейд критиковал культуру как основной фактор, способствующий возникновению психических отклонений «Наши культурные потребности становятся слишком невыносимыми для большинства жизненных человеческих организмов; эти проблемы приводят человека к отдалению от реальности и массивности неврозов» (2, с. 74).

Экстремизм и терроризм следует объяснить прежде всего как психическое состояние (обстоятельство) и следует определить потенциальные издержки этого состояния (обстоятельства). Такой подход позволяет нам проанализировать свойства и особенности человека, а также изучая функцию души, понять, что человек – существо духовное. К. Ясперс отмечает: «Человек – душа и настоящая человеческая ситуация - это ситуация душевная, душевная ситуация связана со временем, и человек должен быть изменен только в пределах времени: а время это я... Человек не реальность, обладающая эмпирическим познанием, а идея, а наука не может объять идею и время. Именно поэтому, в наш век основательно уничтожается духовность (душевность)» (3, с. 290).

Борьба против экстремизма и терроризма в пределах плана мероприятий или стратегии определенного государства не может быть эффективной. Эту борьбу необходимо вести в глобальном масштабе всеми государствами мира. Поэтому в борьбе против экстремизма и терроризма в глобальном масштабе все государства мира должны действовать в условиях широкого сотрудничества. В теории все технологические открытия, изобретения ведут человека и общество к прогрессу, однако на практике процесс идет в противоположном направлении: техногенная цивилизация больше способствует не повышению благосостояния человечества, а повышению риска уничтожения человеческого фактора.

Постепенный переход от процесса падения в условиях общечеловеческого духовного кризиса к прогрессу – жизненная

необходимость, и в этом направлении самой прочной и достоверной базой является система ценностей.

Единство общества и государства в преодолении тенденций экстремизма и терроризма в социальной и социально-политической среде является важной задачей. Следовательно, общество представляет мораль, а государство – право. При таком подходе толерантность связана с моралью, а политическая справедливость – с государством.

По Аристотелю, государство представляет собой целостную систему морального и духовного совершенствования, оно является первым и наиболее важным фактором в организации речевого и языкового общества.

Терпимость в общении, диалоге, дипломатических переговорах и политических отношениях – это сила, которая стимулирует гармоничную динамику событий и процессов, а также существование потенциальной гармонии. В этом контексте особую роль играют философия языка и проблема политического дискурса. М. Хайдеггер в своем анализе проблемы существования и времени отметил, что «поскольку язык обладает великой силой, которая всегда преобладает, он увидел больше, чем то, что скрыто в философии» [4, с. 97].

Феномен толерантности как универсальная ценность был определен в соответствующих конвенциях и декларациях ООН. Например, «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма». Основные положения упомянутых правовых актов можно обобщить следующим образом:

- утвердить чувство глубокой веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности;
- грядущие поколения должны быть избавлены от бедствий войны;
- человечество должно проявлять толерантность и жить в обстановке мира;
- мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

В реализации политики воздержания людей от экстремистских взглядов и террористической деятельности следует прини-

мать во внимание органическую связь между терпимостью и политической справедливостью, основные положения которой можно обобщить следующим образом.

1. На государственном уровне толерантность должна быть закреплена в законодательстве.

2. Для того чтобы сделать общество более толерантным, государствам следует ратифицировать существующие международные конвенции о правах человека, разработать новое законодательство с целью обеспечения в обществе равенства возможностей.

3. Общественное воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости. Воспитание в духе толерантности должно включать общие права и свободы людей, обеспечить претворение этих прав в жизнь и усилить стремления к защите прав других.

4. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и дискриминации по отношению к другим. Оно должно формировать у молодежи навыки независимого, критического мышления, выработать умение суждений, основанных на моральных ценностях.

5. Использование программ и учреждений в области науки, образования, культуры и коммуникации должно браться за основу в поощрении терпимости и предупреждении насилия.

В третьем положении вышеизложенных обобщений приоритетным является вопрос об общественном воспитании как самом важном средстве в формировании и реализации терпимости (толерантности). В истории человечества в роли самых достоверных идейных источников общественного воспитания выступали ниспосланные Богом священные книги. Несомненно, в ряду этих священных книг своим совершенством отличается Коран.

Следует отметить, что проблема терпимости (толерантности) была поднята в Коране еще в VII столетии и выражена понятием «сабр» («терпение»). Одновременно в Коране представлена также система общественного воспитания в области перевода терпимости (толерантности) от личности к обществу. В связи с соответствующей темой можно привести примеры из ряда аятов многих сур. Однако здесь следует отметить особую специфику

103-й суры Корана: «Клянусь асром (вечером. – *P. P.*) Человек всегда в ущербе. Кроме того, человека, который принял веру, занимается чистыми, правильными, богоугодными, благими делами, рекомендует другим людям право и справедливость, терпение» (1). Здесь характерные черты должны быть обоснованы двумя положениями.

I. Проблема терпимости (толерантности), поставленная в Коране, характеризуется как единый компонент понятий «иман» («вера»), «тале» («судьба»), «хагг» («право»), «сабр» («терпение»): это значит, что одно событие, охватывающее эти понятия, обуславливает и дополняет другие события.

II. Проблема терпимости (толерантности), поставленная в Коране, выступающая как средство, обеспечивающее духовно-психическое совершенство человека, представляется не только как индивидуальное, но и как социально-политическое событие. Система понятий в суре «Аср» показывает, в каких условиях формируются понятия «ценность», «терпимость» («толерантность») и какие особенности объединяют в себе.

Последовательность и логика понятий в суре «Аср» дают нам возможность утверждать о том, что терпимость — это не следствие слабости, безвыходности, а также не результат подчиненности в условиях беспомощности. В основном для верующего человека Аллах всемогущ, он обладает самыми высшими силами: эта сила (Аллах) своим одним «Будь!» создала все сущее из ничего, контролирует его и ближе всего к Человеку. Поэтому терпимость – признак более великой силы. Человек, совершающий правильные, богоугодные деяния, не совершает неэтических и неправовых действий, поэтому он всегда предусмотрителен, готов, независим. Следует особо отметить, что рекомендация права – дело достойных, справедливых людей. Правый, справедливый, достойный человек находится на той стадии развития, благодаря которой он и в индивидуальной сфере, и в социально-политической жизни обеспечивает себе достойное место. Такая терпимость является настоящей терпимостью. Вышеизложенный краткий анализ положений Корана дает нам возможность говорить о том, что общечеловеческая проблема, поставленная в документах ООН, была поднята еще 14 веков тому назад в ниспосланных священных книгах, решена более совершенно, активно,

жизненно. Эту миссию можно выразить одним аятом из Корана: «О верующие! Терпите, будьте терпеливыми».

Обобщая вышеизложенное, скажем, что терпимость – это сознательное действие справедливой стороны, такое действие создает условия также для понимания противоположной стороны права, это является самым совершенным методом общения. Толерантные люди своими деяниями не демонстрируют какую-то слабость, наоборот, доказывают, что они сильные и смелые. Обратимся к словам в поэме «Мечты негра» известного азербайджанского поэта Самеда Вургуня (1906–1956): «Порою героизм немой гордостью поднимает меч...» По нашему мнению, в комментариях к идее видного поэта нет необходимости. Можно довольствоваться только утверждением того, что основной целью терпимости (толерантности) является заставить противоположную сторону подумать и с помощью этого деяния воспитать ее. Одной из основных целей соответствующей конвенции ООН является вопрос об общественном воспитании терпимости (толерантности). Таким образом, самым оптимальным методом общественного воспитания является необходимость думать. Во всех научных трудах, написанных в освещение Корана, вопрос об общественном воспитании стоит в первом ряду. Например, в «Усули-Кафи», являющейся одной из достоверных книг хадисов в исламе, анализируются особенности истинного мусульманина и указываются восемь основных характеристик, связанных с общественным воспитанием: «Быть ответственным в индивидуальной и общественной жизни. Быть терпеливым и гордым во время напряженности и трудности. Быть терпеливым в условиях происходящих трагедий. Не наносить ущерб благосостоянию общества, материально-духовной жизни» [5, с. 235].

Политическая справедливость была актуальна в каждую историческую эпоху, она стала еще более актуальной в условиях кризиса и краха политических идеологий во всем мире. В связи с этим, несомненно, существует особая необходимость в обсуждении проблемы политической справедливости. Особенно в обстановке, когда мировое сообщество страдает от экстремизма и терроризма.

Одним из проявлений экстремизма и терроризма является нарушение прав человека и общественного порядка. Если мы

примем во внимание, что система морали и права, которая регулирует общественную и политическую жизнь, а также активирующий их закон связаны с государством, то можно сделать вывод, что поиски классиков, ищущих идеальное государство («Государство просто создано не только для проживания, но и для процветания» (6)), все еще актуальны.

В социально-гуманитарной науке понятие «справедливость» охватывает этику, право и политику. Понятие же политической справедливости напрямую связано с понятием государства. Именно по этой причине мораль и право как критерии справедливости выступают нормой, регулирующей политические отношения. Политическая справедливость, определяемая как система, в своих различных аспектах органически связана с рядом других феноменов. С учетом доминирующего и составляющих элементов эти феномены можно разделить на две части.

I. Доминант – государство.

II. Составляющие – закон, право, достоинство, равенство, политические отношения.

Как политическая структура государство создано не только для обеспечения жизни граждан, но в первую очередь для счастливой жизни. По своей форме государство делится на два типа.

I. Основанное на принципе справедливости – правильная структура.

II. Отрицающее принцип справедливости – неправильная структура.

Правильная государственная структура (в отличие от неправильной) устойчива. Основными чертами устойчивой структуры являются юридическое равноправие, дисциплина, равенство и, что самое важное, верховенство закона, которое обуславливает справедливость. Поэтому политическая справедливость связана с государством, государство – с законом, закон – с правом, право – с моралью. Все эти сложные процессы должны характеризоваться объективностью и беспристрастностью.

Соответственно, государство – это институт, который обеспечивает и защищает все права и свободы, особенно общественно-политические и правовые ценности. Вот почему «настоящее государство – это государство, которое может осознавать и выполнять естественное предназначение людей. Настоящее госу-

дарство – это социальная реализация Мирового Порядка» [7, с. 53].

Формирование среднего класса, являющегося опорой закона в социальной, общественно-политической жизни, также является одним из факторов, которые обуславливают политическую справедливость. Если принять во внимание, что практически несправедливость – это дифференциация между богатыми и бедными, следовательно, создание среднего класса для устранения этого разрыва между ними представляется важной задачей.

Принципом равенства должны руководствоваться не только в обществе, но и на самом высоком уровне, на уровне власти. Таким образом, концентрация власти в руках одного человека – это настоящая политическая несправедливость. Именно принцип справедливого распределения власти, связанный с именами таких философов, как Т. Гоббс, Дж. Дж. Руссо, Дж. Локк, вытекает из идеи обеспечения политической справедливости.

«В противном случае общество, которое отвергает верховенство закона и несет ответственность за административный произвол, является криминогенным» [8, 134]. В течение многих веков в Европе господствовала абсолютная монархия. Людовик XIV утверждал: «Государство – это я». Однако он забывал, что государство, по сути, являясь стержневым элементом политической системы, состоит из таких подсистем, как территория, население и институт власти. Но в то же время государство, представляя собой систему отношений, является и духовно-культурным объединением.

Установление политической справедливости в социально-политической среде главным образом связано с деятельностью института власти. Следовательно, институт власти определяется тремя необходимыми подсистемами, которые не имеют права вмешательства в полномочия друг друга, то есть определяется законодательным, исполнительным и судебным органами. Для формирования между гражданами и правительством стабильных отношений, дополняющихся правовыми принципами, власть не должна быть ни узурпирована ни одной личностью, ни сосредоточена в руках группы элиты, ни передаваться воле масс. Власть должна быть отдана в ведение закона и служить закону. Такое

государственное устройство, являясь правильным по форме и содержанию, считается правовым государством.

Опираясь на вышеизложенное, можно отметить, что устранение экстремизма и терроризма возможно только в условиях правового государства, основанного на общечеловеческих ценностях и органичном единстве терпимости и политической справедливости, на нормах международного права. Терпимость (толерантность) выступает как этический элемент, а политическая справедливость является функцией государства, они органично взаимосвязаны. Только благодаря этой взаимосвязи возможности для формирования тенденций экстремизма и терроризма устраняются. Естественно, во всех обществах и государствах имеются условия и тенденции преступления, однако эти тенденции нельзя отождествлять с тенденциями экстремизма и терроризма.

Теоретические основы государства и государственного права были сформулированы Платоном, Аристотелем, Н. Туси, Гегелем и др. Х. Янлик, П. Лобанд, А. Эсман во Франции, В. Орландо в Италии, А. Дайси в Великобритании развили и дополнили теории по правовому государству. Существуют также цивилизационные подходы к сути государственного права. Сторонник цивилизационного подхода И. К. Яковенко отмечает, что «Цивилизации – это уникальные миры, и поэтому люди разных цивилизаций имеют разные подходы к взаимоотношениям между Богом и человеком, человеком и сущностью, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о свободе и принуждении, равенстве и иерархии» (9).

У нас есть два видения к подходу Яновенко.

1. В этом контексте применение цивилизационных ценностей к государственному праву является довольно прогрессивным. В частности, на этот подход влияет идея Аристотеля о том, что «Государство – это система взаимосвязанных и совершенных коммуникаций».
2. «Люди, принадлежащие разным цивилизациям». Прежде всего хотел бы отметить, что нет никаких цивилизаций, есть цивилизация. Единая общечеловеческая цивилизация. Не разнообразие цивилизаций, а разнообразие внутри цивилизации. Терроризм возникает, когда нарушается гармония.

В правовом государстве принцип «равенства» играет главную роль: всем гражданам без исключения необходимо нести равную ответственность перед законом и соблюдать правила, установленные законом. Закон представлен правом, а право основано на морали. Поэтому эти отношения и процессы регулируются не только законом, но и моралью.

Заключение. Экстремизм и терроризм провоцируют гражданскую войну. На самом деле процессы, предшествующие войне, тяжелее, чем последствия войны. Судьба народов часто решается не на полях сражений, а в тихих залах скрытой дипломатии.

В этом контексте одной из важнейших функций государства является обеспечение защиты прав и свобод человека. Это назначение является символом противодействия государства любым актам насилия. В то же время осознание государственности как морально-духовного явления устраняет все тенденции экстремизма и терроризма.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что важным фактором в преодолении экстремизма и терроризма является органическое единство толерантности и политической справедливости, которое возможно в правовом государстве, опирающемся на общечеловеческие ценности и международные правовые нормы. Постепенный переход от процесса падения в условиях общечеловеческого духовного кризиса к прогрессу – жизненная необходимость, и в этом направлении самой прочной и достоверной базой является система ценностей.

Список литературы

1. Коран.
2. Фрейд З. Психология бессознательного. Москва: 1989.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва: 1991.
4. Haydegger Martin. Tze Basic Problems of Penomenology. A.Hofstandter, Bloomington: Indiana Press. 1982.
5. Usuli-Kafi. Baku. “Nurlar”. 2013.
6. Аристотель. Политика. Великая этика. Баку, XXI – Дом новых публикаций, 2006.
7. Политология вчера и сегодня. М., 1990.
8. Тагиев А. М. Человек и Политика. Баку. МВМ, 2005.

9. Яковенко И. К. О субустанской локальной цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций мира. Междидистиплинарний подход: сборник статей. М., 2000.

10. UN Declaration on Tolerance. 1998.

11. Feldman S. Enforcing social conformity: a theory of authoritarianism. *Political Psychology*. 24 (1): 41–74. 2003.

12. Mondak J., and Sanders M. Tolerance and Intolerance, 1976–1998. *American Journal of Political Science*, 47 (3): 492–502. 2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Саакян Армен Коляевич,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Ереванского филиала
Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова,
доктор социологических наук, профессор
(г. Ереван)

Аннотация. В наше время, когда ценности современного человека меняются, патриотизм приобретает особый статус, особенно в молодежной среде. Будущее нашей Родины зависит от патриотических чувств современной высокоорганизованной и духовно образованной молодежи. Выделяются основные критерии объекта патриотических чувств молодежи.

Ключевые слова: патриотизм; молодежь; социология; родина; модель; исследование; социальный феномен; ценности.

Short summary. In a scientific article the author highlighted a relevant topic related to patriotism, it is among the youth. Especially now, in our rapidly changing time, when the values of modern man are changing, patriotism assumes a special status. It is a fact that the future of our Motherland depends on the patriotic feelings of modern highly organized and spiritually educated youth. Professor Sahakyan

in his scientific work also identifies the main criteria of the object of patriotic feelings of our youth. A rich literary analysis on the topic conducted by the author shows not only the significance of the chosen topic, but also this scientific work. It can be used to educate the patriotism of our youth.

Key words: Patriotism; youth; sociology; homeland; model; research; social phenomenon; values.

Патриотизм как предмет исследования приобретает новую значимость в условиях сложных геополитических условий на Евразийском континенте, включая как интеграционные процессы Евразийского экономического союза, так и внешние факторы геополитики и геоэкономики, включая урегулирование в Сирии, Иране, Ираке, Афганистане, военно-политическую активность Турции, экономические процессы в Индии и Китае и проч. Давление извне и евразийское регулирование инновационного роста внутри ЕАЭС поднимают новые вопросы и дополняют и расширяют содержательное, сущностное наполнение понятия «патриотизм». Развитие и быстрое распространение информационно-телекоммуникационных технологий, цифровизация повседневной жизни социума ставят новые задачи при разработке методики эмпирических социологических исследований патриотизма.

В понятии патриотизма социологический анализ выделяет, прежде всего, следующие компоненты:

- определение социальной общности, в отношении которой проявляется патриотизм, в частности, вопросы ее формирования, отличия (отграничения) от других общностей, изучение критериев ее особенности и отличий от других;

- социальная установка, отражающая общественное мнение, представления и интернализованные молодым поколением убеждения, верования, содержание понятия патриотизма для изучаемой группы населения, молодежи;

- поведенческие аспекты, позволяющие проявляться патриотизму как реально существующему и действующему паттерну, вызывающему не только чувства, но и активность, наполненному социально-психологической энергией.

Так, ряд энциклопедических словарей связывает определение понятия патриотизма с понятием Родины как основного объ-

екта социальных установок и выбора поведенческих моделей, ориентированных на связь взглядов и действий человека с Родиной¹. Вопрос определения Родины представлялся достаточно четким практически в течение всего XX в., когда объектом проявления патриотизма был Советский Союз. С распадом СССР и вопрос патриотизма стал более сложным: если ранее весь мир, по сути, был разделен на два лагеря – капиталистический («чужой») и социалистический («свой»), то после 26 декабря 1991 г. из «черно-белого» простого мира, разделенного дихотомически на два не пересекающихся множества людей, граждане постсоветского пространства перешли в мир с существенной гаммой взаимоотношений.

В этой связи понятие Родины также стало многообразным – сегодня можно рассматривать патриотизм на уровне континента (Евразия), интеграционного объединения (ЕАЭС), общей истории (страны – бывшие республики СССР), национального государства (например, России или Армении), своего региона и города (например, Чечня или Ереван), вплоть до городского района или даже двора своего дома.

Кроме того, возникает вопрос и о патриотизме (или его формах) на оси времени – прошлого, настоящего и будущего. Так, патриотизм армян, проживающих в Санкт-Петербурге, затрагивает и Армению как историческую родину, и Петербург как город, которому отданы годы жизни самого человека и, возможно, нескольких предшествующих поколений. Данная форма, ориентированная в прошлое, отражает понятие патриотизма в его этимологии: как любовь к отечеству (*patrio* – греч., отечество, *pater* – лат., отец, *patria* – лат., родина), т.е. к месту происхождения отцов (предков) и к месту рождения человека. Одновременно патриотизм связывается с патерналистскими отношениями между гражданами и государством, когда государство выполняло не сервисную (обслуживающую) роль для своих граждан, а выступало основным и единственным источником жизни и защиты, свободы и развития для жителей страны.

¹ См., например: Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 164.

При осознанном планировании эмиграции на новое постоянное место жительства (не в случае бегства от войны или природных бедствий, а в случае взвешенной миграции, например трудовой, предпринимательской¹) обнаруживается и противоположный эффект, направленный на страну будущего проживания, например, русский, планируя переезд в Канаду, становится патриотом Канады «заранее», изучая обычаи и усваивая любовь к этой стране в ходе подготовки к эмиграции.

Патриотизм становится не только физическим (желание проживать на территории своего государства, своего региона и города), но может быть виртуальным (граждане России или Армении, проживающие в Западной Европе или в США, могут проявлять патриотизм в своих высказываниях в сети Интернет), идейным или поведенческим (например, кулинарный патриотизм выражается в предпочтении блюд национальной кухни или традиций в пище, что особенно типично для монокультур, таких как китайская культура, основанная на потреблении риса как основного блюда, российская – на потреблении хлеба).

Расширение и размывание понятия патриотизма – связанные между собой вещи. Так, некоторые модели поведения вызывают вопрос определения границ понятия патриотизма. Например, проживающий в США русский, чеченец или армянин выражает патриотические взгляды и убеждения в отношении своей родины, но не живет на ее территории и не вносит вклада в ее развитие, можно ли считать его идеологический патриотизм, расходящийся фактически с принимаемыми им решениями в действительности, полноценным патриотизмом или необходимо расширять концептуально-терминологическую базу для описания социальных установок и поведенческих паттернов в таких социальных явлениях.

Вопрос понятийной точности касается, например, степени эмоциональности в определении патриотизма. Например, в со-

¹ Margulyan Y.A., Pokrovskaya N.N., Migration as a factor of social security in the modern society // Вестник Ереванского университета. Социология, Экономика. (Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics). 2015. № 1 (16). С. 3–18.

ветском словарном издании¹ акцент в определении понятия патриотизма сделан на понятиях любви и нравственности: «...нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Родине...». Но, как показывает пример расхождения поведенческих и идеологических моделей мигрантов, чувство любви, вероятно, недостаточно для квалификации конкретного человека как патриота. В этой связи возникает вопрос комплексного рассмотрения патриотизма, в котором можно «через запятую» перечислить входящие в него элементы, такие как гордость за свою страну, приверженность к ее языку и традициям, готовность к активным действиям, к принятию и реализации решений, проявляющих выбор в пользу своей Родины.

Важным компонентом социологического подхода к изучению патриотизма является понимание объекта патриотизма и с точки зрения тех граней объекта, которые являются предметом положительно или отрицательно заряженной эмоциональности, т.е. патриот любит всю страну целиком или только отдельные ее составляющие: например, гордость советских людей за освоение космоса, безусловно, является гранью патриотизма, но значительно менее очевидным будет вопрос, можно ли так же характеризовать православие или атеизм. То есть русский, чеченец или армянин, являясь атеистом, православным или мусульманином, являются по-прежнему полноценными патриотами, или же принадлежность к социокультурной и этнорелигиозной общности не может разделяться и оказывает такое же влияние на оценку степени патриотизма конкретного человека, как, например, выбор места работы и проживания? Указанный пример проблемы понятийного аппарата, возникающий при социологическом анализе патриотизма молодежи, представляется отнюдь не праздным в условиях, когда религиозный фундаментализм приводит граждан Российской Федерации, особенно молодых, в ряды членов разнообразных течений, вплоть до террористических организаций. Так, патриотизм в ряде случаев может использоваться в качестве ин-

¹ Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999.

струмента идейного воздействия или быть предметом поверхностно-идеологических интерпретаций¹.

Принадлежность человека к той или иной идеологической общности в течение почти всего XX в. была связана и с выбором страновой, национальной и государственной принадлежности: социальный профиль «советский человек» отражал одновременно социалистический выбор и территориальное происхождение, но при этом не рассматривал ни этнической принадлежности, ни религиозных взглядов, ни иных социальных общностей, к которым мог относить себя (мысленно или внутри семьи, как правило, не заявляя об этом вслух вне дома) гражданин Советского Союза.

В этой связи правомерен вопрос выявления основных и вспомогательных критериев объекта патриотических чувств, установок и социальных практик:

- среди основных критериев, безусловно, выделяют географический – важнейшим признаком определения объекта патриотизма выступает место (рождения, самореализации, происхождения семьи и т.п.);

- среди важных критериев следует выделить институциональную принадлежность – национальную, этническую, религиозную, социокультурную, социoproфессиональную категории (например, тульские оружейные мастера, петербургские интеллектуалы, швеи из Иваново, мурманские моряки), которые, безусловно, тесно связаны с патриотизмом, однако представляют его дополнительные, не всегда определяющие его грани;

- наконец, к критериальной понятийной модели определения патриотизма имеют отношение такие аспекты, как преданность тем или иным институтам, имеющим структурную форму учреждений, например, государственный или имперский патриотизм как любовь к правительству, к укладу правления, к режиму, к конкретной церкви, воцерковление в которой прошел человек (речь идет, как правило, о конфессиональной принадлежности к

¹ *Калинина И.А.* Представления о патриотизме как «заряжающая» идея молодежного экстремизма / И.А. Калинина // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 115–120.

узкой группе в рамках религии, например баптистская церковь в рамках христианства).

Возвращаясь к истории возникновения патриотизма как социального явления, следует выделить, например, наличие двух форм патриотизма в работах древнегреческих философов и мыслителей¹. Так, Аристотель описывает в «Политике» греческий город, полис, как основной территориальный объект развития своих идей о наиболее целесообразной форме регулирования человеческой деятельности. Наряду с этим присутствовало и чувство имперского патриотизма в отношении Эллады, проявлявшееся, в первую очередь, в моменты противостояния с другими империями, например, в период Греко-персидских войн. Сегодня городской патриотизм так же присутствует в социологических исследованиях, в частности, можно привести примеры полу-шуточного противостояния двух городов федерального значения в России (Москва и Петербург), идентификации жителей Калининграда (Кёнигсберга), отношения жителей Сыктывкара к своему городу как столице республики Коми или жителей Екатеринбурга к городу и к области, сохранившей наименование Свердловской, так же, как Ленинградская область сохранила это название, несмотря на переименование Ленинграда в Санкт-Петербург.

Таким образом, объектом патриотических установок и действий выступает не только и не столько географическое пространство, заключенное в определенных границах, сколько смысловая система, связанная с набором символов, отражающих представление человека о его Родине. Семиозис территории (придание значений объектам физического пространства и их интерпретация) отражает знаки, топосы происхождения смыслов в рамках повседневной жизни, привязанные к основным жизненным сферам. Жизненные сферы представляют собой «универсальный набор структур жизнедеятельности, в каждой из которых индивидуальные и коллективные знаки порождаются и согласуются,

¹ The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE / Ed. by Thomas A. Schmitz, Nicolas Wiater. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 305 p.

подчиняясь определенному семиотическому механизму»¹. К универсальным жизненным сферам (микроуровню семиозиса), порождающим индивидуальные и коллективные статусные знаки, относятся следующие пространства².

1. Территориально-пространственная сфера (код – территориальность), порождающая знаки ландшафта (планировка и архитектура города), путей сообщения, доступа к объектам природы.

2. Естественно-антропологическая сфера (код – телесность) со знаками социально-демографических состояний – детства, отрочества, зрелости, старости, семьи, быта, здоровья.

3. Духовно-культурная сфера (код – духовность), где формируются знаки, связанные с мифами, верованиями, историей, духовной атмосферой, этикой малых сообществ.

4. Агентно-профессиональная сфера (код – агентность) – знаки самобытных достижений: ремесел (промыслов), преобладающей местной экономики.

Перечисленные коды (территория, телесность, духовность, деятельностная активность или агентность) отражают содержание объекта патриотизма как символической системы, с которой человек может физически и фактически не соприкоснуться в ходе своей индивидуальной жизнедеятельности, но которая тем не менее выступает значимой составляющей идентификации человека как патриота той смысловой общности, которая понимается под словами «Родина» или «родной край», «родной город», «родной регион».

Если объект патриотических установок и их деятельных проявлений может быть достаточно расширен и размыт, то сами эти установки, как правило, могут быть описаны достаточно четко: они включают положительную оценку всех достижений и достоинств своего народа, территории, комбинируемую с разными степенями понимания и решения ее недостатков, от попыток «за-

¹ Капицын В.М. Семиозис городского патриотизма: опыт осмысления теории и практики // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2014. № 3 (44). С. 20–34.

² Иванов К., Егорова И. Город на ладони: ранняя история городской топографии // ЛОГОС. Город. 2008. № 3/66. С. 184–187.

крыть глаза» на бедность или алкогольную зависимость, вплоть до непримиримой войны против нищеты (например, в Китае созданы два плана борьбы с нищетой и затем борьбы с бедностью¹) или решительной приверженности здоровому образу жизни.

Вместе с тем социологический анализ социальных установок, связанных с патриотизмом, включает в себя «терминальные» и «инструментальные» компоненты. Методологические проблемы изучения патриотизма как предмета социальных установок молодежи могут быть разделены содержательно на 2 группы:

- патриотизм самих молодых, их преданность родине в той или иной форме, готовность младших поколений совершенствовать жизнь в своей стране, включая деятельность в государственных органах на благо своего народа, граждан, государства;

- отношение молодежи к патриотизму как к инструменту работы СМИ, политической пропаганды, институтов государства (например, для привлечения в оборонно-промышленный комплекс или в вооруженные силы) или структур иных государств и негосударственных организаций.

Развитие информационного общества и, соответственно, коммуникационной среды и инструментов коммуникации, формирования общественного мнения и продвижения тех или иных идей, воспринимаются молодежью достаточно внятно:

- с одной стороны, инструменты пропаганды и рекламы рассматриваются младшим поколением с учетом «баннерной слепоты» (понятие, изначально касавшееся баннеров, сегодня может быть распространено на все виды «слепоты» или «глухоты» людей в отношении навязываемых им сообщений);

- с другой стороны, инструменты информационно-телекоммуникационных технологий сегодня осваиваются молодым поколением значительно быстрее, нежели старшими поколениями, и сегодня выступления патриотической направленности самих молодых людей, для молодежи и от имени молодежи, зву-

¹ *Feng W., Pokrovskaja N.N.* Innovative infrastructure in China: institutional development and research Clusters' regulation // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А. Е. Карлика. СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 393–395.

чат, прежде всего, в сети Интернет, в пространствах социальных сетей и мессенджеров¹.

В этой связи, собственно, методологически важным компонентом изучения патриотизма молодежи и мнения молодых людей об использовании патриотизма как аргумента, склоняющего к принятию тех или иных решений, выступает подход к сбору эмпирической информации.

Поведение молодежи, которое может оцениваться как в той или иной степени патриотическое, проявляется как в действиях в физическом пространстве, так и в решениях и в высказываниях, в принадлежности к тем или иным сообществам, голосовании и иных действиях в киберпространстве², в виртуальной реальности информационного поля. Формирование государства как платформы и быстрое развитие цифровизации, включая распространение государственных услуг в сети Интернет³, способствуют новому восприятию государственного патриотизма, который формируется не только под воздействием малой группы (семьи) и дошкольного и школьного воспитания детей в образовательных учреждениях, но и при решении таких задач, как, например, получение паспорта, регистрация по месту жительства или учебы (прописка), решение вопросов профессионального развития (поиск информации и выполнение процедур для поступления в учебные заведения через разнообразные информационные сервисы) и т.п.

¹ *Гарин А. К., Покровская Н. Н.* Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра minecraft как реализация концепции распределенных сетей // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы XIII Всероссийской научно-практ. конференции / Под ред. И.Р. Тростинской. СПб.: СПбПУ, 2018. С. 104–108.

² *Feng W., Kapitsa S.I., Pokrovskaya N.N.* Research clusters in China as institutional infrastructure for innovative management training // Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации: материалы Международной научно-практ. коонф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 15–16 окт. 2015 / редкол.: Г.Р. Хасаев, С.И. Ашмарина, Э.П. Печерская (отв.ред.) и др. Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2015. С. 356–366.

³ *Слободской А. Л., Терехова Т. А., Гарин А. К.* Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных. СПб.: СПбГЭУ, 2020.

Так, по данным, которые приводит ВЦИОМ, современный социологический анализ патриотизма в России смещается от деятельностной сферы (выбора поведенческих моделей и их реализации) к установочной (молодые люди высказывают патриотические взгляды, мнения и суждения, но не действуют и не готовы действовать в соответствии с патриотическими убеждениями). Так, в исследовании отмечается, что в течение последних 20 лет в российском обществе изменяется содержание понятия патриотизма следующим образом: в нем росла составляющая «любить Родину» и падала – «работать во благо страны». Снижается доля тех, кто настроен на откровенный разговор о недостатках российской социально-экономической и политической жизни, и тем более – отдавать «всего себя коренной переделке страны, забывая о собственных профессиональных, семейных и прочих обязанностях. Сегодня готов поработать на Россию только каждый четвертый, а десять лет назад декларировал такую готовность каждый третий»¹.

Это означает, что рыночная экономика постепенно захватывает и такую сферу, как патриотизм – если в середине XX в. в США прозвучал вопрос: «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас – спросите себя, что вы можете сделать для вашей страны», – то в современной российской действительности присутствует, скорее, обратный принцип, который связан с общей направленностью реформ государственной власти². Если государство начинает ограничивать свою роль в стране как субъекта, предоставляющего гражданам государственные услуги в обмен на уплату налогов³, то и граждане воспринимают государ-

¹ Третьякова М. В., Юмадилова И. Ю., Васюкова М. В. Патриотизм в молодежной среде // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. Спецвыпуск № 5.

² Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Корпоративное государство РФ: конец истории наций. Парадигма и функциональные формы сервисной государственности // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А. Е. Карлика. СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 391–393.

³ Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Развитие рынка образовательных услуг в рамках сервисного подхода к социальным институтам // Роль обра-

ство как рыночного игрока, который выполняет оплачиваемые гражданами услуги¹. А следовательно, ни о какой «гордости», «любви», преданности и т.п. не может идти речь, ведь государство перешло от отношений гражданских – к рыночным.

Экономическое поведение граждан сегодня опирается на рыночные принципы и на трудовые и предпринимательские ценности, основанные на справедливом перераспределении доходов между участниками социально-экономических процессов. Постановка вопросов в области экономических явлений и процессов приводит к необходимости изучать не только патриотизм на территории одной стороны, но и поведение экономических мигрантов², их важнейшие ценностно-нормативные регуляторы³. В этой связи вопросы изучения патриотизма связаны не только с социально-политическим анализом мнений и поведения молодежи, но и с проблемной областью утечки умов, интеллектуальной миграции⁴, которая приводит, с одной стороны, к утрате отдачи от инвестирования в человеческий капитал и снижения человеческого потенциала региона и страны, а с другой – ставит вопрос о репутации и привлекательности конкретной территории для привлечения как иммигрантов из других регионов, так и для возвраще-

зования в формировании экономической, социальной и правовой культуры: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 23–24 октября 2014. СПб.: Изд-во СПбУУЭ, 2014. С. 422–426.

¹ *Слободской А. Л., Покровская Н. Н.* Корпоративное государство РФ: конец истории наций. Парадигма и функциональные формы сервисной государственности // *Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции*. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А. Е. Карлика. СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 391–393.

² *Фэн В., Чуньчан Х., Покровская Н. Н.* Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // *Человек и Труд*. 2007. № 8. С. 80–82.

³ *Саакян А. К. Оганян К. М., Покровская Н. Н., Бахиян А. Ж.* Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции // *Ереван: Изд. «Эдит Принт»*, 2012. 372 с.

⁴ *Авакова Э. Б., Покровская Н. Н.* Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // *Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции*. СПб.: Изд-во СПбУТУЭ, 2016. 419–426.

ния людей, ранее принявших решение об эмиграции в другие регионы и страны.

В этой связи патриотизм молодежи выступает не только предметом социологического анализа, но и предметом социального управления и государственного регулирования, направленного на решение существенных социальных проблем.

Список литературы

1. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбУТУЭ, 2016. С. 419–426.

2. Гарин А. К., Покровская Н. Н. Партиципативное конструирование коммуникационного пространства: инди-игра minecraft как реализация концепции распределенных сетей // Технологии PR и рекламы в современном обществе. Материалы XIII Всероссийской научно-практ. конференции / под ред. И. Р. Тростинской. СПб.: СПбПУ, 2018. С. 104–108.

3. Иванов К., Егорова И. Город на ладони: ранняя история городской топографии // ЛОГОС. Город. 2008. № 3/66. С. 184–187.

4. Калинина И. А. Представления о патриотизме как «заряжающая» идея молодежного экстремизма / И.А. Калинина // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 115–120.

5. Капицын В. М. Семиозис городского патриотизма: опыт осмысления теории и практики // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2014. № 3 (44). С. 20–34.

6. Саакян А. К. Оганян К. М., Покровская Н. Н., Бахсян А. Ж. Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции // Ереван: Изд. «Эдит Принт», 2012. 372 с.

7. Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Корпоративное государство РФ: конец истории наций. Парадигма и функциональные формы сервисной государственности // Инновационные техноло-

гии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А.Е. Карлика. СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 391–393.

8. Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Корпоративное государство РФ: конец истории наций. Парадигма и функциональные формы сервисной государственности // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А. Е. Карлика. – СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 391–393.

9. Слободской А. Л., Покровская Н. Н. Развитие рынка образовательных услуг в рамках сервисного подхода к социальным институтам // Роль образования в формировании экономической, социальной и правовой культуры: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 23–24 октября 2014. СПб.: Изд-во СПбГУЭ, 2014. С. 422–426.

10. Слободской А. Л., Терехова Т. А., Гарин А. К. Цифровое образование и новое технологическое поколение: спрос на новый контент в обучении // Наука о данных. СПб.: СПбГЭУ, 2020.

11. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 164.

12. Третьякова М. В., Юмадилова И. Ю., Васюкова М. В. Патриотизм в молодежной среде // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. Спецвыпуск № 5.

13. Фэн В., Чуньчан Х., Покровская Н. Н. Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // Человек и Труд. 2007. № 8. С. 80–82.

14. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999.

15. Feng W., Kapitsa S.I., Pokrovskaya N.N. Research clusters in China as institutional infrastructure for innovative management training // Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации: материалы Международной научно-практ. коонф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 15–16 окт. 2015 / редкол.: Г. Р. Хасаев, С. И. Ашмарина, Э. П. Печерская (отв.ред.) и др. Самара: Самарский гос. экон. ун-т, 2015. С. 356–366.

16. Feng W., Pokrovskaja N.N. Innovative infrastructure in China: institutional development and research Clusters' regulation // Инновационные технологии в сервисе: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 18–19 декабря 2014 / под ред. проректора по научной работе д.э.н., проф. А. Е. Карлика. СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 393–395.

17. Margulyan Y. A., Pokrovskaya N. N., Migration as a factor of social security in the modern society // Вестник Ереванского университета. Социология, Экономика. (Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics). 2015. № 1 (16). С. 3–18.

18. The Struggle for Identity: Greeks and their Past in the First Century BCE / Ed. by Thomas A. Schmitz, Nicolas Wiater. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2011. 305 p.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Сайдаев Ислам Вахаевич,
руководитель Чеченского отделения
Общества развития русского исторического
просвещения «Двуглавый Орел»,
член постоянно действующей рабочей группы
Антитеррористической комиссии Чеченской Республики
по осуществлению молодежной политики
в области противодействия экстремизму,
член Союза журналистов России,
(г. Грозный)

Принято считать, что самой большой угрозой обществу является религиозный экстремизм. Это клише прочно утвердилось в умах экспертного сообщества и общественного мнения в связи с последствиями войны на Северном Кавказе в конце 90-х годов XX в. и начала 2000-х годов XXI в. (две чеченские военные кампании), а также последовавшей за нею войны на Ближнем Востоке.

Однако объективности ради нужно отметить, что для выживания человечества в целом большую угрозу представляет не религиозный экстремизм, а экстремизм национальный (национализм и шовинизм). При более глубоком рассмотрении темы мы можем утверждать, что религиозного экстремизма как такового не существует и что под его личиной кроется махровый национализм, прикрывающийся религиозными лозунгами и использующий религию как инструмент для достижения узконационалистических целей.

Если мы проанализируем периоды мировой истории, так или иначе связанные с ростом так называемого «религиозного экстремизма» и религиозных войн, то при внимательном их рассмотрении обнаружим, что причинами вспышки религиозной нетерпимости в эти периоды в тех или иных регионах мира был не столько религиозный фактор, сколько националистический и узкоклановый интерес. То есть желание некоей нации или клана доминировать в регионе, расширить свои территории и получить власть. Именно националистически настроенные группы лиц или представители неких кланов внутри нации разжигали религиозные войны с целью расширения своего влияния и захвата территорий (плодородных земель и морских пространств) своих соседей. За религиозной риторикой в большинстве случаев стояли узконационалистические и вполне прагматические цели.

Возьмем, к примеру, одну из первых известных террористических религиозных групп – зелотов, возникших в I в. до н. э. Несмотря на то что зелоты якобы были движимы чисто религиозными целями, выступая под «знаменем иудаизма» и ведя борьбу против римской оккупационной администрации, все же в основе их доктрины и взглядов была идея о том, что именно евреи являются богоизбранным народом, а значит, никто кроме них не имеет права на царство и узурпацию власти. В основе борьбы первой террористической группировки, известной нам из истории «иудейского мира», лежала националистическая доктрина, обернутая в религиозную окраску. Иначе и быть не могло. Ибо любая религия в первую очередь призывает к покорности воле Всевышнего, то есть к проявлению терпения и смирения с судьбой, данной богом. Тирания власти во всех монотеистических религиях считается как испытанием, так и наказанием бога за грехи, кото-

рую следует принять с покорностью. Восточная пословица гласит: «Лучше пятьдесят лет тирании, чем один год смуты», так как хаос и анархия, порождаемые смутой, намного хуже тирании власти.

Именно этот принцип и заложен в основу христианской доктрины, выраженной в словах Иисуса Христа (пророка Исы – мир ему от Аллаха), который сказал: «Если тебя ударят по одной щеке, подставь другую», – и нигде в этих заветах не упоминается о необходимости развязывании террористической деятельности против существующей власти, пусть даже она установилась путем насилия и диктата.

В мусульманском мире первой группой или движением, которую можно с полным основанием назвать террористической, является движение ассасинов, логово которых находилось на территории бывшей Персидской империи. К моменту образования этой террористической группировки эта территория уже входила в состав Арабского – исламского халифата (государства).

Ассасинов по своим взглядам историки относят к шиитам – исмаилитам, которые, как известно, образовались в исламском мире вследствие националистических убеждений персов, бывших владельцев мира, не желавших подчиняться бедуинам пустыни, которых они считали ниже себя по происхождению. Подтверждением того, что ассасины следовали националистическим интересам, как и шииты, свидетельствует то, что они выступали против власти над собой инородцев – сельджуков, что абсолютно противоречит мусульманской религии. Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) первым делом провозгласил, что нет разницы между нациями. О том, что все люди равны перед Господом, и разница лишь в степени богобоязненности.

Основой современного религиозного экстремизма в исламском мире принято считать движение джихадистов, зародившееся внутри течения ваххабизм, которое, в свою очередь, является ответвлением движения обновленцев – салафитов – зародившегося внутри суннитского ислама.

Несмотря на то что изначально движение Мухаммада ибн Абдул-Ваххаба, жившего в XIX в., зародилось как движение обновления ислама от наслоений языческих верований, проникших и утвердившихся в религиозных культах и обрядах мусульман

того периода, свое распространение и поддержку оно получило лишь после того, как их идеология была взята за основу доктрины арабских националистов, боровшихся против власти османов. Лозунг ваххабитов гласил: «Кто убьет турка, тот попадет в рай». Националистически настроенные арабы того времени, подогреваемые потерявшими при османах власть арабскими вождями племен, считали, что власть в исламском халифате по праву должна принадлежать арабам, так как книга Аллаха – Священный Коран – была ниспослана на арабском языке и дарована арабам через арабского пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Ваххабиты (не путать с салафитами) считали арабов богоизбранным народом, так же, как когда-то zelоты считали таковыми евреев, что давало им основание для ведения необъявленной террористической войны против своих предполагаемых противников. То есть снова за религиозной риторикой и лозунгами джихада ваххабитов стояли узконационалистические и клановые интересы. Свидетельством этого является тот факт, что после победы над турками власть в арабском мире в ее религиозном центре захватило одно из арабских племен – племя сауд. Они же силой выдворили всех остальных арабов за пределы созданного ими теократического королевства.

Возьмем, к примеру, достаточно молодую ультранационалистическую шовинистическую доктрину сионистов, которые смогли с помощью этой националистической идеологии организовать свое отдельное государство – Израиль. Основой движения сионистов, или еврейских националистов, является иудаизм, хотя изначально основатели сионизма в своем большинстве были атеистами, но это не помешало им для пущей убедительности придать своей идеологии религиозную окраску с целью манипулирования движением еврейских масс. По своей сути сионизм так же, как и ваххабизм, и шиизм, является идеологией национальной избранности.

Не являются исключением и христианские войны, которые велись в Средние века некоторыми европейскими государствами под религиозными лозунгами и именовались не иначе как Крестовыми походами. Если мы внимательно исследуем причины крестовых походов, которые повергли в хаос почти весь цивилизованный мир, то убедимся в том, что в основе этих войн лежало

желание знатных европейских кланов и национальных групп получить власть и земли. То есть снова можно наблюдать, что ими двигали не столько религиозные причины, сколько национализм, искусно завуалированный под религиозные идеи. Европейцы того времени, имевшие лишь отдаленные представления о культуре и образовании, страстно не желали признавать в «дикарях» – людях с востока (представителей рас с черной или смуглой кожей) равных или превосходящих своим интеллектом представителей белой расы. Возможно, многие из них даже сами не понимали, что ими движет латентный национализм и расовая неприязнь, оправдания которым они легко находили, прикрываясь религиозными лозунгами.

Самой большой трагедией XX в. является Вторая мировая война, унесшая более 80 миллионов человеческих жизней по всему миру. Катализатором и двигателем этой войны была национал-социалистическая партия Германии, доктрина которой также зиждилась на идее превосходства арийской расы над всеми остальными. И несмотря на неприкрытый нацизм, исповедуемый немцами того периода, у адептов Гитлера тоже не обошлось без привязки к древнему культу, к некоей религии предков, оккультному учению, которым они оправдывали свои вандализм, варварство и нечеловеческую жестокость.

Возьмем совсем свежие примеры. Первая чеченская военная кампания 1994–1996 г. носила чисто сепаратистский характер. Изначально никаких религиозных лозунгов у дудаевцев не звучало, так как необходимости в них не было. Они пытались добиться независимости, опираясь на международное право и поддержку западных правозащитных организаций. Однако, когда дело начало идти к началу боевых действий, Джохар Дудаев все больше стал прибегать к религиозной риторике. Однажды он даже пытался шантажировать Москву, говоря, что если ему не позволят ему создать демократическую свободную республику, то он объявит Исламское государство, и тогда война в Афганистане для России покажется детской забавой, что впоследствии и произошло. Во второй чеченской кампании, речь о национально-освободительной борьбе уже практически не шла. Борьба за независимость была завуалирована под религиозную борьбу против неверных. Таким образом, понимая, что одними лозунгами о сво-

боде и независимости народ на борьбу не поднять, сепаратисты из национально-освободительного движения Ичкерии стали использовать религиозную карту.

Мы можем констатировать, что зачастую именно националистические интересы некоторых народов, наций и националистически настроенных кланов и групп являются катализатором и разжигателем религиозных войн, способные разрушить любую империю и государство. А это означает, что сегодня для России не менее важно способствовать укреплению межнациональных связей, развивать идеи интернационализма и братства народов и всячески препятствовать националистическим проявлениям. В этой связи хочется отметить, что сегодня есть опасность движения центробежных сил, которые могут разрушить Россию. Если ранее идеи сепаратизма исходили из национальных окраин, то сегодня болезнь национализма проникла в центральные регионы России, в среду государствообразующей нации – русского народа.

Согласно данным Левада-центра, опубликованным в 2019 г., ксенофобские настроения, пошедшие на спад с 2014 г., растут второй год подряд. С 2017 г. уровень этнофобии (доля тех, кто хотел бы ограничить проживание в России какой-то этнической группы) поднялся с 54 до 71%, что близко к показателям «докрымского периода» 2012–2013 гг. Так, доля выступающих за ограничение проживания цыган выросла с 17 до 40%, китайцев – с 15 до 39%, выходцев из Средней Азии – с 19 до 32%, уроженцев Кавказа – с 22 до 31%, украинцев – с 8 до 18%, евреев – с 4 до 17%. Среди проблем, которые более всего тревожат россиян, все чаще фигурирует межнациональная и мигрантская тематика: в 2015–2017 гг. об этом говорили суммарно 17–18% опрошенных, в 2019 г. – 23%. Доля тех, кто выступает за ограничение трудовой миграции, выросла за два года с 58 до 72%. При этом 64% респондентов (против 57% в 2013 г.) считают, что их родственники и знакомые могли бы делать работу, которую выполняют мигранты.

Также в последнее десятилетие мы наблюдали, как под видом возрождения древнеславянских культов (неоязычества) некоторые силы пытались противопоставить русские националистические взгляды и воззрения веротерпимой и интернациональной

русской церкви. Когда этого сделать не удалось, и Русская православная церковь дала этим силам решительный бой и сама стала на путь возрождения, то эти националистические центробежные силы, могущие привести к развалу России, завуалировали свои истинные цели и намерения и стали бороться против православной церкви, частично проникнув в ее ряды и пытаясь направить церковь на ложный националистический путь.

Так, 18 октября 2019 г. я в составе делегации из Чеченской Республики и Ингушетии побывал на 23-м Всемирном русском народном соборе, который проходил под лозунгом «Народосбережение России». В мероприятии участвовали как представители духовенства трех основных конфессий – христианства, ислама и иудаизма, так и представители власти РФ. В составе президиума мероприятия были руководитель Всемирного русского собора Патриарх Кирилл, его заместитель К. Малофеев, а также федеральные министры и депутаты Государственной думы и т.д.

Зал же был заполнен представителями различных регионов из числа членов Всемирного русского народного собора, а также членов Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый Орел». Первым по теме «Народосбережение» выступил Патриарх православной церкви России Кирилл. В своей речи Патриарх Кирилл затронул тему катастрофического состояния духовности русского народа, и как его следствие уменьшения населения страны, о недостаточности внимания к жизни православных людей на Центральном телевидении РФ и других информационных каналах и т.д. Словом, Патриарх Кирилл говорил как настоящий русский патриот и радетель за будущее русского народа, что должно вызывать лишь уважение и подчеркивает его любовь к собственной нации.

Много было замечательных выступлений на 23-м Всемирном русском народном соборе, которые предлагали варианты решения демографической проблемы, в том числе и катастрофического положения русского народа. Одно из них мне запомнилось больше всего – это выступление руководителя общества «Двуглавый Орел» – Леонида Петровича Решетникова, который отметил, что проблема демографии в России, в том числе и уменьшение численности русского народа, заключается не в отсутствии условий и стимула для рождения детей, а в отсутствие духовно-

сти и веры, и пока православной церкви не будет уделено должного внимания со стороны власти, эту проблему решить не удастся.

В этой связи меня беспокоит один вопрос, который я поднял выше, ставший роковым для чеченского народа во время попытки самоопределения в 1991–1994 гг. Когда речь идет о возрождении духовности и веры народов, в данном случае русского народа, очень важно, чтобы в этот процесс не были примешаны националистические силы и их воззрения. Чтобы они своими ложными идеями не испоганили весь процесс. Чтобы они не увели русский народ с пути возрождения на путь самоуничтожения.

В связи с вышесказанным считаю, что уже сегодня строя планы и расписывая программы по «народосбережению» и возрождению русского духа и русского народа нужно учитывать и интересы представителей иных конфессий, в том числе и русских мусульман, которых с каждым годом становится все больше и больше, несмотря на искусственные препоны и попытки некоторых лоббистов в экспертной среде остановить этот процесс. Уже сегодня следует определить роль иудаизма, мусульманства и других верований народов России в деле возрождения русского этноса. Определить их вклад и роль в возрождении русского народа и русского государства, так как в прошлом в становлении русского государства и русского этноса принимали участие и иудеи, и мусульмане, и представители других конфессий, малых народов, навеки соединивших свою судьбу с Россией и русским народом.

Сегодня очень важно, чтобы в движение национального возрождения русского народа и укрепления ее духовности и самобытности не проникли реакционные националистические силы, ибо русский народ – это цементирующий народ Российского государства. Русский народ, как фундамент здания, лежит в основе Российского государства и он же, как цементный раствор, скрепляет кирпичики этого государственного здания, состоящего из разных народов, культур и конфессий. Если русский народ заболит вирусом национализма, то не останется уже никакой объединяющей Россию силы, и здание нашего государства просто развалится, как карточный дом. Русский народ и православная церковь потому и притягивали к себе соседствующие с ними народы, так как были веротерпимы и в равной степени с уваже-

нием и справедливостью относились ко всем народам, жившим с ними бок о бок. И если сегодня русский народ теряет эти качества, поддавшись каким-либо националистическим воззрениям, то Россия потеряет свою притягательность для других народов, которые когда-то добровольно вошли в состав России.

Именно благодаря этой особенности русского этноса несколько столетий назад чеченские, а за ними и ингушские общества попросили подданства России, что стало отправной точкой создания Российского государства в современных границах. Историками установлено, что процесс знакомства русских с вайнахами начался в X–XV вв., а уже в XVI–XVII вв. были установлены постоянные русско-вайнахские связи. В 1781 г. окончательно был завершён процесс вхождения Чечни и Ингушетии в Российскую империю.

Следует всегда помнить, что Россия и русский народ не является государством и народом-завоевателем, построившим огромную империю на костях покорённых народов, как это преподносят враги России и русского народа, а прежде всего является правопреемником предваривших русское государство на евразийских просторах иудейского – хазарского и болгарского каганатов, буддистской, а затем и мусульманской Золотой орды, которые распались в силу ряда исторических причин. На их основе в качестве правопреемника и возникла Российская империя, а за нею и современная Россия. Этот подход и эта формула должна лечь в основу строительства нового российского общества и всех социальных программ, в том числе и в решении проблемы демографии в России.

Особенность русской души сформировалась, сочетая дух и традиции всех конфессий и народов, обитавших на этом пространстве. И кому как не русским дальше нести эту цементирующую и скрепляющую народы и конфессии историческую миссию, но при этом будет весьма неразумно и губительно загонять русский народ в некие религиозные догмы и идеологические рамки.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕОДОЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Саркарова Наила Ахедовна,
доцент кафедры
философии и социально-политических наук
факультета психологии и философии
Дагестанского государственного университета,
кандидат философских наук
(г. Махачкала)

Интерес к проблеме согласия вызван теми социально-экономическими, политическими и правовыми конфликтами, которые характеризуют современное российское общество в целом и дагестанское в частности. Актуальность проблемы определяется тем, что в современную эпоху серьезную опасность обществу представляет национальный и политический экстремизм, провоцирующий этнорелигиозную вражду, разрушающий традиции межэтнического и межконфессионального согласия и мира. Авторитарные традиции политической системы, незрелость институтов гражданского общества, отсутствие научно обоснованной политики государства привели к целому комплексу проблем, сопровождающихся значительным повышением конфликтности во всех сферах жизнедеятельности государства и общества.

Современное гражданское общество, функционирующее в процессе модернизации, находится в ситуации полного отсутствия согласия по поводу базовых интересов и ценностей. Духовный кризис, охвативший широкие слои массового сознания, проявляется в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы, понижении уровня самооценки нации, разрыве единого духовного пространства.

Конечной целью всякой модернизации является достижение устойчивого развития общества. В многонациональной и многоконфессиональной России эта цель сопряжена с достижением гражданского мира и общественного согласия. И приоритет здесь принадлежит духовно-нравственным факторам; единство убеждений, определяющих мировоззрение и соответствующие ему

нормы поведения, выступает предпосылками единства и согласия.

Именно согласие выступает важнейшим инструментом по преодолению конфликтов, изменяется роль и место согласия в социальных, политических, этнических воззрениях, акцент переводится с конфликта на согласие, единение, согласованность, консенсус. Согласие осмысливается как важный, методологически, гносеологически и логически нагруженный феномен, который приобретает статус общей культурной формы. Новые российские ценности могут основываться только на идее органического соединения правового строя, общественного согласия, демократического консенсуса и патриотизма.

Согласие, консенсус, толерантность, самосогласие, единство, национальное согласие, дипломатия согласия, международное социальное согласие, общественное согласие – таковы составляющие обсуждаемой проблемы, Национальное согласие есть политический принцип, правовая норма, праксиологическая идея. Понятие многозначное и многокачественное, малоизученное, недостаточно исследованное, потому и недостаточно используемое на практике. Согласие понимается как способ внутренних и внешних взаимодействий всех предметов мира, который выражает соединение противоположностей в определенных соотношениях. Анализ проблемы национального согласия требует взаимодействия онтологии, социологии, психологии, логики, этнографии, политики, культуры и этики национального согласия.

Характеризуя структуру и особенности национального бытия, российский философ Ахед Агаев в работе «Нациология» говорит о национально-политической консолидации народа, основанной на этнической сплоченности, «но не сводимой к ней». Далее предлагаю его видение согласия: «Согласие предполагает единомыслие по основным проблемам социально-экономического, политического и культурного развития нации, общность точек зрения, единый подход к пониманию и решению той или иной общенациональной проблемы, взаимное одобрение программ, доктрин, планов-намерений» [1].

В Республике Дагестан происходят сложные и противоречивые национальные процессы, обусловленные нерешенностью проблем репрессированных, депортированных и национально

разделенных народов, серьезными ошибками и перекосами в проведении переселенческой, аграрной и национальной политики, существенными различиями народов по уровню экономического развития, урбанизации, социальной обустроенности и другим показателям.

Глубинной сутью национального согласия является нарастающее в недрах гражданского общества осознание прямой зависимости решения социальных проблем отдельных групп общества и защита их интересов от характера и состояния политического строя. Учитывая сложность современной этнополитической ситуации в республике, политика национального примирения видится нам наиболее перспективной.

Национальное примирение – это идея упорядочения регионального разногласия, согласно которой споры не должны решаться с применением силы. Только национальный мир, дружба и сотрудничество между всеми этносами на основе их равноправного, взаимовыгодного согласования национальных интересов могут вывести республику из кризиса. Главной задачей органов государственной власти, правозащитных, общественных и религиозных организаций становится обеспечение межконфессионального диалога и толерантности как гаранта гражданского мира и согласия. Требуется проведение продуманной, научно обоснованной национальной политики, учитывающей потребности и запросы всех народов Дагестана.

Наука не ставит политических целей. Для науки важен любой объект, который до сих пор не изучался ею или отличается своей сложностью. Участие науки в политической жизни республики может быть обусловлено лишь выполнением научно-исследовательских, экспертно-прогнозных и консультационно-методических задач, связанных с достижением национального согласия в Дагестане конституционными путями. Если с этих позиций подойти к объекту такой науки как нациология, то мы еще не раз вспомним слова известного в стране нациолога Ахеда Агаева: «Нациология не представляет собой политической доктрины, она – наука, и как у всякой научной теории ее первой целью является оказание содействия обществу в достижении мира между народами на основе их свободного развития, национального самоопределения и равенства» [2].

Дагестанский феномен требует комплексного исследования, внимания, оценки, признания, творческого восприятия. Конечно, каждая республика, каждый регион и каждый народ имеет свою неповторимую специфику, но в дагестанском опыте есть то общезначимое, полезное, чем можно поделиться. Дагестан – не крупное государство национальностей, а полинациональное сообщество в крупном государстве, это 32 коренные национальности, а также этноязыковые локальные объединения жителей, изолированных горным рельефом поселений с сугубо традиционным, аграрным характером хозяйственных занятий и форм бытового, социального и культурного обустройства.

Полиформизм современной этнополитической ситуации в Дагестане столь необычен, что исследование может быть целостным и результативным при соблюдении двух методологических принципов – комплексности и проблемности. Необходимо учитывать многообразие форм национальных отношений, причины, их порождающие, провоцирующие, иницирующие и парализующие. Важно знать, что они регулируются во многом программами, уставами, практической политикой их руководящих органов, характером их лидеров, степенью их этнодифференцированности и этноинтегративности.

Дагестан выбрал форму межнациональной, коллективной, солидарной государственности. Единый Дагестан, не нивелирующий отдельные национальности и своеобразие их бытия, плюрализм их социальных и духовных запросов, и сейчас, когда по всему Кавказу прокатились сепаратистские, экстремистские процессы, отвечает своим этносолидарным консерватизмом. Этим он спасает себя от опасного этнополитического распада. Феномен единого Дагестана или дагестанского национального согласия – это самое добросовестное, заинтересованное, глубокое явление, которое приобретает огромное значение как совершенная модель регулирования межнациональных отношений.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», определяя основные принципы работы, обозначает в числе других сотрудничество с организациями и объединениями в противодействии экстремистской деятельности и принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности.

Будущее за цивилизационными консенсусами и компромиссами. В книге североамериканского философа Дж. Роулса «Теория справедливости» выдвигается идея сознательного применения разума к своим действиям. Он, в частности, пишет: «...свободные и рациональные люди, заинтересованные в защите собственных интересов, могут договориться в исходной позиции равенства и определить фундаментальные основы своего сотрудничества. На основе этих принципов заключаются и все последующие соглашения; они определяют тип их будущего сотрудничества и формы правления».

Список литературы

1. Агаев А. Нациология: философия национальной экзистенции. Махачкала, 1992.

МОБИЛИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ

Сеидова Гюльчохра Надировна,
заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО
по компаративным исследованиям духовных традиций,
специфики их культур и межрелигиозного диалога
по Северному Кавказу, профессор
(г. Дербент)

Аннотация. С опорой на примеры из деятельности отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (Россия, Дербент) обосновывается позиция, что противостояние экстремистских ветвей ислама и мировой цивилизации происходит почти целиком в культурной сфере. Вот почему сегодня столь необходимо внимание к мусульманскому культурному наследию. При этом показывается, что для богословского анализа явления экстремизма предпочтительным представляется целостное понятийное определение, а не дескриптивный вариант, описывающий различные проявления

экстремизма, но не дающий его концептуального определения. Выражается надежда, что в результате усилий различных структур, заинтересованных в гармонизации межрелигиозных и межнациональных отношений в социокультурном пространстве Северного Кавказа, удастся уберечь молодежь от опасного влияния радикальной идеологии.

Ключевые слова: ислам; религия; культурное наследие; молодежная среда; терроризм; экстремизм.

Идеологические концепции последних десятилетий привели к переосмыслению религии как одного из крупнейших культурных институтов в условиях современности. И это невзирая на негативные последствия в виде проявлений фанатизма, сектантства и пр. Религия имеет относительно различный удельный вес в повседневной жизни и культуре, но религиозная сфера сама по себе никогда не перестанет ставить перед человечеством вопросы. Разные духовные традиции связаны с конкретными культурами, выражая и порождая как их собственные особенности, так и особенности культуры в целом. Главный интерес для мусульманских мыслителей во все времена представлял человек и его верования с точки зрения исламской доктрины. Неиссякающий интерес к означенным проблемам во многом связан с необходимостью поиска ответов на современные вызовы. Не случайно международное сообщество ставит проблему сохранения культурного наследия, оценивая его как важный фактор культурного разнообразия и устойчивого развития в последние годы. Препятствием на этом пути становятся различные проявления радикального и экстремистского характера.

Именно роль культуры в истории в данное переломное время может определять изменение направления ценностных ориентаций российского общества в обозримом будущем. При этом ученые не могут позволить себе лишь изыскания в академической сфере, а должны, как нам представляется, выходить на передний край борьбы в профилактике действий радикально-экстремистского характера. Именно эту цель преследуют представители отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, участвуя в самых разных мероприятиях такого характера. Их много. Мы должны

передать подрастающим поколениям тот бесценный опыт мирного сосуществования представителей разных форм духовности, который характерен для нашего региона.

В последнее время мы все чаще наблюдаем ситуацию, когда различные средства массовой информации с завидной регулярностью сообщают о преступлениях, организаторы которых ссылаются на защиту религиозных идеалов или стремление распространить свою веру. Однако приводимая информация новостных лент не позволяет понять, действительно ли этот вал насилия питается религиозными истоками или экстремисты прикрываются идеалами веры, преследуя свои собственные, узкие, земные и вполне корыстные интересы. Нам представляется, что ученые, преподаватели вузов, сузов, средних школ, обладающие соответствующей компетенцией, должны уметь говорить с молодежью. Им нужно профессионально противостоять хорошо оплачиваемым психологам, специалистам по воздействию на сознание, которые состоят на службе у тоталитарных сект, организаций типа ИГИЛ и подобных им, рекрутирующим пушечное мясо для реализации своих устремлений, прикрытых псевдорелигиозными лозунгами.

Разумеется, считать это простой задачей не приходится ввиду противостояния с очень коварным противником. А доказательством тому, что противник хорошо «вооружен», служит то, что на их уловки попадают не какие-то безграмотные люди, а выпускники и студенты вузов высочайшего уровня. Один из примеров – студентка философского факультета МГУ Варвара Караулова. Вот почему отделение кафедры ЮНЕСКО часть своих усилий направляет на разъяснительно-профилактическую работу по противодействию проявлениям религиозного экстремизма.

Хочется хотя бы вскользь упомянуть некоторые: «Подвигу всегда есть место в жизни» 9.12. 2016 г.; «Мир против террора» 5.09.2017 г., «Культура против террора» 30.03.2018 г., «Мы против террора» 5.09.2018 г., «Марш солидарности в борьбе с экстремизмом и терроризмом» 4.04.2019 г. в отделе «Боевая слава» и «Терроризм – угроза обществу» 26.10.2018 г. в Центре мира и согласия Дербентского музея-заповедника; «Герои, шагнувшие в бессмертие» 25.10.2016 г. в Дербентском педагогическом колле-

дже и «Мы против террора» 5.09.2018 г., совместно с Дагестанским колледжем образования; городской Молодежный антитеррористический форум 22.02.2017 г.

В Дербентском медицинском колледже им. Г. А. Илизарова 29.11. 2019 г. в рамках Всероссийской богословской конференции состоялся антитеррористический форум, не оставивший никого равнодушным. По информации АТК МО г. Дербент, в рамках проводимого администрацией мониторинга процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия террору, выявлено следующее обстоятельство: в большинстве случаев вербовка молодежи осуществляется посредством интернет-ресурса в социальных сетях. На Международной научно-практической конференции «Опыт исламоведческих исследований в контексте возрождения и развития отечественной богословской школы», прошедшей 20–22 ноября в БИА, приведены такие цифры: 86% завербованных попадают через соцсети. Печальная статистика по Дербенту:

132 лица – выехавшие за рубеж для участия в боевых действиях в рядах МТО;

24 лица – отбывающие наказание за преступления террористической направленности;

33 семьи – ликвидированных и участвующих в боевых действиях членов МТО, в которых проживает 84 ребенка;

13 детей, находящихся с матерями в тюрьмах стран Ближнего Востока, возвращены в РФ и переданы на попечение родственников. Тут невозможно не вспомнить огромные заслуги руководства Чечни по возвращению на родину этих детей.

Поэтому наш нынешний разговор представляется весьма обоснованным и своевременным. На базе нашего Отделения ЮНЕСКО в Музее мировых культур и религий был проведен ряд семинаров по курсу «Диалог культур» для учителей, преподающих «Основы религиозных культур и светской этики». Отчасти итоги и этой работы были изложены нами в докладах в рамках проекта «Диалог культур» Института философии РАН под руководством профессора М. Т. Степанянц на «Всемирном форуме диалога цивилизаций» на острове Родос в Греции в 2015 и 2016 гг. Важно развивать вековые гуманистические традиции российского ислама, повышать качество религиозного просвещения,

укреплять в стране межконфессиональный мир и согласие. Именно из этих соображений руководство медресе при исторической Джума-мечети Дербента приглашает светских ученых для проведения молодежных форумов антитеррористической направленности. В свою очередь светские вузы, в частности Дербентский филиал Московского педагогического государственного университета, обращаются к руководству медресе с просьбой о содействии при проведении мероприятий, связанных с религиозной тематикой.

Прекрасным примером успешного использования потенциала взаимодействия светского и религиозного образования стало межрегиональное мероприятие «Эффективные стратегии реализации комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики”: теория и практика» 21–22 мая 2019 г. на площадке Джума-мечети. Оно вызвало неподдельный интерес и студентов, и учащихся медресе, и гостей – ученых из разных городов РФ. Важно понимание необходимости осмысления культурного наследия, которое, как квинтэссенция духовной культуры, выражает сущность и достижения всех ее компонентов. Этому должно способствовать целенаправленное позитивное идейное воздействие на неустойчивую часть населения, в первую очередь на молодежь, которая может служить легкой добычей для изоциренных и хорошо финансируемых ловцов человеческих душ. Поэтому и светское, и традиционное исламское образование в регионе должно быть готово к профилактической деятельности по противодействию терроризму.

Опасность тенденции объяснять экстремистскую деятельность исключительно религиозными мотивами привела к тому, что несколько лет назад звучали голоса, призывающие признать экстремистскими даже основные сакральные тексты традиционных для Российской Федерации религий – иудаизма, христианства, ислама и буддизма. К счастью, здравый смысл одержал верх. Итогом в результате открытых обсуждений в обществе стало принятие Федерального закона РФ от 23.11.2015 № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности”», согласно которому «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами» [11].

Для богословского анализа явления экстремизма предпочтительным представляется целостное понятийное определение, а не дескриптивный вариант, описывающий различные проявления экстремизма, но не дающий его концептуального определения. Несмотря на столь вынужденное внимание, «дать полноценную политико-правовую и научно-теоретическую характеристику» этого явления «не видится возможным», поскольку «такого определения до сих пор не сформулировано ни в одном из возможных источников», а сам по себе «феномен экстремизма – это слишком сложное, объемное и неоднозначное проявление объективной реальности» [1, с. 107]. Возможная связь экстремизма и религии может проявляться в насильственном навязывании определенно-го – и именно *религиозного* – мировоззрения другим людям вне зависимости от их собственного выбора. Экстремистская деятельность в таком случае заключается в «...приверженности религиозных организаций или верующих крайним действиям, направленным на гомогенизацию всего общества в соответствии с набором религиозных идей, учений или концепций» [5, с. 80].

Каждая религия и религиозное образование претендуют на свою исключительность в обладании полнотой истины. Однако если религиозная организация только *декларирует*, а не *навязывает* свою правоту остальным членам общества, не посягая на свободу их мировоззрения и вероисповедания, такую организацию нельзя причислять к экстремистской. Но уже при первых систематических противоправных действиях *насильственного характера* для обращения членов общества в свои ряды она, безусловно, становится экстремистской.

Для большинства простых людей, не приобщенных к понимание сущности мусульманского Священного Писания, в условиях террористической деятельности запрещенного в России так называемого Исламского государства, представляется противоестественным то насилие, которое стало сутью исламистов, узурпировавших право только одних себя считать мусульманами [9, с. 191]. Наблюдается такая тенденция, что истинность первоначального ислама объясняется как идея восстановления изначального ислама через обращение к опыту (ас-салаф ас-салихун), а возрождение исламского наследия трактуется как реставрация раннеисламских социальных институтов и связанных с ними пра-

вовых и социальных норм. При таком подходе миру, погрязшему в невежестве (джахилийя), противопоставляется закрытая «спасшаяся группа» (фирка наджия), претендующая на единственно правильное понимание шариата и наделенная миссией распространения истинного Божественного порядка на все человечество. «Этот фанатизм борцов за веру, воспитанный всем укладом жизни, священными нормами религии (идея святого сана, вера в немедленное загробное воздаяние за правые дела), на многие века определил принципы поведения воинов Аллаха» [4, с. 43]. В качестве ответа мусульманские мыслители стремятся показать, что священный Коран, как величайший наставник, обращаясь к людям и направляя их, не может не знать истинного облика человека, а айаты этой книги прямо или косвенно содержат ответы на важнейшие вопросы о сущности человека.

Сегодня существует представление, что фактором развития государств выступает взаимодействие политических и географических условий. Мусульмане всего постсоветского пространства: Кавказа, Поволжья и Центральной Азии, – преодолев в пресловутые 90-е годы искусственную изоляцию от исламского мира, приобщились не только к мусульманским культурным ценностям, но и к различным, в том числе политизированным течениям этой религии, что делает угрозу экспорта радикальных идей более чем реальной [8, с. 58]. Поэтому в условиях насаждения глобального западного миропорядка столь важно сохранение и развитие наших исконных богословских традиций. Понятие национальной безопасности, как и гуманитарной безопасности, предполагает понимание не только внешних и внутренних угроз, но и всего комплекса условий, обеспечивающих полноценное использование этнокультурного ресурса для поддержки достойного отношения к культурной традиции. Это может послужить в качестве своеобразного «идеологического фильтра» от прессинга чуждой западной массовой культуры или идей экстремизма.

Актуальность сохранения и развития богословских традиций, культурного наследия для развития межнационального согласия и, соответственно противодействие экстремизму, в значительной мере детерминируется необходимостью изучения его роли и влияния на формирование современного социокультурного пространства бытия народов. В условиях все возрастающего

внешнего прессинга на Россию жизненно важна стабильность ее Юга, с раскачивания которого традиционно начинают деструктивные силы. Для предотвращения возникновения новых и разрешения уже имеющих место межнациональных и межконфессиональных конфликтов и федеральным, и местным властям нужно реализовывать комплексную систему мер профилактики. И здесь особую значимость приобретает мобилизация мусульманского культурного наследия. Фундаментальным основанием для определения актуальных направлений обеспечения безопасности и проблем реформирования государства становится выяснение геополитических приоритетов национальной безопасности. Без осознания своей идентичности российское общество не сможет быть достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на современные вызовы во всех сферах, в том числе национальной безопасности страны [3, с. 24–25].

Исторически так сложилось, что многонациональное и поликонфессиональное Российское государство аккумулирует на своих просторах наибольшее количество коренного мусульманского населения среди всех стран Европы. Руководство страны постоянно обращается к теме духовной, культурной и цивилизационной близости с мусульманским миром, для которого она является «органичной частью». Президент РФ В. Путин был первым, кто официально признал, что Россия – это и мусульманская страна. В его выступлении на заседании парламента Чеченской Республики в декабре 2005 г. было обоснованно отмечено, что наша страна была неизменно верным и последовательным защитником ислама. В подтверждение этой позиции в речи президента на торжественном собрании в Уфе, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России в октябре 2013 г., ислам упоминается как «яркий элемент российского культурного кода». Как известно, с 2005 г. Российской Федерации по просьбе В. В. Путина предоставлен статус наблюдателя в Организации Исламского Сотрудничества.

Совершенно не случайно то, что противостояние экстремистских ветвей ислама и мировой цивилизации происходит почти целиком в культурной сфере. Вот почему сегодня столь необходима опора на мусульманское культурное наследие. Увеличение или уменьшение террористической угрозы на Ближнем и Среднем

Востоке является индикатором мировой устойчивости. Именно здесь сосредоточен основной инкубатор террористических организаций, и взрывоопасная ситуация в этом регионе влияет на стабильность всего мира. А то обстоятельство, что здесь сконцентрировано большинство запасов нефти, делает страны мирового сообщества зависимыми от ее поставок и непосредственно влияет на стабильность их политических систем. Как разновидность культурной трансмиссии в условиях обострения социальных противоречий и проявляется фундаментализм.

Как известно, он тесно связан с религиозной практикой и ориентирован на репликацию культурных образцов, их сохранение в неизменном виде и очищение от нововведений (бид`а). Как специфическая защитная реакция традиционного общества на ускоренный распад норм и ценностей под воздействием неизбежного процесса глобализации проявляется это крайнее социокультурное явление. Сегодня никто уже не готов отказаться от вторичных, производных проявлений глобализации, таких как Интернет — связи или индивидуальные коммуникационные возможности, разнообразные формы международного культурного обмена и общения, но как издержки — организованная преступность и международный терроризм. Все это не может не создавать почву для новых конфликтов и противоречий, которые, в свою очередь, ставят пределы возможностям дальнейшей глобализации.

Ислам нередко интерпретируется в мире в качестве политической религии, которая основывается не только на вере, но и на культурной системе ценностей с универсальными претензиями. Однако крушение прежних парадигм и ценностей повсеместно приводит к реакции «самосохранения». Чтобы не потерять собственную идентичность, свое «я», люди всё чаще обращаются к вере, стараются опираться на основные ценности своих культур. Когда ученые из исламских стран обращаются к вопросам глобального переустройства мира, они концентрируют внимание на принципах социальной справедливости, уважения самостоятельности и самобытности национально-культурных образований. Там именно в религиозных понятиях происходит освоение и усвоение всего, что связано с человеческой деятельностью. Как полагает российский исследователь М. Ю. Смирнов: «Религия действительно “творит” культуру, но лишь в качестве одной из

разновидностей целенаправленной человеческой деятельности. Наряду с религией в культурно-историческом движении общества действует множество других, не менее важных факторов. Специфика религиозного сознания проявляется, скорее, в особой «расстановке» идей и представлений, посредством которых мыслится мир человека» [10, с. 26].

Как справедливо отмечают российские исследователи: «Исламский мир не гомогенен, и было бы ошибкой думать, что абсолютное единообразие царит здесь в сфере смыслополагания. Конечно, это не так, и процессуальный взгляд на мир составляет доминанту, но не исчерпывает все явления этой культуры» [7, с. 100]. Наблюдаемые необратимые процессы ухудшения состояния окружающей среды и терроризм, ставший бичом современности, приводят к осознанию того, что путь к Новому человечеству предполагает ряд моментов: 1) возвращение вновь к пониманию взаимозависимости человека, природы и мироздания, 2) установление нового рода единства людей, 3) обновленный взгляд на понимание важности «я» [6, с. 486]. Как путь к созданию новой модели мироустройства видится позиция профессора Ф. И. Шаркова: «Разобщение людей, противопоставление национально-этнических, конфессиональных идентичностей в глобальном масштабе может привести к ускоренному движению и гибели цивилизаций и культур. Противостоять этому пути развития может лишь способ существования земных цивилизаций, в котором нравственность поставлена во главу угла в действиях всех стран, народов и их правителей и лидеров» [12, с. 175]. В условиях риска и неопределенностей будущее социума зависит не только от способности общества к трансформации и модернизации, но и способности властных структур и элиты формировать новую систему ценностей [2, с. 23–24].

Список литературы

1. *Абдуллаев М. Х.* Понятие экстремизма и пути его распространения через каналы СМИ // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2017. № 3.

2. *Данакари Р. А., Мобили Р. М.* Этнорелигиозные факторы интеграции современного социокультурного пространства // Тра-

диционные и нетрадиционные религии в социокультурных процессах современной России: сборник материалов Российской научно-практической конференции / под общ. ред. С.Н. Астапова; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015.

3. *Жаде З. А.* Геополитические доминанты национальной безопасности и вызовы российской идентичности // Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе. Симпозиум IV. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8–12 октября 2007 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2007.

4. *Журавлев И. В., Мельников С. А., Шершнев Л. И.* Путь воинов Аллаха. Ислам и политика России. М., 2004.

5. *Мартинович В. А.* К проблеме определения понятия «религиозный экстремизм» // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3.

6. *Розе Я.* К новому человечеству: от эмоционального познания к духовной интуиции // Единство и многообразие в религии и культуре. Философские и психологические корни глобальных противоречий. СПб: ФКИЦ «ЭЙДОС», 2006.

7. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

8. *Сеидова Г. Н.* Религиозно-политическая ситуация на Кавказе // Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе. Симпозиум IV. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8–12 октября 2007 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2007.

9. *Сенюткина О. Н.* Коранический гуманизм как составляющая содержания учебного процесса в светском вузе // Ислам в современном мире. 2016. № 1. Т.12.

10. *Смирнов М. Ю.* Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.

11. Федеральный закон от 23.11.2015 № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “О противодействии экстремистской деятельности” // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информа-

ции. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201511230050?index=1&rangeSize=1> (дата публикации: 23.11.2015; дата обращения: 01.07.2019).

12. *Шарков Ф. И.* Информационно-коммуникационная парадигма развития государственности: цивилизационный надкультурный и надрелигиозный аспекты // *Ислам в современном мире.* 2015. Т. 11. № 3.

АРАБСКИЙ МИР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сугаипова Айзан Магомедовна,

старший преподаватель
кафедры новой и новейшей истории
Чеченского государственного университета

Хадизова Малика Саид-Эмиевна,

студентка 4-го курса исторического факультета
Чеченского государственного университета
(г. Грозный)

Аннотация. В течение всего периода холодной войны Ближний Восток был ареной острого противостояния двух сверхдержав – США и Советского Союза. В начале 1990-х в результате распада СССР баланс сил между Вашингтоном и Москвой в регионе резко изменился. Несмотря на приобретение Российской Федерацией статуса правопреемницы СССР по международным делам и полученный ею таким образом титул ко-спонсора арабо-израильского мирного процесса, она стала второстепенным игроком в регионе и в течение 1990-х шла в фарватере мирных инициатив США. В то же время Вашингтон стал единоличным архитектором ближневосточного мирного урегулирования, удерживая всех других потенциальных посредников на периферии дипломатического процесса.

Ключевые слова: Россия; США; Ближний Восток; мирный процесс.

Провал Кэмп-Дэвидских переговоров в июле 2000 г. и вспышка второй интифады доказали, что единоличное посредничество США не является достаточным для окончательного урегулирования арабо-израильского конфликта. Ближневосточная политика России в последнее десятилетие претерпела существенную трансформацию, обусловленную, прежде всего, сложным процессом развития российской внешней политики в условиях, сложившихся на мировой арене в начале XXI в.

Кульминация государственной активности и влияние на Западную Азию, состоявшую в этом субпроцессе, должны быть направлены на то, чтобы не потерять свои позиции на Ближнем Востоке.

Важнейшая политика России на Ближнем Востоке означает статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, в котором участвуют четверть международных посредников по урегулированию палестино-израильского конфликта, и с 2005 г. статус наблюдателя в этой организации. Россия не может оставаться в стороне от процессов в регионе и самоустраниться от решений конфликтных ситуаций.

Скорее всего, российская политика на Ближнем Востоке приобрела определенную коррекцию. Ее независимым императивом становится не идеология, а прагматизм, стремление к взаимовыгодному экономическому и политическому сотрудничеству. При этом экономическая дипломатия вошла в перечень приоритетных.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная в 2000 г., определила основные приоритеты деятельности президента Владимира Путина на мировой арене. По Ближнему Востоку документ декларировал следующие задачи: «восстановление и укрепление позиций, прежде всего экономических, в этом богатом и важном для наших интересов районе мира». [1, с. 3].

В настоящее время существует комплекс факторов, которые позволяют оценить особенности присутствия России на Ближнем Востоке. В первую очередь, это влияние вопросов обеспечения территориальной целостности современной России. Авторитет Путина во многом держится именно на проведении сильной по-

литики внутри России и обеспечении незыблемости ее территориальной целостности. В основу легитимности его лидерства возложена победа над сепаратистами на Северном Кавказе.

Поэтому в решении вопросов ближневосточной тематики Россия обязана учитывать значительное количество внутренних проблем, связанных с российским исламом, а также влиянием мусульманских общин соседних стран. Следовательно, можно говорить, что активизация российской политики в регионе Ближнего Востока не в последнюю очередь обусловлена и внутривнутриполитическими потребностями в защите от вызовов и угроз, которые несут конфликтные ситуации в регионе Ближнего Востока территориальной целостности и стабильности российского государства в целом, а также непосредственной угрозы потери влияния в регионе, который Москва считает зоной своих особых интересов. С данной точки зрения тактика Путина на Ближнем Востоке среди прочего заключалась и в разрушении моральной и материальной поддержки, которую мусульманские страны долгое время оказывали чеченским сепаратистам. Стоит отметить, что задача эта, с разной степенью эффективности, была решена.

В первую очередь, состоялось налаживание отношений с российскими мусульманскими ассоциациями, предоставление им финансовой помощи, что сделало их более лояльными к власти и менее чувствительными к аргументам и пропаганде иностранных религиозных организаций. Кроме того, В. Путин создал себе позитивный имидж в тех странах, которые сочувствовали чеченцам и оказывали им поддержку. В результате мусульманский мир в целом воспринял демонстрацию лояльности России к исламу и, как результат, в 2005 г. Российская Федерация была принята в статусе наблюдателя в ряды Организации Исламская конференция [8, с. 203].

Дополнительные возможности для Москвы открылись после того, как США вошли в Ирак, свергнув режим Саддама Хусейна. Из-за неудачной американской политики восстановления страны и начала масштабной диверсионной борьбы в Ираке мусульманские государства сосредоточили свое внимание на Багдаде, оставив «чеченский вопрос» на периферии своего внимания. В то же время новые возможности для антизападной и антиамериканской риторики позволили России улучшить свои отношения с мусуль-

манским миром. Кроме того, для Москвы это был шанс продемонстрировать себя как неоевразийскую империю, в состав которой входит многочисленное мусульманское население, как единую страну, которая может совместить в себе и западную, и восточную цивилизации без их радикального столкновения [7, с. 71–78].

Анализируя ближневосточную российскую политику в начале XXI в., стоит вспомнить, что значительное влияние на нее имел Е. Примаков («тяжеловес» советской и российской политики, который занимал целый ряд ведущих должностей – от министра иностранных дел до премьер-министра РФ). Е. Примаков известен как последовательный сторонник арабских интересов и личный друг Саддама Хусейна. Некоторые эксперты убеждены, что влияние в вопросах формирования российской внешнеполитической повестки дня для Ближнего Востока «пенсионера» Е. Примакова значительно более весомое, чем влияние С. Лаврова [3].

Еще одним важным фактором, определяющим российскую ближневосточную политику в начале XXI в., являются интересы военно-промышленного комплекса (ВПК) Российской Федерации. Продажа оружия за границу ежегодно приносит миллиарды долларов в российский бюджет. Крупнейшие корпорации российского ВПК обычно во главе с бывшими работниками советской системы пользуются особым влиянием в Кремле.

Военные корпорации и их лоббисты в Кремле заинтересованы в увеличении экспорта оружия на Ближний Восток, или хотя бы в сохранении существующего уровня [13, с. 89]. Среди основных покупателей выступают Иран и Сирия. Заметное влияние на позиции России в регионе совершил визит Д. Медведева в Турцию в мае 2010 г. Действующий тогда российский президент во время визита не только подписал ряд договоров о сотрудничестве на сумму более 25 миллиардов долларов и достиг отмены визового режима между странами, но и подключил Россию к участию в геополитическом треугольнике Турция – Сирия – Иран.

Важным элементом политики В. Путина на Ближнем Востоке стало расширение экономического сотрудничества с мусульманскими странами, которые и по сей день остаются перспективными рынками для сбыта российской продукции.

Для поддержания собственного авторитета, который позволяет реализовывать российские интересы на Ближнем Востоке, Москва активно развивала партнерские отношения и с другими странами региона, в частности Турцией и государствами Персидского залива. Наибольший интерес для обеих сторон представляет вопрос энергетического сотрудничества и координации ценовой политики на энергоресурсы на мировых рынках. В данном контексте Россия проводила активные переговоры с Саудовской Аравией, Катаром (особенно по созданию газового ОПЕК) и другими ближневосточными странами.

После победы на парламентских выборах в Палестинской национальной автономии движения «Хамас» Израиль, Соединенные Штаты и ряд стран ЕС выступили с инициативой международной блокады этого движения. Однако его изоляция была, несмотря на возражения указанных стран, прервана Россией, принявшей в Москве представителей «Хамаса».

Эти шаги имели важный пропагандистский характер и были направлены на улучшение имиджа России среди мусульманских стран. В данном случае Российская Федерация выступала как государство, которое восстанавливает мосты, разрушенные израильской авиацией, и опирается при этом на прежних чеченских сепаратистов, демонстрируя, что чеченская война закончена.

Кроме того, опасаясь реакции Запада после войны в Грузии в августе 2008 г., российская сторона пригласила президента Сирии Б. Асада к переговорам об установлении на территории его страны российской системы ПРО. В общем, следует подчеркнуть, что отношения России с государствами Ближневосточного региона развиваются с разной интенсивностью в силу разных российских интересов [11].

С Сирией Россию объединяло стремление создать противовес американскому влиянию на Ближнем и Среднем Востоке. Эти две страны еще с советских времен связывают дипломатические, военные и экономические связи. Российско-сирийское сотрудничество в тот период осуществлялось в энергетике, экономике, военной сфере. В условиях постоянной эскалации напряженности в отношениях Сирии с США и другими странами Запада Россия оставалась одним из немногих партнеров Дамаска, не относящихся к «оси зла». Египет также является одним из важных тор-

говых партнеров в регионе. Особенно интенсивно Каир покупает российское оружие [13, с. 89].

Для ближневосточного арабского мира Россия интересна как альтернативный участник освоения нефтяных и других природных богатств с помощью своих технологий и как выгодный рынок для капиталовложений. В этой сфере возможно взаимопроникновение российских и арабских инвестиций.

Характеризуя сотрудничество России с мусульманским миром на Ближнем Востоке в начале XXI в., следует выделить еще один важный момент. Он заключается в том, что Россия действительно опасалась подрывной деятельности Ирана и других мусульманских государств в северокавказских республиках, направленной на провоцирование в них восстаний и беспорядков. Этот риск заставлял Москву занимать сдержанную позицию по отношению к «Хамас», поддерживать Иран и Сирию, а также постоянно вести диалог с Саудовской Аравией и ОАЭ.

В то же время в Кремле активно развивают сотрудничество с Израилем. Одним из первых шагов в этом направлении стал визит В. Путина в Иерусалим в 2005 г., положивший начало реальному российско-израильскому сближению. Речь идет, прежде всего, о сотрудничестве в борьбе с терроризмом и производстве оружия.

Важным шагом в налаживании российско-израильских отношений стал визит в Израиль в 2007 г. министра иностранных дел РФ Лаврова, цель которого была продемонстрировать присутствие России на Ближнем Востоке.

На фоне прихода к власти в Палестинской автономии движения «Хамас», которое взяло власть в свои руки в секторе Газа, Москва вынуждена была отреагировать для того, чтобы не потерять собственное влияние в регионе и сохранять баланс собственных интересов с интересами США, ЕС и ООН [11].

Во времена президентства Д. Медведева в отношении Израиля Россия подтвердила, что политическое урегулирование конфликта должно основываться на соответствующих резолюциях Организации Объединенных Наций (включая неотъемлемое право на возврат палестинцев) и принципах Мадридской конференции (возврат оккупированных территорий, включая Восточный Иерусалим и Голанские высоты, под юрисдикцию арабских стран

в обмен на их мирный договор с Израилем). Кроме того, Д. Медведев подтвердил приверженность его страны принципу «двух государств». Принимая во внимание наличие в Израиле более одного миллиона бывших советских граждан, Москва стремилась предотвратить прогнозируемую миграцию в случае резкого обострения ситуации на Ближнем Востоке.

В данном контексте во время своего визита в Сирию весной 2010 г. Д. Медведев высказался за примирение между движениями «Фатх» и «Хамас», а также встретился с Х. Машалем, политическим лидером палестинского сопротивления. Кроме того, во время визита в Сирию Д. Медведев, ссылаясь на угрозы Израиля бомбить сирийские конвои, поставляющие оружие в Ливан, предостерег Тель-Авив от эскалации напряженности в регионе.

Палестино-израильский конфликт оставался одной из самых «горячих точек» не только на Ближнем Востоке, но и в мире. Этот региональный конфликт не имел себе равных с точки зрения способности распространяться на глобальный уровень. Переход к многополярному миру в целом объективно усилил роль государств и организаций, непосредственно вовлеченных в региональные конфликты, намного повышает их опасность и сужает возможности управления ими [7, с. 163].

После окончания холодной войны бытовало мнение, что реальная угроза выхода арабо-израильского противостояния за региональные рамки отпала сама собой. Но в XXI в. этот вывод перестал отвечать реалиям, а военная операция США в Ираке значительным образом изменила баланс сил на Ближнем Востоке. Однако кардинальных изменений политика ведущих мировых держав, в первую очередь США и РФ, в регионе не претерпела, прежде всего в силу того, что основой ее выступает резолюция Совета Безопасности ООН № 242 1967 г. [9, с. 93]. Этот документ является базовым в международных миротворческих усилиях и инициативах, среди которых – проект «Дорожная карта».

«Дорожная карта», подготовленная четверкой международных посредников в составе ООН, ЕС, России и США и официально опубликованная 1 мая 2003 г., представляет собой план из трех этапов окончательного и полномасштабного урегулирования палестино-израильского конфликта путем создания палестинского государства на основе формулы «мир в обмен на территории»

и резолюций СБ ООН № 242, 338 и 1397 и с учетом замечаний обеих сторон конфликта (принят специальной резолюцией СБ ООН от 19 ноября 2003 г.), являя собой единственный легитимный план урегулирования ближневосточного конфликта.

В 2010 г. речь шла о формировании своего рода «инициативной группы», которая существенным образом дополнила и усилила бы «четверку международных посредников» весомым региональным элементом. В этой роли могли бы выступить Египет как крупнейшая арабская страна региона и опытный переговорщик с Израилем, Саудовской Аравией, имеющий опыт подготовки мирных инициатив в 2002 г., а также может финансировать необходимые меры по установлению мира в регионе [2].

С момента обнародования «Дорожной карты» произошли существенные изменения как на региональном, так и на глобальном уровне, в результате чего полностью потеряли свою актуальность временные параметры, заложенные в данный документ, налицо очевидная устарелость концепции, положения которой уже не соответствуют реалиям. Несомненным является тот факт, что повестка дня процесса мирного урегулирования должна была содержать все аспекты ситуации на Ближнем Востоке, в том числе сирийско-израильскую и ливано-израильскую составляющие. Невозможно будет избежать и иранской проблематики, в частности, резкое неприятие Израиля [4, с. 3].

Подводя итоги, отметим, что в начале XXI в. Россия на Ближнем Востоке пыталась поддерживать равновесие в отношениях между странами, соперничающими между собой. Она попыталась проявить максимальную лояльность ко всем и отказалась от идеологии как инструмента геополитического выбора. В то время как администрация Буша-младшего призвала к полной демократизации Ближнего Востока и объявила «крестовый поход» против мусульманских стран, «оси зла», Россия демонстрировала свою полную приверженность сохранению статус-кво в регионе.

В данном контексте многие эксперты в мусульманских странах отмечают, что Россия в начале XXI в. качалась в вопросе противостояния между двумя центрами силы – шиитско-иранским во главе с Ираном и суннитско-арабским во главе с Саудовской Аравией и лояльными к ней исламскими странами. Эти колебания обусловлены тем, что соперничество в регионе стро-

ится по принципу «игры с нулевой суммой», где компромисс невозможен. Россия, со своей стороны, хотела бы поддерживать прагматичные отношения с обоими центрами мусульманских влияний.

Многостороннее взаимодействие с государствами обеих группировок отвечает долгосрочным интересам самой России, а именно укреплению отношений с арабо-мусульманским миром.

Таким образом, Россия в начале XXI в. продемонстрировала (и продолжает демонстрировать сейчас) приверженность многостороннему подходу в собственной ближневосточной политике, что позволяет ей при минимальном вложении в это политико-экономическое направление получать максимальные дивиденды.

В 2008 г. стратегия России на Ближнем Востоке не изменилась, как и не изменился характер двусторонних отношений между Москвой и большинством государств региона. В отличие от США, смена администрации в Кремле не нуждалась в «перезагрузке» всего комплекса российско-арабских и российско-израильских отношений.

В заключение следует отметить, что помимо таких достаточно узкопонимаемых задач, как сдерживание военных и военно-политических угроз, российская политика на Ближнем Востоке была призвана обозначить высокий международный вес Российской Федерации, ее способность проводить свой собственный, независимый курс. Попытки обеспечить проведение Российской Федерацией такой линии, которая свидетельствовала бы о настойчивости в защите ею своих интересов, трансформировались в активизацию связей с различными региональными акторами, возобновление поставок оружия и поддержку государством усилий российского бизнеса.

Список литературы

1. Бакланов А. Ближний Восток-2020: вероятно ли всеобъемлющее урегулирование? // Независимое военное обозрение, 22 января 2010.

2. Бакланов А. Ближневосточное урегулирование – возможности возобновления мирного процесса // «Новое восточное обозрение». 11.03.2010. <http://www.journal-neo.com/php/content.php?id=520>

3. Бен-Ишай Р. Как формируется политика России на Ближнем Востоке. Интернет-издание Mideast.ru.
<http://www.mideast.ru/364/37523>

4. Директор Института востоковедения РАН. В. Наумкин: «Не надо сравнивать Палестину с Северным Кавказом» // Московский комсомолец. 27 ноября 2009 г.

5. Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Салтанова А.В. ИТАР-ТАСС по ближневосточному урегулированию и российско-ливанским отношениям 22 января // Дипломатический вестник. 2003. № 2.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля.

7. Лузянин С. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008) // АСТ – «Восток – Запад».

8. Миркасымов Б. Россия и арабские страны // Россия в Азии: проблемы взаимодействия. М.: РИСИ, 2006.

9. Мирский Г.И. Круглый стол «Тройной кризис на Большом Ближнем Востоке» // редакция журнала МЭиМО; основной доклад // МЭиМО. 2007. № 4.

10. Примаков Е.М. Основополагающий конфликт // Россия в глобальной политике. 2009. №3.

11. Россия «новая» глазами арабов // Время Востока. 21.02.2007 <http://www.easttime.rU/analitic/2/8.html>

12. Шумилин А. Россия в поисках своей роли в ближневосточном урегулировании // Россия сегодня и завтра. 2009. № 7. Фонд Фридриха Эберта в РФ <http://www.fesmos.ru/>

13. Юрченко В.П. Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: вчера, сегодня, завтра // Ближний Восток и современность. Выпуск 23. М., ИИИиБВ, 2004.

INFLUENCE OF TERRORISM ON SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF CHECHNYA

Тагиева Шахназ Гейдар,

младший научный сотрудник

Института кавказоведения

Национальной академии наук Азербайджана

(г. Баку)

Chechnya is a southern geographical region of Russia. The Republic is located at the crossroads of Europe and Asia, the Caucasus and the Eastern Plains. It also borders the Republic of Stavropol in the north-west, the Republic of Dagestan in the east, the Republic of Ingushetia in the west, and along the dividing chain of the Greater Caucasus in the south. The territory of Chechnya is approximately 17 thousand km. The largest cities are Grozny, Gudermes, Cahargala and Malgobek [1].

According to statistics provided by Rosstat, the population of the Chechen Republic at the end of 2010 was 1 269,1 1 thousand, and at the beginning of 2018, 1 447,691 people. As of January 1, 2019, the population is 1,458,401. Most of the city's population is concentrated in major cities of the republic, such as Grozny, Argun, Gudermes, Urus-Martan, Shali [3].

Chechnya was established on December 5, 1936 under the name of the Chechen-Ingush Autonomous Republic. However, after the Second World War this republic was abolished for reasons of assistance to the Germans, and it was allowed to rebuild on January 9, 1957. In 1991, the Chechen Republic declared its independence. It should be noted that after declaring independence of the republic, tense situation began to be observed here. Because the Chechen people did not accept the rule of a Christian state. Thus, the first Russian-Chechen conflict occurred in 1994 and in 1999 the second. Two wars have had a negative impact on the region's economy. As a result, there was a crisis in the country's economy. After the war, Chechnya's socio-economic infrastructure collapsed and unemployment rose. The number of unemployed people in the Chechen Republic from 2006 to 2008 was estimated to be between 300,000 and 330,000. Today, the Republic also has global social problems, unemployment and extremism too.

Conflicts along with the economy have had a negative impact on the demographic structure of the republic. Since the end of 1991 the demographic structure of the country has changed significantly.

Of course, the tense situation created radical groups among the population of the republic. Conflict with the withdrawal of Chechen fighters from Chechnya in 2002-2003 spread throughout the region and the North Caucasus.

It should be noted that in 2018, 11 armed incidents were registered in the Republic of Chechnya. At least 34 people were killed, 25 were dead and 9 were injured. In 2017, there were eight armed incidents, with at least 40 people suffering during this period. 31 of them are dead and 9 are wounded. Thus, the number of armed incidents in Chechnya in 2018 increased by 37.5% compared to 2017. 31 people suffered from clashes in the North Caucasus during the first six months of 2019.

In spite of all this, the republic is conducting a series of reforms in the socio-economic sphere. In 2010, the volume of investments in fixed assets in the country undergoing rehabilitation increased 3 times compared to 2005. Formation of economic complexes are based on the principle of "vertical integration" from sources to consumers. Such a structure will provide an opportunity to establish a new economic framework for the development of the Chechen Republic.

There are various social problems in the country. Opportunities for children from poor families to obtain higher and secondary special education are much lower than for wealthy children, thus reducing the competitiveness in the labor market. Therefore, a number of measures must be taken to overcome this situation. These measures are aimed at ensuring macroeconomic stability, increasing incomes, improving the effectiveness of social protection programs and improving social partnership mechanisms.

The working methods of social protection bodies to address the problems should be coordinated with the creation of a unified system of employment and social protection, coordinated planning and implementation of social protection agencies, employment services and housing subsidies and other forms of social assistance.

Emphasizes the importance of improving the quality and scope of services for people in difficult life situations, including the development of social services, rehabilitation and social inclusion services.

The government's policy is to improve the quality and scope of social and economic services, using the country's potential. New mechanisms should be considered to improve the quality and accessibility of social services.

Thus, the main strategic task is to do a variety of activities to improve the well-being of the citizens and the socio-economic provision of the country's population [2].

CONCLUSION

It is worth noting that the tense situation in the Chechen Republic, one of the mixed republics of the North Caucasus, the existence of radical groups, the problems of terrorism and socio-economic issues continue to manifest itself. But in spite of all this, the republic is trying to use its potential to solve many problems. The strategies of socio-economic development of the republic, defined in the form of economic complexes, allow solving existing problems in this area of the republic.

LITERATURE

1. Açma B., Yenişen K. Kafkasya'nın ekonomik potansiyeli ve dönüşümü için politika ve stratejiler // yönetim ve ekonomi. Cild 20. Türkiye, M.: Celal Bayar ün-si, 2013. s. 132–149.

2. Абдулаева Э.С, L J Journal.ru, Company group “Intellect”, Социальная защита населения в Чеченской Республике: проблемы и пути их решения/ <https://docplayer.ru/43673679-Socialnaya-zashchita-naseleniya-v-chechenskoj-respublike-problemy-i-puti-ih-resheniya.html/2015>

3. Regnum, Численность населения Чечни за год увеличилась на 10710 человек /<https://regnum.ru/news/society/2558879.html> Грозный, 24.01.2019

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА КАК ВАЖНАЯ СТУПЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ

Фархадова Жяля Фамиль

докторант Сумгаитского государственного университета
(г. Сумгаит)

Человек, как существо социальное, является составной частью как общества, так и природы. Поэтому правильно построенный процесс социализации способствует гармоничному, здоровому развитию личности и формированию его как полноценного члена общества, занимающего активную жизненную позицию, приносящего пользу себе и другим. В этом плане можно сказать, что роль начальной школы в сохранении природных, здоровых начал в развитии каждого человека, начиная с малых лет, исключительно велика. Дети, обучающиеся в начальной школе, находятся в близком к природе состоянии, когда есть возможность полностью выявить и развить все природные задатки и возможности.

Именно для этого в начальной школе изучаются предметы, связанные как с природным (по самой окружающей среде), так и социальным началом в ребенке. У ребенка начинает формироваться самосознание, существенным элементом этого самосознания является осознание важности сохранения в равновесии процесса биогеоценоза на Земле, или экологическое сознание. Оно начало формироваться с того момента, когда человек, перейдя от стадного образа жизни к общественному, впервые увидел свое превосходство над природой, которое заключалось в его способности мыслить. В остальном же человек оставался и остается зависим от природы. Начальная школа имеет возможность заложить основы бережного отношения к своему окружению, как социальному, так и природному [1, с. 86].

Для этого изучаются отдельные темы, прививаются знания, умения и навыки по окружающей среде, которая должна восприниматься как родная, то есть то, что надо беречь и любить, воспринимать как часть самого себя, как элемент национальной мен-

тальности. Такая работа и есть реальная основа для формирования в сознании каждого человека того набора общечеловеческих ценностей, который поможет в становлении мира без угроз и вызовов на террористической основе.

Предметы, которые изучаются в начальной школе, позволяют поэтапно формировать у детей знания, навыки и умения, связанные с бережным и практичным отношением к природе, без хищнического, потребительского элемента. Анализ проблемы мы хотим начать с оценки практических итогов реализации школьных стандартов в обучении в начальной школе.

Говоря о бережном отношении к окружающей среде, прежде всего, следует правильно, то есть рационально рассчитывать силы учащихся и объем воспринимаемой ими информации.

Исследования показывают, что у учителей начальных классов есть некоторые предложения и комментарии по стандартам содержания и учебникам, разработанным для обучения ряду предметов начального образования. В начальной азербайджанской школе преподаются 9 предметов. Возьмем первый класс. Здесь ученик, который учится в школе всего второй месяц и только что научился держать ручку, может использовать 10–12 букв для речи и письма. Учитель рассказывает о звуках, простых и сложных, близких и противоположных, которые составляют слова, словосочетания и фразы. Любое письмо должно поощряться и развиваться. Главная цель педагога – убедиться, что все дети в классе знают и запоминают буквы, правильно их пишут и правильно читают слова в учебнике. Следовательно, правильная организация обучения с учетом сил и возможностей ребенка предполагает разумный объем передаваемой информации, ее преподнесение с тем, чтобы дети, развиваясь как личность, не становились при этом инфантильными, непокорными, конформистами, людьми, далекими от проблем, связанных со средой их обитания, с социальным окружением.

Вместе с тем есть другие предметы, которые не позволяют в достаточной мере развивать ребенка в этой области. Приходится сокращать время, которое дано, чтобы обучать письму, и ребенку дается информация, которая ему пока не нужна. Мы спешим, обгоняем процесс. Хотим, чтобы ребенок, который посещает школу всего 2 месяца, уже научился читать и писать. Ребенок читает

предложение медленно, вслух и еще не в состоянии понять, что читает, и ребенка спрашивают, является ли предложение, которое он читает, вопросом или фразой. Даже если школьник способен с этим справиться, мы перегружаем его и теряем время и здоровье ребенка.

На уроке математики ребенок, который только что выучил 10 чисел, должен уже знать, как решить простое уравнение, вычитать, складывать и т.д. На каждом уроке английского языка должен использовать новые слова в предложениях. Это трудно для первоклассника. При этом существуют стандарты обучения для каждого предмета, и им необходимо следовать.

Стандарт обучения является требованием системы образования, что означает, что ни один учитель не может противостоять этим требованиям [2]. Еще одна важная проблема заключается в том, что стандартный учебник родного языка в первом классе не содержит никакой информации о правилах языка. В других классах языковые правила в учебнике довольно ограниченные. Если бы языковые правила и способы решения задач были изложены в учебнике, то родители смогли бы с помощью учебника обучать ребенка правилам.

Учебный план гласит, что ученик не должен быть загружен правилами, определениями или правописанием. Вместе с тем методика гласит, что учащийся должен на уроках родного языка уметь определить и назвать типы предложений, гласных и согласных и так далее. Ученик должен выучить правила, иначе он не сможет выполнить задание. Ясно, что ребенок не будет развиваться без поддержки родителей. Но если в учебнике отсутствует какая-либо учебная информация, как родители могут знать, чему учить ребенка?

Из-за сложности программ большинству родителей приходится обучать своего ребенка дополнительно, выплачивая небольшие суммы в месяц репетиторам. Репетиторство раньше не было так распространено, как теперь. Сейчас 10–15 детей готовятся после урока еще дополнительно с репетитором. Правильно ли устанавливать такой строгий стандарт для ученика начальной школы? Как ребенок может справиться с каждым из 9 предметов согласно этим стандартам? У каждого из учащихся в классе раз-

личное восприятие, и отсюда все трудности, с которыми мы сталкиваемся при обучении.

Мы считаем, что особое внимание должно уделяться в этом отношении физическому воспитанию. Физическое совершенство связано с приобретением крепкого здоровья, физическим развитием, формированием необходимых жизненных привычек. Это хороший способ бороться с гиподинамией [3, с. 175]. Одним из основных условий всестороннего развития личности является гармоничное физическое и интеллектуальное развитие, их тесная взаимосвязь. Все это положительно сказывается на психологическом развитии ребенка, восприятию им основных духовно-нравственных ценностей.

Как известно, в школьном возрасте значительные изменения происходят в различных органах тела, в том числе в структуре и функциях мозга. Следует отметить, что ребенок, начинающий школьную жизнь, сталкивается с усердными тренировками и воспитанием. Он должен сидеть спокойно на уроках, соблюдать дисциплину, внимательно слушать учителя, одним словом, следовать школьному режиму. Для этого ребенок должен быть физически нормально развитым, терпеливым и сдержанным. Физическая культура играет важную роль в приобретении этих качеств, и в дальнейшем это бывает очень нужным при подготовке к труду. Поскольку в ранних классах закладывается основа образования, с этого времени начинается всестороннее, гармоничное развитие школьников, подготовка к работе и защите Родины, поэтому важно учитывать научные и практические аспекты взаимосвязи этих вопросов с физическим воспитанием [4].

Ученики, которые регулярно занимаются физической активностью, сильнее и здоровее своих сверстников, они не устают и выполняют определенную работу быстрее и лучше, чем физически слабые. Физическая активность, которая улучшает силу мышц и гибкость ребенка, а также помогает правильному их сочетанию друг с другом, обеспечивает отличную основу для подготовки к учебе и отдыху.

Занятия спортом повышают интерес школьников и к другим занятиям и значительно улучшают качество их учебной работы в целом. Наблюдения в городских и сельских школах республики показывают, что учащиеся, которые приобрели навыки есте-

ственной мобильности, работая, экономят мышечную энергию, стараются быть точными, а также предотвращают ошибки в движениях и действиях. Они делают любую физическую работу в течение короткого периода времени, с меньшим количеством энергии, чем другие, менее подготовленные физически дети.

Еще одним важным направлением формирования у детей младшего школьного возраста социально-нравственных качеств является организация их школьной жизни как единого комплекса действий, процессов, связанных как с учебой, так и внеучебным времяпрепровождением. Речь идет о характере организации их учебы с тем, чтобы каждый урок и каждый проведенный в школе день стал ярким событием, чтобы впечатления хранились всю жизнь. Большую роль здесь играет фигура классного руководителя. Организация школьных праздников, дней рождений, памятных дней, просто экскурсий, встреч, классных собраний должна быть основана на воспитании у детей уважения к старшим и природе, взаимопонимания, соблюдения этикета, и получении при этом эмоционального заряда, связанного с радостью самого процесса жизни. Ребенок в первом классе в нынешнем учебном году в одной из бакинских школ разозлился на сидевшую рядом одноклассницу за то, что она указала на его якобы ошибку. В ответ он дал ей пощечину, поскольку искренне посчитал, что она была неправа. Попытка физически наказать своего школьного товарища свидетельствует о том, что в семье этого ребенка также используют физические методы воспитания. Кроме того, есть этика взаимоотношений, которой следует обучать.

В целом можно отметить, что школьная подготовка является существенной частью социализации детей через содержание школьных предметов и их правильное преподавание, совместное воспитание детей с семьей и социальной средой, учет огромного информационного пространства с его социальными сетями и ИКТ являются необходимым основанием для формирования у детей младшего школьного возраста общечеловеческих качеств как важнейшего средства противостояния всяческим попыткам разобщить людей по каким бы то ни было основаниям.

Список литературы

1. Аманов Г. А., Абдуллаев Т. Б. Воспитание экологического сознания и экологической культуры у молодежи // Молодой ученый. 2018. № 22. С. 85–87. URL <https://moluch.ru/archive/208/50877/> (дата обращения: 19.10.2019).

2. Государственные стандарты и программы (учебные планы) общеобразовательных уровней. Утверждено Постановлением Кабинета Министров Азербайджанской Республики № 103 от 3 июня 2010 года // <http://edu.gov.az/>

3. Платонова В. А. Роль физического воспитания в процессе образования // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 171–179.

4. Гулиев Б. С. Основы теоретико-методологической и практической работы по физическому воспитанию: учебник для вузов. Баку: Издательство АДПУ, 2009.

РОССИЙСКО-АРАБСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Хаджиева Белла Магомедовна,
аспирант Чеченского государственного университета
(г. Грозный)

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы, касающиеся взаимоотношений России и арабских стран. Особое внимание уделено процессу складывания взаимовыгодных связей с государствами Северной Африки и Ближнего Востока, таких как Алжир и Саудовская Аравия.

Ключевые слова: Российская Федерация; арабский мир; Ближний Восток; Саудовская Аравия; Магриб; Алжир; международное сотрудничество; ближневосточный курс РФ.

Между Россией и странами Арабского Востока за долгие годы установились достаточно дружественные взаимоотношения. В современном мире эти государства являются значимыми политическими и экономическими центрами. Помимо этого, все эти страны довольно тесно связаны между собой в экономической,

культурной, духовной и других сферах. В ситуации, сложившейся в регионе арабо-израильского конфликта, Россия выступает как государство, чье мнение имеет большое значение и учитывается при решении острых политических вопросов [10].

Практически все арабские страны воспринимают Россию как альтернативу Соединенным Штатам Америки, которые заняли здесь доминирующую позицию. Для самой России главной внешнеполитической задачей является установление стабильности в регионе. Генеральный секретарь Лиги арабских государств А. Муса, находясь в Москве с трехдневным визитом в 2007 г., отметил процветание российско-арабских отношений и необходимость в дальнейшем усовершенствовать сотрудничество [7].

Следует отметить, что разработанный Россией план по урегулированию арабо-израильского конфликта встретил положительные отклики, так как мирное разрешение позволит установить другие политические реалии в регионе, при которых интересы России могут учитываться только при условии активного участия РФ в разрешении конфликта.

Для того, чтобы мнение Российского государства имело значение для арабских стран и всего мирового сообщества в целом, нашему государству необходимо тщательно продумывать каждый политический шаг, учитывая интересы всех сторон, участвующих в политической игре ближневосточного направления. Именно благодаря выбранной позиции России удалось наладить довольно прочные и стабильные связи с большинством стран этого региона.

Находясь в центре ближневосточных дел, Россия смогла выгодно для себя выстроить позиции по всем направлениям взаимодействия. На современном этапе эти отношения необходимо закрепить за счет частных и коммерческих структур [5, с. 382–384].

Обратим внимание на некоторые ключевые моменты взаимоотношений России и государств арабского мира. Российское государство по разным направлениям достаточно эффективно развивает сотрудничество с Египтом, одним из которых является борьба с международным терроризмом, о чем свидетельствует существование Российско-египетской рабочей группы по борьбе и противодействию международному терроризму. Египет в араб-

ском мире занимает значимое положение, поэтому Россия видит в нем ценного партнера. Большое значение имеет договорность между РФ и Египтом о скоординированных действиях с целью избавления от насилия в израильско-палестинских отношениях, а также достижение нормализации отношений между ФАТХ (Движение за национальное освобождение Палестины) и ХАМАС (Движение исламского сопротивления) [6]. Следует заметить, что Российское государство поддерживает со всеми арабскими странами отношения на самом высоком уровне. В 2005 г.у при Лиге арабских государств был назначен представитель от России, что явилось важным шагом на пути к укреплению российских позиций на Ближнем Востоке.

Но нельзя не отметить и нерешенные проблемы, которые стоят перед сторонами в настоящее время. Так как Россия и многие арабские государства занимают главные позиции в нефтедобывающей отрасли, возникают довольно благоприятные условия для возникновения стратегического партнерства на новом уровне сотрудничества, в том числе и в сфере энергетики. Если учитывать тот факт, что Россия имеет большие возможности по использованию технологического потенциала в космической сфере, в сфере авиации и энергетики, то можно предположить, что финансовые возможности арабских стран в совокупности смогут создать определенные перспективы для реализации некоторых совместных проектов.

Очень важными являются перспективы в развитии взаимоотношений между арабскими странами и Россией. Если немного заглянуть в прошлое и вспомнить, как они развивались еще в советское время, то можно увидеть, что между Москвой и организациями арабского региона, лояльно относящимися к России, складывались достаточно крепкие идеологические связи [1]. Распад СССР и приход к власти новых политических сил стали причиной резкого охлаждения дружественных отношений. Стабилизировавшаяся ситуация в России показала, что для государства более выгодным станет выстраивать правильную политику не только с Израилем, но и с арабскими странами, находящимися вблизи российских границ [8].

Так, Россия, являясь одним из мощнейших производителей нефти, на сегодняшний день готова и желает развивать со-

трудничество с нефтедобывающими государствами Персидского залива. В последнее время наблюдается интенсивное развитие сотрудничества России с Саудовской Аравией, играющей на Ближнем Востоке роль регионального центра силы.

Важно отметить, что товарооборот между странами имеет позитивную динамику, даже учитывая то, что он почти полностью состоит из экспорта российского сырья и товаров, таких как ячмень, армированная сталь, медные стержни, трубы, буровой инструмент, полуобработанные металлические изделия, в то время как Саудовская Аравия экспортирует в основном нефтехимическую продукцию.

Государства Магриба выстраивают отношения наиболее активно в направлении между Алжиром и Россией. Эта африканская страна стала первой, подписавшей «Декларацию о стратегическом партнерстве» с Россией, к тому же Алжир – это один из крупнейших ее партнеров в области военно-технического сотрудничества [2]. В последнее время взаимоотношения двух государств упрочились благодаря встречам на высшем уровне, на которых рассматривались вопросы, касающиеся расширения сотрудничества в геологоразведке полезных ископаемых и добыче газа на алжирской территории.

Рассматривая отношения между Россией и странами Арабского региона, можно заметить, что торгово-экономические связи не соответствуют уровню установившихся между ними политических отношений.

В современном мире Россию и арабские страны связывают не только культурные и цивилизационные аспекты сотрудничества, но и общий интерес в развитии политической ситуации. Так, 26 декабря 2008 г. в Москве прошел форум «Россия и арабский мир», на котором широко обсуждались все аспекты взаимодействия между сторонами [3]. В ходе форума были затронуты вопросы инвестиционного взаимодействия России и арабских государств в сфере перерабатывающей промышленности и металлургии, в нефтегазовой отрасли, по вопросам охраны окружающей среды, а также проекты в области инфраструктуры туризма, коммуникаций, транспорта и энергетики [9].

На сегодняшний день в рамках Российско-арабского делового совета действуют многочисленные двусторонние советы,

соглашения о создании которых подписаны со многими странами арабского мира.

Внешнеполитическая концепция Российской Федерации, помимо отмеченного, содержит целый набор других интересов, реализация которых составляет основу официального ближневосточного курса государства. К ним можно отнести такие, как налаживание разносторонних связей с Израилем, включая политический диалог и экономическое сотрудничество, развитие сотрудничества с арабскими странами Персидского залива, привлечение свободных арабских финансов в производственном направлении и научном, а также поиск решения проблемы возвращения долгов.

Однако не все указанные интересы равноценны для России. Самым актуальным направлением ближневосточного курса можно назвать активизацию межгосударственных отношений и взаимовыгодных торгово-экономических связей с арабскими странами Персидского залива с целью вовлечения их капитала в процесс укрепления отечественной экономики [4, с. 101]. Можно сказать, что сейчас есть определенные перспективы и потенциал для развития взаимовыгодных отношений между Россией и государствами Ближнего Востока и Магриба.

Нужно отметить, что немаловажным фактором является желание и интерес у обеих сторон увеличивать и укреплять как экономические, так и политические связи. Самыми выгодными и довольно перспективными направлениями является сотрудничество в сфере нефтепереработки, инвестиций, в области высоких и информационных технологий, в освоении космоса, энергетической сфере, машиностроении, сельском хозяйстве, строительстве и многих других.

Список литературы

1. Кфури И. Россия и арабский мир – новый этап в отношениях [Электронный ресурс].

URL:<http://inosmi.ru/world/20040909/212787.html> (дата обращения: 03.05.2016).

2. Подцероб А. Б. Россия – арабский мир: политическое взаимодействие [Электронный ресурс].

URL:<http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/12-11-08a.htm> (дата обращения: 03.05.2016).

3. Relations économiques entre les pays arabes et la Russie: 1er Salone d'affaires "Arabia-expo" [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://blogavocat.fr/space/chems-eddine.hafiz/content/relations-economiques-entre-les-pays-arabes-et-la-russie---1er-salon-d-affaires---arabia-expo--13f613be-2c18-45ac-a087-7dfe5844f2fd> (дата обращения: 03.05.2016).

4. Рыжов И. В. Проблемы взаимоотношений России с государствами Ближневосточного региона в меняющемся мире // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2005. № 1. С. 101.

5. Рыжов И. В. Экономические аспекты взаимоотношений России с арабскими государствами: от экспорта вооружений к новым аспектам сотрудничества // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1. С. 382–384.

6. Россия. Экспертный клуб [Электронный ресурс]. URL: <http://iamik.ru/news/ekspertnyu-klub/64913/> (дата обращения: 03.05.2016)

7. Russia's Mideast policy inspires trust – Arab League leader [Электронный ресурс]. URL: <http://sputniknews.com/world/20070203/60170131.html#ixzz3fOfWr2qs> (дата обращения 03.05.2016).

8. Там же.

9. Форум «Россия и арабский мир» прошел в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianhome.com/news/1230235225.shtml> (дата обращения: 09.05.2016)

10. Яковенко А. Близкий Ближний Восток: интересы России [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2005/04/27/bl_vostok.html (дата обращения: 03.05.2016)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Гайтамирова С.А., Хачукаева К.И., Мидаева А.Р.

Чеченский государственный университет

(г. Грозный)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы международного терроризма в эпоху мировой глобализации, формы и способы распространения международного терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм; глобализация; причины терроризма; противодействие.

На рубеже XX–XXI вв. обычные фанатики, уличные преступники, сектанты и прочие группировки, которые до недавнего времени не представляли масштабной опасности, а только территориальную, трансформировались, некоторые из них объединились для достижения своих сепаратистских, экстремистских, политических целей и перешли на новый уровень. Так появился международный терроризм, который несет с собой огромную опасность для всего человечества.

Конец XX – начало XXI в. – время глобализации, мировой перестройки, формирования и превращения мира в единую систему взаимоотношений государств, народов и людей. В то время, когда одна сторона человечества смело шагает в будущее, создавая новую, упрощенную, удобную, свободную и практичную эпоху, другая разрабатывает идею господства, неравенства и преступности. Мировая промышленность набирает обороты, торговые отношения между странами становятся все более доступными и открытыми. Глобализация стремится уменьшить политическую роль в жизни граждан, создать более свободную экономику, терроризм же стремится контролировать все процессы, внести монополию и продвигать свои интересы.

Международный терроризм является одной из составляющих терроризма как социально-политического явления. Международный терроризм, как и любой вид террора, несет и пропагандирует насилие, шантаж, психологическое и физическое давление, тотальное навязывание своих идей, при котором отсутству-

ют какой-либо закон и кодекс. Достижение целей любым путем, их огласка и публичность [5, с. 76–79].

Кроме общих для терроризма свойств международный терроризм обладает и своей спецификой. Сферой его проявления являются взаимоотношения и взаимосвязи народов и государств; он затрагивает интересы не только отдельных народов и стран, но и международного сообщества в целом. Как и любая субкультура, хотя терроризм нельзя относить к субкультуре, тем не менее это разные группировки, где каждая имеет свою характеристику и признаки, цели и объекты преследования целей, по которым ее узнают, так вот субъектами современного международного терроризма выступают страны, на территории которых действуют террористические группировки.

Цель международного терроризма затрагивает все стороны жизнедеятельности граждан данной страны – изменение политического строя, торговое вмешательство, продвижение идеологии и нарушение общепринятых моральных устоев.

Чаще всего международный терроризм преследует цели навязывания своей идеологии и признания правильной лишь своей идеи жизни. А для того, чтобы добиться своего и выполнить преследуемую цель, терроризм не пренебрегает ничем. Специально обученные люди заманивают в свои сети чаще всего подростков. В эпоху глобализации это стало намного проще и доступнее. Так, например, тысячи подростков по всему миру вербуются через интернет-площадки, что очень удобно, так как соблюдается полная анонимность, нет необходимости писать каждому и навязывать свои убеждения, достаточно сделать взброс, а потом ждать, нужная рыбка обязательно клюнет [6, с. 118–120].

Основной причиной возникновения современного международного терроризма, которая дает ему все новую и новую подпитку, является международное неравенство, нищета различных слоев человечества, противоречивость интересов богатых и бедных, а также незавершенность различных конфликтов прошлых времен.

Международный терроризм широко распространяется благодаря глобализации, которая способствует появлению все новых и новых разновидностей международного терроризма. Современный международный терроризм очень хорошо использует в своих

целях научные открытия, так, например, в XXI в. появляется один из новых видов – кибертерроризм. Благодаря этому террористы искажают любую информацию, контролируют то, что поступает к каждому пользователю, пропагандируется необходимая идеология, похищается важная информация, а также строятся «логические бомбы», «информационные ловушки», внедряются компьютерные вирусы и многое другое. Еще одна разновидность международного терроризма на фоне глобализации – это биотерроризм. В основу биотерроризма заложены новые научные открытия и достижения, которые создавались для улучшения образа жизни людей и их защиты. Имеют место научно-биологические открытия, несущие угрозу человечеству, такие как ядерное оружие, создание которого, по нашему скромному мнению, является прямым пособничеством международному терроризму, но никак не отвечает защите интересов человека. Абсолютно не имеет значения, кто именно воспользуется ядерным оружием, террористы или какое-то определенное государство, поскольку ядерное оружие в отличие от всего существовавшего до него несет с собой массовое уничтожение, последствия которого будут проявляться еще сотни лет, так как ядерное оружие уничтожает не только людей, но и почву, атмосферу и пригодность территории для жизни [2, с. 40–45].

В эпоху глобализации терроризм также расширил свои источники финансирования, если в былые времена терроризм кормил себя благодаря грабежу и наркоторговле, то в условиях глобализации у терроризма появились спонсоры, которыми зачастую выступают крупные международные корпорации, помощь также поступает от различных государств, которые желают нарушить строй и порядок государства-конкурента. Спонсорство ведется различными способами, сюда может входить и поставка оружия. Чтобы прикрыть свою противозаконную деятельность, терроризм использует финансирование от деятельности теневой экономики [1, с. 46].

Отдельные государства современного мира в последние десятилетия нередко используют насилие, агрессию и шантаж по отношению к другим странам с целью направления внутренних процессов в них в нужное для себя русло, усиления геополитического влияния. Подтверждением тому служат действия США и

их союзников в последние два десятилетия в отношении Югославии, Ирака, Ливии. Государственным терроризмом правомерно считать и военную акцию СССР в Афганистане в конце 70–80-е годы XX в. Проявлением характера международного терроризма является участие спецслужб некоторых государств в тайных операциях, направленных на свержение или изменение в других странах политических режимов, лидеров, сбор информации по различным аспектам жизнедеятельности общества для использования ее как средства воздействия на содержание и приоритеты внутренней и внешней политики государств в целях политического шантажа. В 2013 г. всему миру стало известно о прослушивании и записи в течение длительного времени Агентством национальной безопасности США телефонных переговоров лидеров и официальных лиц некоторых государств. Обычной практикой в конце XX – начале XXI в. стала государственная поддержка отдельных террористических организаций и группировок, действующих на территории других стран [3, с. 73–74].

США и другие страны оказывали финансовую, материально-техническую, организационную, кадровую и другую помощь террористическим группировкам, участвовавшим в боевых действиях против законного правительства Сирии в 2012–2014 гг. Материальная помощь, моральная поддержка со стороны различных государств оказывается террористическому бандподполью на Северном Кавказе в России. Не без поддержки США и других стран формировались, готовились и действовали в 2013–2014 гг. экстремистские группировки в Украине [4, с. 68].

Современный международный терроризм успешно адаптировался, набрав новые силы и обороты, подобно тому, как паразит подстраивается под организм своего хозяина и успешно уживается с ним, подстраиваясь и меняя свои способы проживания. Как мы отмечали выше, глобализация способствовала тому, что терроризм набрал неведомые ему ранее силы, расширил свое географическое влияние и теперь имеет доступ в каждый дом, в связи с чем ни один человек не может с уверенностью заявить, что находится под полной защитой государства от терроризма. Борьба и противодействие международному терроризму, а также его пособникам, является основной и наиболее актуальной задачей современности, которая требует от государств сотрудничества, а

от человечества объединения своих сил в противодействии ему, в противном случае мы не будем способны создать для себя и передать потомкам счастливое будущее.

Список литературы

1. Иноземцев В. Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // Космополис. Зима 2003/2004. № 4 (6). С. 46.
2. Международный терроризм: борьба за политическое господство. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 4–11; Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (о международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 40–45.
3. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 73–74.
4. Райт Лоуренс. Аль-Каида: пер. с англ. М., 2010. С. 68.
5. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 76–79.
6. Яковлев А. Ю. Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 118–120.

378:297(470.67)

«ОТВЕРГАЮЩИЕ РАДИКАЛИЗМ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Чмилевская Илона Алексеевна,

лаборант Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН, ассистент ответственного редактора журнала «Orientalistica» <https://www.orientalistica.com/jour>
(г. Санкт-Петербург)

Аннотация. В современном мире не теряет актуальности проблема распространения терроризма и экстремизма в молодежной среде. Студенты исламских вузов могут, на первый взгляд, показаться наиболее уязвимой социальной группой перед лицом этой угрозы. В статье рассматриваются их жизненные стратегии и образовательные мотивации, которые доказывают

эффективность антитеррористической деятельности, проводимой как внутри вузов собственными силами, так посредством Муфтията РД. Основные сведения были получены в рамках экспедиции «Открываем Россию заново: кейс Республика Дагестан».

Ключевые слова: исламское образование; профилактика радикализма; жизненные стратегии; образовательные мотивации; студенты исламских вузов.

В рамках экспедиции «Открываем Россию заново: кейс Республика Дагестан» летом 2019 г. студенты Национального исследовательского университета Высшая школа экономики посетили шесть исламских высших учебных заведений и провели исследования, целью которых было изучение структуры, функционирования и проблем высшего исламского образования в регионе. «Руководили экспедицией сотрудники НУЛ мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Факультета социальных наук Леонид Исаев, Алиса Шишкина и Евгений Иванов, а также Департамента востоковедения и африканистики Евгений Зеленев и Мария Солощева» [6]. Многие из данных, которые использовались для составления статьи, были собраны благодаря упомянутой выше экспедиции.

Одним из первых социологический термин «жизненная стратегия» употребил французский социолог, этнолог, филолог и политический публицист П. Бурдьё. Стратегию или траекторию он рассматривал в тесной связи с биографией, однако определял первую как цельную, осмысленную, конкретную форму, представляемую респондентом [4, с. 76]. В современном российском обществе проводится большое количество социологических исследований, посвященных изучению жизненных стратегий молодежи.

В шести исламских вузах и женском центре «Гъидаят», находящихся на территории Республики Дагестан, у нас была возможность провести как со студентами, так и с преподавателями «глубинные полуструктурированные интервью, средней продолжительностью 30–40 минут» [6]. Данный метод, в отличие от, например, анкетирования, позволяет в полной мере погрузиться в рассуждения респондента, проследить причинно-следственные связи, которые он выстраивает, и получить наиболее показатель-

ный результат. Также формат личного интервью располагает к более доверительному общению. При анализе ответов на вопрос о причинах выбора высшего духовного образования были выявлены следующие мотивации:

- влияние родителей: не секрет, что в мусульманской культуре большую роль играет мнение и желание старших родственников, для которых по сей день исламское образование – гарант того, что из ребенка вырастет «хороший человек». Некоторые из опрошенных рассказали о том, что поступили в исламский вуз, поддавшись влиянию старших, но об этом решении не пожалели и с удовольствием продолжают обучение;

- для многих абитуриентов поступление в исламский вуз является следующей ступенью после мактаба и медресе, этот путь молодые люди начинают еще в детстве, и зачастую, окончив вуз, они продолжают движение по этой траектории, желая или продолжить свое образование и защитить степень по теологии, или же устроиться на работу в духовное учреждение;

- еще одна группа студентов рассказала о своем желании углубить знания об исламе. Из-за невозможности получить их в своем родном селе они приезжают в более крупные исламские центры;

- обеспеченность жильем, питанием и одеждой является если не решающей, то немаловажной составляющей для абитуриентов из малообеспеченных семей, которые не могут позволить себе платное образование. К тому же обучающиеся некоторых исламских вузов в республике имеют возможность параллельно получать и светское высшее или среднее специальное образование;

- зачастую прием в исламские вузы проводится путем проведения собеседования или внутренних экзаменов. Возможность поступления без предъявления результатов Единого государственного экзамена (ЕГЭ) кажется привлекательной для студентов, которые получили низкие баллы и не имеют возможности поступить в светские вузы.

Не менее важным в контексте жизненных траекторий молодых мусульман являются их планы на жизнь после окончания исламского вуза. Здесь жизненные стратегии отличаются у девушек

и юношей. Для первых исламское образование – это возможность воспитать своих будущих детей в «чистой» исламской вере, поскольку «самое ценное, что может получить ребенок от родителя, – праведное воспитание» [5, с. 20]. Это, пожалуй, главная мотивация и жизненная стратегия девушек, обучающихся в исламских вузах. Что касается ребят, то здесь планируемыми путями разветвляются. Некоторые желают создать карьеру духовного деятеля, например, работать имамом в мечети. Юноши также отвечали, что хотели бы вернуться в родные села и вести проповедническую и образовательную деятельность там. И лишь немногие студенты планируют получить магистерскую степень в области теологии. Хотя любопытно отметить тот факт, что немалая часть обучающихся в Болгарской исламской академии представлена выпускниками дагестанских исламских вузов. Другая, более значительная, группа студентов получает или планирует получить параллельно с духовным среднее специальное или высшее образование, зачастую педагогическое. Юноши понимают, что получение светского педагогического образования даст им возможность работать учителями в школах или продолжить свою карьеру в том же исламском вузе в качестве преподавателя.

Высшее исламское образование в Республике Дагестан имеет богатую историю. В 1990–2000 гг. в северокавказских республиках произошел значительный подъем религиозности, повлекший за собой увеличение числа мечетей, исламских центров и высших учебных заведений [2, с. 1]. Однако в этот же период оформилось и активно действовало ваххабитское движение, чье учение проникло и в вузы. Таким образом, с проблемой, которая актуализируется для некоторых регионов только сейчас, северокавказские республики, в частности Дагестан, уже сталкивались и успешно одержали победу, поэтому меры, принимаемые сегодня, носят скорее профилактический характер.

Что касается мер, принимаемых в учебных заведениях, то они просты, но эффективны. В первую очередь, в таких местах важную роль играет личный контакт преподавателя и студента. Второй всегда знает, что, столкнувшись в социальных сетях или услышав от товарищей идеи, кажущиеся ему некорректными, он всегда может обратиться за разъяснением к своему духовному наставнику. В некоторых институтах даже присутствуют психо-

логи, которые в любой момент могут прийти на помощь. Также, среди прочего, важная мера – запрет на использование личных компьютеров и мобильных устройств во время нахождения в заведении – это небольшое лишение позволяет студентам реже сталкиваться с радикальными идеями на просторах сети Интернет.

Огромное значение в борьбе с проявлениями экстремизма в молодежной среде принадлежит Муфтияту Республики Дагестан. Активная просветительская деятельность организации играет большую роль в формировании сознания юных мусульман. Например, на базе Муфтията активно ведется аккаунт в сети Instagram, число подписчиков в котором превысило отметку в 670 тыс. человек. Каждый день там публикуются посты с ответами на задаваемые подписчиками вопросы, а также фетвы, новости и обращения муфтия. Помимо этого, уполномоченные сотрудники проводят встречи со школьниками и студентами в различных форматах. «Мягкая сила», используемая этой организацией, приносит свои плоды, идя в ногу с технологиями и будучи понятной для молодежи, она лишает их необходимости обращаться за ответами к «недостоверным источникам».

Таким образом, противостояние экстремизму в Республике Дагестан – это уникальный опыт, подтверждающий год за годом свою эффективность и позволяющий подрастающему поколению получать образование, в котором аккумулируются только «чистые» идеи и учения, не вносящие смуту в социально-политическое состояние общества.

Материалы, собранные в экспедиции «Открываем Россию заново: кейс Республика Дагестан», еще находятся в процессе обработки, и представленные результаты являются всего лишь одной из составных частей целостной картины. Тем не менее изучение жизненных стратегий студентов и выпускников исламских вузов – актуальная тема для исследований и является важным аспектом, отражающим современное состояние и перспективы развития высших исламских учебных заведений как в Республике, так и за ее пределами.

Список литературы

1. Абдулаева М. Ш. Исламское образование в Дагестане: культурологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 133–136.
2. Буттаева А. М. Общий взгляд на состояние исламского образования в современном Дагестане // Образование и духовная безопасность. 2018. № 1. С. 9–14.
3. Гибадуллина М. Р. Мусульманские образовательные учреждения как среда формирования жизненных стратегий молодых мусульман // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 1. С. 75–88.
4. Мещеркина Е. Ю. Памяти П. Бурдые. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–84.
5. Наврузов А. Перспективы исламского образования в Дагестане // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 78–89.
6. Сатаева А. Х., Якупов Р. И. Особенности традиционных отношений в мусульманской семье: ислам и современное общество // Общество: философия, история и культура. 2019. № 9 (65). С. 13–19.
7. Студенты Вышки изучили исламское образование в Дагестане. Электронный ресурс:
<https://social.hse.ru/mr/news/299559744.html> _(дата обращения 10.09.2019)

УДК: 130.1/3, 21

К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Яхьяев Арсен Мухтарович,
магистрант кафедры философии
и социально-политических наук
факультета психологии и философии
Дагестанского государственного университета
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье анализируется противоречивое воздействие религиозного фактора на социально-экономические, политико-правовые и духовно-нравственные процессы, происходящие в российском обществе. В ней освещаются основные каналы,

по которым религия влияет на общество, и обосновывается вывод о необходимости России научно обоснованной модели государственно-конфессиональных отношений, оптимально регламентирующей влияние религии на общество.

Ключевые слова: религия; власть; церковь; идеология; вектор развития.

Влияние религии на общественную и индивидуальную жизнь является одной из злободневных и интересных проблем современного социально-гуманитарного познания. Ее воздействие на общество было предметом анализа работ многих известных философов, религиоведов, культурологов: М. Вебера, В. Зомбарта, Л. Брентано, С. Н. Булгакова и др. Этот вопрос также находился и продолжает находиться в поле зрения многих современных российских ученых-гуманитариев: В. Х. Акаева, М. В. Вагабова, И. П. Добаева, А. А. Игнатенко, А. В. Малашенко, Е. М. Примакова, С. М. Прозорова, М. Я. Яхьяева и др. И тем не менее сегодня все еще нет монографических работ, специально анализирующих влияние религиозного фактора на всю совокупность социальных процессов, происходящих в российском обществе. И это несмотря на очевидную актуальность изучения неоднозначной роли религии в современном обществе.

Современное состояние социально-экономических процессов в обществе характеризуется разнонаправленностью векторов развития российской цивилизации. Один из векторов развития вызван к жизни включенностью России в процессы глобализации и вестернизации общественной жизни, происходящие во всем мире. А другой вектор детерминирован процессами возрождения традиционной культуры и ценностей, среди которых видное место занимает религиозная культура. Второй вектор развития проявляется в росте религиозности массового сознания россиян, усилении активности религиозных институтов, ведущих к клерикализации общественной жизни.

В регионах России с преимущественным мусульманским населением эти векторы развития проявляются в еще более замысловатых формах. В них вестернизация образа жизни, общественной и личной нравственности причудливым образом сочетается с арабизацией быта, строгим следованием личности канонам религии, не только отторгающей западные ценности, но и, по

сути, нивелирующей этнокультурное своеобразие народов, исповедующих ислам. К тому же в мусульманских регионах наблюдаются и попытки, с одной стороны, вестернизироваться и глобализироваться по западному образцу, а с другой – утвердить некое подобие средневекового исламского общества.

Если первый вектор развития в определенной мере детерминирован преимущественно объективными тенденциями мирового развития, то второй вектор представляется логическим следствием конфессиональной политики российских властей, провоцирующей забвение конституционных установлений государства и прямые нарушения федеративного и регионального законодательства. Место и роль религии в российском обществе сегодня определяются сотрудничеством государства и религиозных организаций в разных сферах жизнедеятельности. Декларируемой целью такого сотрудничества является укрепление политической стабильности государства, развитие институтов гражданского общества, духовно-нравственное их оздоровление и т.п. Важным условием такого сотрудничества остается требование всемерного осуждения религиозными деятелями и организациями экстремизма, терроризма, сепаратизма, нелегитимного насилия и всех прочих деструктивных действий, подрывающих безопасность и расшатывающих территориальную целостность России.

За короткий отрезок времени религия в России превратилась в значимую социально-политическую силу, претендующую на роль духовно-нравственного поводыря российского общества, соработничающего с властью по самым различным направлениям деятельности. Именно с превращением религиозного фактора в значимую причину преобразований в экономике, социальной сфере, политическом пространстве общества связывается религиозный ренессанс в России многими исследователями [5, с. 66]. И если первоначально «возрождение» религии представлялось явлением преимущественно духовно-нравственного порядка, то очень быстро религия показала свои претензии на регулирование экономических, политических, правовых социальных процессов. Авторитетные религиозные лидеры, не ограничиваясь решением вопросов духовно-нравственного или житейского порядка, стали все чаще заявлять о своих претензиях на решение вопросов социально-экономического и политико-правового характера. Более

того, религия стала претендовать еще и на роль идеологического поводыря российского общества. Об этом свидетельствует и А. А. Нуруллаев, когда пишет о том, что «в условиях переходного периода, социально-политической нестабильности, обострения различного рода общественных противоречий роль религии в социуме возрастает в значительной мере...» [8, с. 61].

Сегодня религия в России де-факто имеет не только идеологическое значение, во многих регионах, особенно с преимущественно мусульманским населением, она активно вмешивается в социальные процессы, претендуя на роль регулятора различных общественных отношений. Нередко такое вмешательство осуществляется в интересах конкретных религиозных иерархов и духовных авторитетов или же отдельных церковных организаций, что не может не провоцировать локальные конфликты не только между властью и религией, но и между конфессиями и внутри религиозных движений. По подобным причинам в мусульманских регионах России салафитско-ваххабитское движение стало приобретать форму протестного социального движения [6, с. 37]. Более того, это движение стало постепенно приобретать привлекательную для многих слоев общества, особенно для молодежи, форму идеологии протеста, представ перед религиозно настроенной молодежью идеологическим обоснованием и нравственным оправданием протеста против новых порядков и ненависти к богатым [7].

Эффективным каналом легитимного воздействия религии на массовое сознание россиян стало повсеместное возрождение религиозного образования, осуществляемое сегодня не только через систему образовательных учреждений всех уровней, но и через телевидение, Интернет, СМИ и СМК, печатные издания религиозно-просветительской ориентации. Важную роль в этом сыграл и введенный в систему светского школьного образования предмет «Основы религиозной и светской этики», против которого в открытом письме Президенту РФ В.В. Путину «Политика РПЦ: консолидация или развал страны?» выступали известные российские академики. Они тогда выражали беспокойство по поводу возрастающей клерикализации российского общества и активного проникновения церкви во все сферы общественной жизни, указывали на то, что введение в многонациональной многокон-

фессиональной стране Закона Божьего может привести к усилению центробежных процессов. Сегодня можно считать, что их предупреждения, к сожалению, оправдываются.

Значимым каналом влияния религии на политико-правовую сферу жизни общества являются попытки возрождения религиозных политико-правовых порядков, которые уже не раз высказывались и обосновывались в программных документах исламских партий и движений, выступлениях исламских авторитетов. Здесь уместно вспомнить С.Х. Асиятилова, который, возглавляя Исламскую партию Дагестана, говорил, что «каждый мусульманин мечтает о том дне, когда в его стране будет установлен исламский порядок, и его будет судить не двуглавый орел, а шариатский суд» [1, с. 77]. И если в начале нового тысячелетия религиозные политические партии в России попали под законодательный запрет, то никто и не думает ставить запреты практике шариатского правоприменения в отдельных сферах жизнедеятельности. Как результат этого сегодня во многих сельских населенных пунктах в Северо-Кавказском регионе уже действуют шариатские суды. А это не что иное, как свидетельство того, что светская власть расписалась в собственной неспособности решать социальные проблемы населения, препятствовать законным образом росту преступности, остановить распространение многих социальных пороков, среди которых, пьянство, наркомания, проституция и т.п. Но сегодня даже более интересно то, что применение шариатских норм обеспечивается не только силой общественного мнения и авторитетом имамов или кадиев, но и наличием шариатской дружины, т.е. специализированного аппарата принуждения.

Влияние религии, в частности ислама, на экономические процессы прослеживается и в ведении хозяйственной деятельности различными субъектами экономических отношений с позиций партнерства, т.е. совместной деятельности и разделения прибыли либо убытков пропорционально вложенному начальному капиталу каждой стороной сделки. Основными центрами ведения бизнеса по исламским нормам остается сфера кредитования и торговых следок. Так, к примеру, в среде верующих мусульман сегодня все большее распространение получает форма кредитования, когда стороны не обговаривают заранее взимаемый про-

цент с кредита, оставляя его размер на усмотрение заемщика. В этой модели кредитования есть свои недостатки (возникновение конфликтных ситуаций в силу неопределенности размера вознаграждения заимодателя), которые вряд ли позволят ей приобрести значимые масштабы. Тем не менее сегодня уже не редкость бизнес-компании, которые отказываются в своей деятельности от харама, т.е. запретных форм экономической деятельности. И это касается не только финансов, но и производства, оборота, торговли, потребления и т.д.

И все же основной областью, где религия выступает доминирующим регулятором, является сфера семейно-брачных отношений, которая и в советские времена во многом регулировалась с учетом норм и требований религии. Общеизвестно, что более половины браков заключались с участием служителей религиозного культа [3, с. 159]. Однако особенностью современной жизни является нарастающая делегитимизация норм семейного права, когда верующие отказываются от обращения к официальным органам при заключении или расторжении брака, дележе имущества, вступлении в наследование, отдавая предпочтение при их решении религиозным нормам и правилам. Наибольшее количество решений по религиозным нормам по вопросам семейно-брачных отношений и имущественных споров принимаются в регионах с доминирующим мусульманским населением.

Постепенное возрастание влияния религиозного фактора на процессы, происходящие в обществе, породило ряд сложностей и проблем. Утвердившийся формат сотрудничества власти и религии, который только расширяет пределы вмешательства религии, к примеру в образовательную сферу, провоцирует религиозные организации и их лидеров к прямым посягательствам на собственность и право регулирования экономических отношений, на внедрение норм религиозного, в частности шариатского, права в систему российского права. Поддерживаемые властью религиозные организации тесно взаимодействуют с органами власти и используют свою приближенность к ним для дальнейшего проникновения в самые различные структуры общества. В итоге возрождение религии де-факто привело не столько к росту национального самосознания и патриотизма, сколько породило проявления сепаратизма и агрессивного национализма, которые перво-

начально маскировались под лозунги национального возрождения и апеллировали к религии как источнику традиционных национальных ценностей. И только возникшая реальная угроза конституционным основам государства отрезвила политическую элиту России и подвигла законодателей на введение некоторых правовых ограничений религиозной, в частности политической, деятельности.

В российском обществе сегодня, к сожалению, отсутствует ясное понимание того, какой должна быть роль религии. Мы видим, что, нарушая существующие нормы права, власть сама активно сотрудничает с религией, церковь опирается на материальную помощь государства в делах укрепления своего влияния на жизнь граждан. А все это не что иное, как использование членами государственного аппарата своего служебного положения для формирования у россиян религиозности (сакцентом в основном на православие). Поэтому России и нужна модель, регламентирующая влияние религии на общество, которая законодательно закрепляла бы принципы воздействия церковных структур на социальные процессы.

Список литературы

1. Асиятилов С. Х. Ислам спасет будущее Дагестана. Махачкала, 1999.
2. Баранов П. П., Верещагин В. Ю. Русская православная государственность: миф или реальность? // Философия права. 2007. № 4.
3. Баширов Л. А., Лопаткин Р. А., Трофимчук Н. А. Состояние религиозности и атеистического воспитания в регионах традиционного распространения ислама (Материалы социологического исследования). М., 1989.
4. Джабраилов Ю. Д. Роль ислама в консолидации дагестанского общества // Полиэтническое общество, власть и демократия в России. Москва; Махачкала, 2012.
5. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
6. Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в современном Дагестане. М., 2000.
7. Маркедонов С. Терроризм в рамках «международных стандартов» // Агентство политических новостей.

http://www.apn.ru/?chapter_name=print_advert&data_id=564&do=view

8. Нуруллаев А. А. О соотношении политики и религии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2000. № 2.

9. Утяшев Д. Церковь или стая. Какое место занимает религия в современном обществе? // НГ-религии. 2004. 15 декабря.

10. Яхьяев М. Я., Русидзе А. Р. Религиозно-политическая ситуация и экстремизм на Северном Кавказе // Религиоведение. 2010. № 2.

УДК: 002-2-1

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ НАУЧНОЕ И ВНЕНАУЧНОЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Яхьяев Мухтар Яхьяевич,
декан факультета психологии и философии
Дагестанского государственного университета,
доктор философских наук, профессор
(г. Махачкала)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности научного исламоведения в сравнении с вненаучными вариантами исламоведения. Устанавливается то общее, что есть между ними и что позволяет говорить об этих вариантах как о различных путях продвижения на пути познания ислама. Автор исходит из того, что при всей многомерности существующих подходов, методов, вариантов изучения ислама именно научное исламоведение способно выработать целостный образ ислама, объективно и беспристрастно представить его историю, осмыслить современное состояние и тенденции его развития.

Ключевые слова: исламские студии; научное исламоведение; конфессиональное исламоведение; исламистика; «профанное» исламоведение.

Исламоведческие исследования в России насчитывают многовековую историю. Пробуждение интереса к изучению ислама, его вероучительных источников, места и роли ислама в российской цивилизации связано с постепенным присоединением к Российскому государству народов, исповедующих ислам, последующим возрастающим влиянием исламской религии на экономические, политико-правовые, социокультурные и духовно-нравственные процессы в российском обществе. Очевидно, что в обществе, где более 15% населения в конфессиональном отношении идентифицируют себя с исламской религией, исламоведческие исследования будут иметь исключительную значимость.

В отечественной истории первоначально исламские студии проявились в форме конфессионального исламоведения, чуть позже они предстали и в форме исламистики, а к XIX в. стали приобретать еще и форму научного исламоведения. Все эти три разновидности исламских студий имеют много общего и в то же время существенно разнятся, отличаясь по своему содержанию, целям, задачам и результатам. Первые две формы исламоведения мы определяем как разновидности вненаучного познания, отграничивая их от научного исламоведения. Мы ставим перед собой целью дать общую характеристику и выявить особенности разных путей познавательного продвижения к исламу, ведущих к единой цели, а именно – обретению истины об исламской религии. Подобно тому как на вершину горы можно восходить разными тропами, с разных сторон, к истине об исламе также можно продвигаться различными путями.

Первый и наиболее проторенный путь познания ислама – это конфессиональное исламоведение, которое по своей сути является изучением ислама изнутри самой исламской религии, с позиций веры в то, что ислам – это результат Божественного Откровения, переданного человечеству через Пророка Мухаммада. Именно на базе такого конфессионального подхода к изучению ислама сложилась и сегодня существует целостная система «исламских наук», включающая в себя изучение Корана, Сунны, правил чтения и толкования Корана, изучение тафсиров, фикха и т.д. Она также включает в себя обширный комплекс эмпирических, теоретических и ритуально-практических дисциплин. Мусульманское исламоведение сформировалось за длительный пе-

риод истории ислама и продолжает развиваться по всему миру как оригинальная и самодостаточная система знаний о Всевышнем и его религии, исходящая из собственных авторитарных источников, имеющая свою методологию, понятийный аппарат, рациональный логический и внерациональный мистический инструментарий выведения, обоснования, комментирования, популяризации знания.

По мере обретения исламом все большего влияния, и не столько на повседневную жизнь мусульманской уммы, сколько на социально-политические и духовно-нравственные процессы в России в XVI–XIX вв. формировалась и развивалась отечественная исламистика, содержание которой сводилось преимущественно к огульному опровержению устоев мусульманской религии или произвольному искажению сути ислама с позиций православного христианства. Даже в лучших своих образцах исламистика того периода представляла лишь как переложение на русский язык исламского вероучения, его культа и мифологии. И в этом она мало чем отличалась от ее западных аналогов.

Одновременно с такой христианской разновидностью исламистики, подвергающей критике все мусульманское, распространение в России получил и такой феномен, который исследователями условно обозначается как «мусульманская исламистика». Эта разновидность исламистики, пытаясь изучить и широко распространить в массах представления о сущности и формах проявления ислама, сама нередко оказывается непреднамеренным источником опасных заблуждений, в том числе связанных с религиозным экстремизмом и терроризмом. Сегодня для нее наиболее характерной является «тенденция к идеализации ислама, к пропаганде его исключительности и преимущества перед другими религиями и верованиями» [4, с. 4].

Крайним проявлением и дополнением мусульманской исламистики исследователи считают такое родственное ей явление, как «профанное исламоведение». Особенности этой крайности проистекают из чисто коммерческого расчета или стремления получить непосредственную выгоду от занятий, которые могут быть связаны с исламом или освящены именем ислама. При этом выгода от подобных занятий может быть самой разнообразной,

от материальной, финансовой или торгашеской до политической или имиджевой.

В XIX в. наметились серьезные научные исследования, когда были предприняты первые попытки беспристрастного анализа ислама, его сущности и существования, догматики и культа. Среди первых в России исламоведческих работ научного характера мы бы назвали работу Александра Касимовича Казем-бека «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги. СПб., 1859»; сочинение Петра Алексеевича Позднева «Дервиши в мусульманском мире: Исслед. Петра Позднева. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1886. [4], IV, XXXVIII, 336 с.»; труд Владимира Сергеевича Соловьева «Магомет, его жизнь и религиозное учение. СПб., 1896», которое академик В. Бартольд считал «лучшим на русском языке жизнеописанием Мухаммада», и др.

Однако развитие научного исламоведения в России было приторможено революционными социалистическими преобразованиями, той атеистической политикой и практикой уничтожения или вытеснения всего религиозного на периферию общественной жизни и индивидуального сознания советских людей, которая планомерно проводилась на всем протяжении существования СССР. Советский вариант исламистики утвердил в массовом сознании советских людей, равно как и в академических кругах, представления о религии в целом и исламе, в частности, как о духовной сивухе и опиуме для народа. И это явилось результатом распространения идей и ценностей атеистической исламистики, представшей в качестве одного из вариантов однобокого, политически ангажированного, хотя и рационально-понятийного воспроизведения ислама, во многом страдающего теми же пороками антинаучности и предвзятости, что и остальные варианты исламистики.

Идеологическое банкротство СССР и последовавшее за этим конституционное закрепление идеологического многообразия и запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной [3] способствовали возрождению религиозной духовности и превращению религий, в том числе и ислама, в значимую социальную силу. К 90-м годам прошло-

го столетия сложились условия возрождения и развития всех вариантов отечественного исламоведения. Тогда же актуализировалась проблема разработки научного академического исследования, которое в толковом словаре С. Ожегова имеет определение многомерной совокупности наук, изучающих ислам [8]. Сегодня научное исламоведение трактуется и как отдельная самостоятельная наука, и как «комплексное научное направление, объединяющее исследования, принадлежащие к предмету разных наук» [5]. Вместе с тем в научной литературе высказываются и суждения против наделения исламоведения самостоятельным научным статусом. Например, Р.И. Якупов не считает возможным такой научный статус исламоведения, «так как не определены однозначно объект и предметная область этой науки. Нет и собственного научного, в том числе терминологического аппарата, не выделены специфические закономерности, выявленные в этой области» [9, с. 220].

И все же несмотря на развернувшиеся дискуссии о научном статусе исламоведения научные исследования ислама проводятся во многих академических научных центрах и учебных заведениях нашей страны. Большинство исследователей исламоведение рассматривается как неотъемлемая часть научного религиоведения, в рамках которого оно именуется научным академическим исламоведением и отграничивается от конфессионального или просветительского исламоведения. И если последние нацелены на популяризацию знаний об исламе и исправление ошибочных представлений, связанных с заблуждениями обыденного сознания, то научное исламоведение дисциплинарно позиционируется через его светское, гуманистическое значение, и развивается строго на рационально-логических и научно-методологических основах, независимых от какого-либо вероисповедания. Именно поэтому научное исламоведение и может стать, по мнению А. Игнатенко, «одним из факторов единства мусульман России» [1]. Но для этого оно должно решить, как минимум две задачи:

- 1) содействовать последовательной и всесторонней социализации ислама и гармонизации его взаимоотношений с государством и обществом;

- 2) способствовать снижению деструктивных последствий чрезмерной политизации ислама. А решить эти задачи невозможно-

но без отказа «от лжеисламоведения, призывающего к расколу и раздроблению уммы» и возрождения настоящей академической науки об исламе [1].

Решение этой двуединой задачи требует системной работы центров научного исследования ислама, их должного организационного и финансового сопровождения, регулярного издания специализированных печатных и электронных носителей научной информации об исламе. И это значимо в той связи, что на протяжении почти двух первых десятилетий истории современной России не было ни одного узкоспециализированного исламоведческого научного издания. Научной разработкой проблем ислама занимались или отдельные авторы, или узкие группы энтузиастов с очень ограниченными возможностями. Как результат этого вместо целенаправленных, систематизированных исследований исламской религии общество получало от ученых-исламоведов фрагментарные, хотя и в большинстве своем оригинальные работы, посвященные отдельным аспектам ислама.

Одним из первых узкоспециализированных печатных органов, взявших на себя задачу координации научных исследований ислама в России, явился журнал «Исламоведение», учрежденный ДГУ в 2009 г. и вошедший через год с небольшим в известный Перечень рецензируемых журналов ВАК.

Наш журнал с первых своих номеров обозначил своей целью доведение до широкой общественности научных знаний об исламе, особенностях его вероучения и культовой практики, идеологии ислама и экстремистских метаморфозах в нем. На его страницах активно стали публиковаться статьи, отражающие результаты научного изучения основ ислама, вопросов его распространения, особенностей адаптации к местным этнокультурным условиям и пр.

Изюминкой нашего журнала остается то, что он изначально позиционировал себя как орган нерелигиозного академического изучения ислама, использующий методы и исследовательские процедуры философии, истории, социологии, филологии, политологии, юриспруденции, всего комплекса социально-гуманитарного знания. «Исламоведение» продолжает исходить из понимания научного исламоведения как системно-организованного, рационально аргументированного и логически

последовательного изучения сущности и существования ислама и поэтому требует от своих авторов представлять материалы, отвечающие критериям научности социально-гуманитарного знания. Поэтому вполне логично, что журнал придерживается критической позиции по отношению к внеисламской «исламистике» как к разноаспектной критике и огульному охаиванию ислама с антиисламских позиций. Он также не приемлет как мусульманскую исламистику, так и «профанное» исламоведение, являющиеся разновидностями исламских студий, подвергающими произвольному искажению религию ислама, но уже с позиций самого ислама.

Еще одним научно-теоретическим журналом помимо «Исламоведения», входящим с 2015 г. в Перечень ВАК, является журнал «Ислам в современном мире» (Москва, 2005). Это издание способствует академическому и критическому анализу исторических, политических и теологических аспектов развития ислама и мусульманского общества, активно участвует в теоретических и эмпирических исследованиях ислама и тем самым содействует критическому пониманию сложной природы идей и исламских ценностей, социальных конфигураций и материальных реалий, характерных для мусульманских обществ в современном мире. Еще один известный научный журнал: «Minbar. Islamic Studies» (Москва, 2008), который предоставляет свою площадку для обсуждения результатов исследований в области истории, культуры и психологии ислама, исламской теологии (богословия), межрелигиозного и межконфессионального диалога, взаимодействия государства и мусульманских сообществ. Интересен и научный журнал «[Islamology](#)» (Москва, 2017), который в своей редакционной политике отмечает, что научное изучение ислама и мусульман становится с каждым годом все актуальнее, а академическое знание – все ценнее.

В завершение напомним, что на заре Нового времени английский философ Ф. Бэкон говорил о трех путях, по которым движутся философы, познавая мир: о пути муравья, пути паука и пути пчелы. Пути познания ислама тоже многообразны. С пониманием определенной доли условности и образности мы тоже можем обозначить три возможных пути познания ислама: «путь корысти», «путь веры» и «путь разума». Идущий в постижении ис-

лама по «пути корысти» преследует свои меркантильные политические, финансовые, коммерческие или иные материальные интересы. Именно по такому пути познания движутся как исламистика во всех ее разновидностях, так и «профанное исламоведение». По «пути веры» в познании ислама продвигаются различные субъекты мусульманского исламоведения, тогда как научное академическое исламоведение идет «путем разума».

На каждом из этих путей познания религии возможны как открытия, так и просчеты, как нахождение истины, так и передегивание фактов или уход в заблуждения, и только все вместе они способны раскрыть все богатое содержание и красоту ислама, воссоздать его целостный образ. И, как нам представляется, возможностей организовать и направить усилия всех идущих к этой цели разными путями познания больше всего у научного исламоведения, избравшего для себя путь разума. В любом случае, мы, представители академического исламоведения, готовы к совместному движению в познании ислама, которое, однако, не требует от нас отказа от собственных мировоззренческих убеждений и нравственных принципов.

Список литературы

1. Игнатенко А. В России «жесточайший кризис» исламоведения (интервью с ним). URL: <https://islamnews.ru/news-AIgnatenko-V-Rossii-zhestochajshij-krizis-islamovedenija/> (дата обращения: 14.11.2019).
2. Исламская энциклопедия. URL: <http://my-dictionary.ru/word/10768/islamovedenie/> (дата обращения: 11.11.2019).
3. Конституция Российской Федерации. Глава 1. Статья 13.
4. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. Т. II. М.: Наука; Вост. лит., 2016.
5. Сюкияйнен Л. Р. Исламовед должен чувствовать язык и культуру ислама (интервью с ним). URL: <https://islamnews.ru/news-Uchenyj-Islamoved-dolzhen-chuvstvovat-jazyk-i-kulturu-islama/> (дата обращения: 13.11.2019).
6. Саатов И. Мусульманское исламоведение: между кафедрой и Минбаром // Минбар. 2011. № 2 (8).

7. Смирнов А.В. Каким может быть философское исламоведение? Универсалистский, цивилизационный, логико-смысловый подходы // Исламская философия и философское исламоведение: Перспективы развития. – М.: Языки славянских культур, 2012.

8. Толковый словарь С. Ожегова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277787> (дата обращения: 10.09.2019)

9. Якупов Р. И. Исламоведение, арабистика, теология и востоковедение: о предмете исследований // Вестник ВЭГУ. 2014. № 6 (74).

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Тир. 300 экз. Размножено *ИП «Зулумханов Д.А.», Махачкала,
ул. М.Гаджиева, 34.